

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ САДРИДДИНА АЙНИ**

На правах рукописи

СОРОКИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА

**ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ
КАК ТРАНСЛЯТОР СИНЕСТЕЗИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО,
ТАДЖИКСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

Специальность: 10.02.19 – теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Джамshedов Парвонахон

Душанбе - 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПРИЗНАКА ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО	13
1.1. Разряды прилагательных с точки зрения традиционной позиции.....	13
1.2. История понятия категории признака с лингвистической и онтологической точек зрения.....	23
1.3. Формирование прилагательного как части речи с когнитивной точки зрения.....	36
<i>Выводы по первой главе</i>	61
ГЛАВА II. СИНЕСТЕЗИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИНТЕРЕСА	62
2.1. Синестезия как объект междисциплинарных исследований.....	62
2.2. Синестезия в лингвистике с позиций когнитивизма.....	71
2.3. Синхронность признаков «цвет» и «температура» в сознании человека.....	78
<i>Выводы по второй главе</i>	86
ГЛАВА III. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В АНГЛИЙСКОМ, ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК ТРАНСЛЯТОР СИНЕСТЕЗИИ	87
3.1. Синестезия цвета в сопоставляемых языках.....	88
3.2. Синестезия температуры в сопоставляемых языках.....	115
<i>Выводы по третьей главе</i>	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	130
БИБЛИОГРАФИЯ	134
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	148

ВВЕДЕНИЕ

За последние десятилетия все больше возрастает интерес к проблеме синестезии. Появление значительного числа работ, посвященных изучению различных форм синестезии, которые проявляются, прежде всего, в художественной литературе, указывает на необходимость перехода от накопления и осмысления научного опыта к выявлению концептуальных основ, без изучения которых невозможно теоретическое обоснование специфики синестезии, определение ее значения и роли в современной лингвистике.

Современный этап исследований характеризуется расширением трактовки синестезии, понимаемой как феномен гармонического интермодального восприятия, когда в одном когнитивном акте происходит наложение различных по типу ассоциаций. Значительные изменения произошли и в представлениях о синестетической метафоре как одной из частных манифестаций синестезии.

Когнитивная лингвистика – направление в языкознании, которое исследует проблемы соотношения языка и сознания, роль языка и концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщение человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком и формы их взаимодействия.

Когнитивная лингвистика позволяет выявить закономерности языковой системы с позиций их обусловленности когнитивными способами осмысления онтологических ситуаций, увидеть внутреннее единство лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, детерминированное мировоззренческими и культурными факторами. Вследствие этого семантико-прагматические исследования языковых единиц выходят на новый уровень.

Наиболее распространенное (особенно в Европе) название направления лингвистических исследований, сложившегося во второй половине 1970-х годов и имевшего в дальнейшем значительное число последователей. В США,

где это направление зародилось, его чаще называют «когнитивная грамматика», что объясняется расширительным пониманием термина «грамматика» в англоязычной лингвистике, тогда как в России нередко используется термин «когнитивная семантика», указывающий на один из источников данного исследовательского начинания.

Главная отличительная черта когнитивной лингвистики в ее современном виде заключается не в постулировании в рамках науки о языке нового предмета исследования и даже не во введении в исследовательский обиход нового инструментария или процедур, а в чисто методологическом изменении познавательных установок (эвристик). Возникновение когнитивной лингвистики — это один из эпизодов общего методологического сдвига, начавшегося в лингвистике с конца в 1950-х годов и сводящегося к снятию запрета на введение в рассмотрение «далеких от поверхности», недоступных непосредственному наблюдению теоретических (модельных) конструктов.

Составными частями этого фундаментального сдвига было возникновение генеративной грамматики Н. Хомского. С ее понятия «глубинной структуры» (каковы бы ни были дальнейшие трансформации теории Н. Хомского и сколь непростыми ни были бы ее отношения, в частности, к когнитивной лингвистике), бурное развитие лингвистической семантики, возникновение лингвистической прагматики, теории текста, также современной теории грамматикализации с ее интересом закономерностям поведения языковых единиц в реальном дискурсе. Во всех этих исследовательских начинаниях на первый план (хотя и по-разному; выходит идея объяснения языковых фактов. В генеративной теории в качестве объяснения предлагаются, прежде всего, некоторые. Одной из центральных проблем лингвистики на протяжении многих десятилетий остается изучение многозначного слова.

В контексте этого направления семасиологии значительный интерес лингвистов вызывает исследование регулярной многозначности, нацеленной на выявление типовых направлений преобразования словесной семантики в рамках определенной группы слов (И.А. Стернин, 1985, А.П. Чудинов, 1988, С.Д. Погорелова, 2002 и др.); подлежащие открытию глубинные закономерности языковой способности человека (и в этом заключается главное отличие генеративизма от других программ объяснительного анализа языка), то другие объяснительные программы исходят из того, что языковые факты могут быть, по крайней мере, объяснены фактами неязыковой природы, притом необязательно наблюдаемыми. Для языковой прагматики такими фактами являются принципы человеческой деятельности в социальном контексте, (а принимаемыми объяснительными конструктами - цели, намерения, условия деятельности и т.п.). В когнитивной лингвистике в качестве модельных конструктов выступают когнитивные структуры и процессы в сознании человека. Фрейм (М. Минский, к нуждам лингвистики это понятие было адаптировано Ч. Филлмором), идеализированная когнитивная модель (Дж. Лакофф) или ментальные пространства (Ж. Фоконье); 28-мерный набросок (Р. Джэкендофф); семантико-грамматические супер категории наподобие конфигурационной структуры, динамика сил, распределение внимания, «цепция» и т.д. (Л.Талми); комплексные многоаспектные языковые конструкции - в специальном значении этого термина, предложенном в «конструкционной грамматике» Ч. Филлмора и П. Кэя.

В настоящее время заметно возрос интерес к синестезии в лингвистике, что свидетельствует об актуальности настоящего исследования. За последние два десятилетия появилось множество публикаций, посвященных этому явлению (Б.М. Галеев 1999, А.В. Житков 1999, Т.Б. Агалакова 2000, И.Б.

Левчина 2003, А.И. Бардовская 2002, S. Day 1996, L. Caltvedt 1999 и др.). Однако, в плане исследования цветовых и температурных ощущений лингвистическая синестезия еще не получила достаточного освещения, а количество работ по данной узконаправленной тематике крайне невелико.

Актуальность темы. В системе частей речи любого языка прилагательное, занимает одно из центральных мест, так как указывает на признак и качество предмета. В силу этого прилагательное, будучи многогранной лексической единицей, всегда привлекает внимание многих исследователей, как в общелингвистическом, так и в частнолингвистическом плане. Одна из сторон прилагательного представляет собой его функционально-семантическую классификацию.

В таджикском языкознании до сих пор не существует ни одной специальной работы, в которой исследовались бы статус, значение, признаки, семантические разряды прилагательного как транслятора синестезии и синтаксические. Однако мы не смогли найти ни одну специальную статью, в которой анализировались бы различные аспекты рассматриваемого типа прилагательного как транслятора синестезии таджикского языка.

Что касается сопоставительного исследования прилагательного как транслятора синестезии английского и таджикского языков, то краткие сведения о таджикских эквивалентах прилагательного как транслятора синестезии даётся в работах П. Джамшедова. Хотя прилагательные как транслятор синестезии и получили всестороннее исследование, отдельные их аспекты остаются дискуссионными. Нет единства взглядов по вопросу об основных признаках прилагательного как транслятора синестезии.

Таким образом, дискуссионность отдельных сторон прилагательного как транслятора синестезии в лингвистике; недостаточная разработанность вопроса об основных признаках этого типа прилагательного в английском языке, крайне недостаточная изученность различных их аспектов в таджикском языке,

терминологическая запутанность в этой сфере таджикского, а также отсутствие специальных работ, посвященных сравнительно-сопоставительной интерпретации прилагательного как транслятора синестезии таджикского и английского языков, обосновывают актуальность темы предлагаемой диссертационной работы. Более того, необходимость сопоставительного материала для практики перевода затрудняет процесс обучения таджиков английскому языку, а отсутствия научно обоснованных теорий для написания новой научной грамматики таджикского языка диктуют необходимость исследования данной темы.

Степень научной разработанности темы. Вопросами изучения формирования категории признака имени прилагательного занимались многие исследователи, такие как Т. В. Крылова, С. А. Моисеева, А. Д. Чернова, Х.Ю. Яхяева, А.И. Королева и др. Синестезия также уже длительное время находится в поле внимания исследователей, в том числе лингвистов. Можно отметить работы Б. М. Галеевой, Э. А. Кузнецовой, М. Я. Сабанадзе и др. Вопрос актуализации явления синестезии в лингвистике тесным образом связан с психологией и когнитивной лингвистикой. В этой связи можно назвать труды таких исследователей, как Б. Г. Ананьева, Н. Д. Арутюновой, Р. Аткинсона, А. П. Василевича, О. В. Вологиной, А. А. Залевской, С. Л. Рубинштейна, А. А. Понукалина и др. В ходе обзора литературы по теме исследования было установлено, что некоторые исследователи занимались вопросами синтетического переноса признаков цвета – В. Н. Ключева, И. В. Мокиенко, В.С. Морозова и др. Некоторые исследования посвящены изучению прилагательных со значением температуры – Т. В. Крылова. Однако вопрос комплексного освещения роли прилагательных в аспекте синтетического переноса признаков температуры и цвета до настоящего времени не изучался.

Цель предложенного исследования – рассмотрение явления синестезии перцептивных признаков на примере английских, таджикских и русских прилагательных цвета и температуры.

Для достижения поставленной цели был сформулирован ряд **задач**:

- проанализировать историю становления понятия категории признака с лингвистической и онтологической точек зрения;
- отследить процесс формирования имени прилагательного как части речи с когнитивной точки зрения;
- определить сущность явления синестезии в рамках психологии, медицины и философии;
- обозначить место синестезии в рамках лингвистической науки с когнитивных позиций;
- выявить синхронию признаков «цвет» и «температура» в сознании человека;
- привести практические примеры синестезии цвета и температуры в английском, таджикском и русском языках.

В соответствии с лингвистической актуальностью исследования были выбраны объект и предмет исследования.

Объектом исследования являются вербальные манифестации синестезии с компонентом «цвет» и «температура», реализующиеся в английском, таджикском и русском языках.

Предмет исследования составляют языковые сочетания, используемые для обозначения синестетических соощущений с компонентом «цвет» и «температура». Источниками языкового материала для исследования послужили работы широкоизвестных таджикских ученых Б. Ниёзмухаммадова, Л. Бузургзода, А. Королевой, Ш. Ниёзӣ, англоязычные и русскоязычные рецензии, очерки, обзрения, статьи из журналов «Gramophone», «Play», «Classic CD», «Art in America», «Billboard». Кроме того, нами был использован материал электронного словаря Multitran, художественная литература на английском, таджикском и русском языках.

Материалом для исследования послужили работы по русскому, английскому и таджикскому языкознанию, язык художественной поэтической и

прозаической литературы, переводы с английского языка на русский и с русского языка на таджикский. Изучению прилагательного как транслятора синестезии посвящены диссертационные исследования А.В. Житкова, Б.М. Галеева, И.Б. Левчиной, М.Я. Сабанадзе. По данной теме опубликовано также множество научных статей. Что касается исследования этой проблемы в сопоставительном аспекте, то нам известно также диссертационные исследования А. И. Королевой, Х. Яхъяевой, К. Шукуровой, Ш. Рустамова, Л. Бузургзода, Б. Ниязмухаммедова, Х. Маджидова, Х. Юлдашева.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые систематизируются научные наработки на тему трансляция перцептивных признаков температуры и цвета посредством прилагательных английского, таджикского и русского языков в аспекте синестезии, а также проводится уникальный сопоставительный анализ синестетических прилагательных, выражающих признаки температуры и цвета в английском, таджикском и русском языках.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что полученные соискателем положения, выводы и предложения развивают и дополняют ряд существенных аспектов в изучении имени прилагательного. В диссертации в обобщенном виде представлена теоретическая информация относительного прилагательного как класса, а также явления синестезии, как перспективного объекта изучения в лингвистике. Основные теоретические результаты исследования могут стать концептуальной основой для дальнейшего изучения механизма и инструментов синестетического переноса различных признаков. Отдельные результаты исследования могут быть использованы в целях совершенствования содержания, структуры и методики преподавания дисциплин в университетах.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что результаты, полученные в результате исследования, могут быть успешно использованы как в научной, так и в педагогической работе. Разработка

теоретической, методологической и практической базы изучения проблемы позволяет использовать диссертацию при составлении учебников и учебно-методических пособий по сопоставляемым языкам, ведение научных изысканий в области общего и сравнительно-типологического языкознания, курсов лекций и семинаров по таким дисциплинам, как: «Языкознание», «Теория языка», «Теория перевода», «Лексикология английского языка», «Стилистика», «Грамматика».

Методология и методы исследования. Среди методов исследования, использованных при написании работы, можно выделить типологический метод, общенаучные методы. Говоря об общенаучных методах, можно назвать анализ, синтез, сопоставление и сравнение, метод сплошной выборки использованной для обработки информации, содержащейся в различных источниках.

Положения, выносимые на защиту.

- Центр категории прилагательного составляют обозначения качеств, свойств и признаков.
- Интерес к проблеме категории признака на современном этапе развития науки можно объяснить последними достижениями в сфере когнитивной психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики.
- Синестезия является неотъемлемой частью мира запахов и ароматов, способствуя расширению его области выражения благодаря заимствованию им признаков других органов чувств.
- Признаки «цвет» и «температура» характеризуются синхронностью в сознании человека.
- В результате исследования материала было выявлено, что имя прилагательное является основным способом трансляции явления синестезии температуры и цвета в языке.

Научно-теоретической базой исследования послужили труды таких выдающихся исследователей, как И. В. Арнольда, Н. Д. Арутюновой, Ф. И.

Буслаева, А. П. Василевича, В. В. Виноградова, В. Г. Гака, Б. М. Галеева, Г. В. Гегеля, Т. В. Есперсена, А. А. Залевской, В. Н. Ключева, Н. И. Кондакова, Кубряковой, И. Б. Левчиной, А. Ф. Лосева, А. С. Штерна, R. Cytowic, В.С. Расторгуевой, Н. Масуми, Ш. Рустамова, Л. Бузургзода, Б. Ниязмухаммедова, Ш. Ниёзӣ, Х. Маджидова, Х. Юлдашева, Х. Яхъяевой, А.И. Королёвой и др.

Апробация диссертации проводилась на различных этапах её выполнения с 2013 по 2018 гг., в том числе в виде доклада на международной научно-практической конференции «Проблемы перевода и его лингвистические аспекты» (Душанбе, 24 января, 2014). Результаты исследования отражены в публикации «Прилагательное как транслятор синестезии в разносистемных языках» (Душанбе, 2016) и 9 научных статьях, 3 из которых опубликованы в журналах, включённых в перечень ВАК РФ. Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на кафедре языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета (протокол № 2 от 27 сентября 2017 года), а также на секции языкознания Института языка и литературы имени Абуабдулло Рудаки Академии наук Республики Таджикистан (протокол № 3 от 21 апреля 2017 года).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения. Объём работы – 148 страниц компьютерного набора.

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации; обозначены объект и предмет исследования, материал исследования; рассмотрена степень научной разработанности темы; сформулированы цели и задачи исследования, определены приёмы и методы исследования; приведены положения, выносимые на защиту; показана научная новизна; раскрыты теоретическая значимость и практическое значение исследования; указан уровень апробации её материалов, объём и структура исследования.

Первая глава посвящена теоретическому аспекту формирования категории признака имени прилагательного. Помимо этого, рассматриваются

точки зрения различных ученых на процесс формирования имени прилагательного как части речи с когнитивной точки зрения. **Во второй главе** рассказывается о синестезии как об объекте научного интереса, где раскрывается сущность феномена синестезии с позиций таких наук как психология, медицина и философия. Однако ключевым моментом является дефиниция синестезии в лингвистической науке. Кроме того, уделяется внимание процессу формирования признаков «цвет» и «температура» в сознании человека. **В третьей главе** рассматривается имя прилагательное в английском, таджикском и русском языках как транслятор синестезии. Приводятся практические примеры явления синестезии в рамках признаков «цвет» и «температура», которые были отобраны из английских, таджикских и русских рецензий, очерков, обзоров, статей из журналов «Gramophone», «Play», «Classic CD», «Hot Seven», «Fuzz», «Art in America», «Billboard» а также из словаря Multitran методом сплошной выборки.

В заключении подводятся итоги и делаются выводы. **Библиография** включает в себя 158 наименований.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ КАТЕГОРИИ ПРИЗНАКА ИМЕНИ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

1.1. Разряды прилагательных с точки зрения традиционной позиции

В данной главе мы ставим задачу показать процесс изучения имени прилагательного с традиционной позиции.

Прилагательное как часть речи в общем случае специализируется на выражении не процессуальных признаков. Морфологические показатели прилагательного приспособлены выражать степени сравнения и различать полную и краткую форму, обеспечивая языковое выражение связи признака и носителя этого признака. Сам признак во многих случаях выражается существительным. Центр категории прилагательного составляют обозначения качеств, свойств и признаков [19, 229]. Именно эти прилагательные употребляются, как правило, без каких-либо ограничений в функции определения или предикатива. Периферию класса прилагательных составляют слова, перешедшие из других морфологических классов: из класса существительного, наречий, глаголов / причастий.

В учебнике «Русского языка» В.В. Виноградов даёт всестороннее определение имени прилагательного: «Имя прилагательное – это грамматическая категория, формирующая и объединяющая слова, которые означают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятельный) и которые являются определяющими имена существительные и обычно согласуемыми с ними в роде, числе и падеже частями речи» [20,182].

Прилагательное имеет зоны пересечения с другими частями речи, которые также способны выражать адъективные признаки. В грамматике прилагательные традиционно подразделяются на класс качественных и относительных [20, 65]. Между обоими классами нет жесткой границы, так как

в некоторых контекстах одно и то же прилагательное может реализовывать те или другие признаки.

Класс качественных прилагательных включает лексемы со значением [9, 346–384]:

- цвета;
- формы;
- вкуса / запаха;
- звука;
- характера поверхности;
- температуры;
- эстетической оценки;
- моральной оценки;
- интеллектуальной оценки;
- пространственных характеристик;
- временных отношений;
- степени соответствия действительности.

Например:

- по величине: large – калон – большой;
- по возрасту: young – чавон – молодой;
- по цвету: red – сурх – красный;
- по весу: light – сабук – легкий;
- по внешнему виду: beautiful – зебо – красивый;
- по внутренним качествам: clever – оқил – умный.

По мнению Х.Ю. Яхяевой такие признаки могут быть у предмета в большей или меньшей степени [100, 32].

1) Качественные прилагательные образуют степени сравнения, то есть их содержание может меняться в отношении объема того же признака:

beautiful – зебо – красивый,

more beautiful – зеботар – красивее,

the most beautiful – зеботарин – самый красивый.

2) Качественные прилагательные могут состоять из одной основы;

a tall tree – дарахти баланд – высокое дерево,

big eyes – чашмони калон – большие глаза,

и могут быть простыми и сложными:

black - eyed sister – хоҳари сиёҳчашм – черноглазая сестренка,

black – haired girl – духтари сиёҳмӯй – черноволосая девочка,

sunburnt man – одами офтобгирифта – загорелый мужчина

Класс относительных прилагательных указывает на:

- географическую принадлежность;
- языковую / государственную принадлежность;
- религиозную принадлежность;
- историко-культурную принадлежность;
- профессиональные отношения;
- социальную принадлежность;
- материал изготовления;
- временной отнесенности;
- положение в пространстве.

Х.Ю. Яхьяева отмечает, что все относительные прилагательные в сопоставляемых языках имеют производную основу. Как в таджикском, так и в английском языках, относительные прилагательные, выражая признак имеют синонимичные конструкции с теми словами, от основы которых образовались данные относительные прилагательные [100, 22].

Например:

– a wooden wall – девори чӯбин – деревянная стена;

– a wall made of wood – девори аз чӯб сохташуда – стена, сделанная из дерева.

Относительные прилагательные в сопоставляемых языках обозначают постоянный признак, который не может меняться количественно. Относительные прилагательные не сочетаются с наречиями степени. В английском языке они не образуют соответствующего наречия с суффиксом «-ly». Относительные прилагательные таджикского языка не образуют отвлеченных существительных. В английском языке относительные прилагательные, за исключением прилагательного «male», не образуют соответствующие абстрактные существительные с суффиксом «-ity» или «-ness». Они не образуют также префиксальных антонимичных пар, но образуют разнокорневые антонимичные пары.

В широкоизвестной грамматике таджикского языка, составленной Л. Бузургзода и Б. Ниязмухамедовым сказано, что среди прилагательных выделяются группы качественных и относительных прилагательных.

В предложении, указывают авторы, прилагательные выполняют функцию определения и сказуемого.

Качественные прилагательные, обозначающие цвета и ряд других, могут употребляться для названия лица или предмета. В этом случае, они субстантивируются, приобретая и грамматические признаки существительных, такие как: множественное число, способность самостоятельно выражать неопределённость, синтаксические функции существительных [59, 64].

Особенностью прилагательного как части речи является способность градуального выражения признака, образуя степени сравнения. В общем случае только у качественных прилагательных возможны степени сравнения. Не имеют степеней сравнения прилагательные, в семантическом отношении выражающие наивысшую степень признака. У некоторых прилагательных степени сравнения не употребительны.

Относительные прилагательные не имеют степеней сравнения. Однако если происходит сдвиг значения, то прилагательное может употребляться не только в положительной степени [9, 383].

Сами степени сравнения не являются единственным способом выражения градуальности признака. Так, например, высокую степень признака в немецком языке можно выразить, используя лексические, словообразовательные и синтаксические средства.

С точки зрения семантики представляют интерес случаи, когда к одному и тому же определяемому слову относится несколько прилагательных. Семантическое значение, в котором употребляется относительное прилагательное, определяется значением самого прилагательного и глаголом.

Сложности могут возникать при разграничении инструментального и локального, агентивного и локального значений.

Относительные прилагательные, образованные от существительных со значением «институт / инстанция» и связанные с одним лицом, не употребляются в агентивном значении в пассивных предложениях.

В речи признак естественным образом оказывается связанным либо с носителем самого признака (диктумным субъектом), либо с говорящим (модусным субъектом), тем, кто наблюдает, оценивает или мыслит конкретный признак [5, 83]. Классификация адъективных признаков может основываться на следующих семантических параметрах:

1) противопоставление наблюдаемых признаков всем основным; параметр наблюдаемости (онтологические параметры объекта, воспринимаемые органами чувств; цвет, форма, тактильные и т. д.);

2) противопоставление наблюдаемых и информативных неавторизованных признаков оценочным и эмоциональным (параметр авторизованности – неавторизованности; с чьей точки зрения предмет обладает неким признаком).

3) противопоставление авторизованных оценочных прилагательных неоценочным (когда актуализируется определенный критерий, который лежит в основе оценки; параметр критериальности – некритериальности).

4) противопоставление авторизованных эмоциональных признаков другим признакам (параметр проективности / непроективности).

Эмоциональные признаки могут быть связаны с собственно эмоциональным состоянием субъектов (эмоционально-статусное значение).

В предложении это свойство прилагательного, взаимодействуя с другими средствами обозначения лица, создает субъектную перспективу предложения / текста.

Анализируя характерные признаки и особенности категории имени прилагательного в английском, таджикском и русском языках лингвист неизбежно сталкивается с различными принципами классификации и, следовательно, с различными группами и разрядами английских прилагательных.

В отечественном языкознании наиболее полный обзор существующих классификаций прилагательных, представлен Э. Г. Меграбовой. Прежде всего, она рассматривает классификацию английских лингвистов: Г. Суита, Дж. Несфилда и др.

На классификацию прилагательных, предложенную Г. Суитом, автором первой теоретической английской грамматики, несомненное влияние оказала его же теория частей речи. Среди прилагательных он выделяет собственно - прилагательные, прилагательные-местоимения и прилагательные-числительные. Отмечая, что первостепенное назначение прилагательных – выражать качество слов – предметов, Г. Суит делит прилагательные на две большие группы:

1) *attribute – adjectives* – атрибутивные прилагательные, которые образуют признаки предметов;

2) *qualifying adjectives* – определяющие прилагательные, просто ограничивающие или определяющие существительные, с которыми они связаны. В эту группу Г. Суит зачисляет, помимо артиклей и местоименных прилагательных (*adjectives pronouns*), любые прилагательные, связанные с абстрактными существительными. Если *great* – большой, великий в *great man* – великий человек действительно *attribute – adjectives*, ибо признаками,

качествами могут обладать только конкретные существительные, то *great* в *great height* (огромная высота), *great stupidity* (большая глупость) уже только «qualifier, a qualifying adjective» (определяющее прилагательное).

Как отмечает Э.Г. Меграбова, Г. Суит, один из зарубежных англистов, разделяет прилагательные на такие разряды, которые отчасти напоминают разряды качественных и относительных прилагательных (pure attribute – adjectives и concrete adjectives – чистые атрибутивные прилагательные и конкретные прилагательные) [53, 39].

У. Э. Несфилд выделяет шесть групп прилагательных:

1) собственные (proper): Portuguese – португальц – португалец, English – англис – англичанин;

2) описательные (descriptive): brave – нотарс (часур) – храбрый, careful – мехрубон (гамхор) – заботливый;

3) количественные (quantitative): much – зиёд (бисёр) – много, little – кам – мало, some – на он қадар зиёд – немного, half – ним – половина;

4) числительные (Numeral): all – все, many – многие, several – некоторые, one – единичные, first – первые;

5) указательные (demonstrative): that – тот – ин, such – такие – хамин хелахо, a, the;

6) разделительные (distributive): each, every – хар як – каждый, neither – хеч кадом – никакой [91, 45].

У. Э. Несфилд пытается построить свою классификацию, исходя из семантики тех групп, которые он включает в категорию прилагательного, в зависимости от того, обозначают ли они количество, порядок предметов и т. д. Проблема частей речи, зыбкость границ между частями речи, по мнению Э. Г. Меграбовой, оказывается в классификации У. Э. Несфилда.

Как известно, краеугольный камень учения О. Есперсена – его весьма оригинальная теория трех рангов. Грамматическое деление слов по разрядам

переплетается с логическим – по трем рангам. И поэтому у О. Есперсена классификация прилагательных по разрядам – это классификация вторичных слов в функции – адьюнктов (*adjuncts*). Рассматривая функцию адьюнктов-модификаторов, определений первичных слов, О. Есперсен различает несколько разрядов адьюнктов. Самыми важными из них О. Есперсен считает адьюнкты, которые можно было бы назвать ограничительными или квалификативными (*restrictive*): их функция состоит в ограничении первичного слова (*primary*). Так, слово *red* – *красный* – *сурх* в сочетании *red rose* – *красная роза* – *садбарги сурх* ограничивает применение слова *rose* – *роза* – *садбарг* одним конкретным подразрядом, исключая *white* – *белый* – *сафед*, *yellow* – *желтый* – *зард*, *rose* – *розовый* – *гулобӣ*. Таким образом, обстоит дело и в других случаях: *new book* – *новая книга* – *китоби нав*, *poor widow* – *бедная вдова* – *бевазани бечора*, *Spanish peasants* – *испанский крестьянин* – *деҳқони испанӣ*.

К ограничительным адьюнктам О. Есперсен относит также *this* (*этом*), *that* (*том*), *the* в сочетаниях *this rose* (*эта роза*), *that rose* (*та роза*), *the rose*, но отличаются они от других адьюнктов тем, что ни в какой мере не являются описательными: единственное их назначение – специализация, уточнение.

Второй разряд адьюнктов – неограничительные адьюнкты (*non-restrictive adjuncts*).

Третий разряд адьюнктов О. Есперсен называет количественными: *many* – *много* – *зиёд/бисёр*, *much* – *много* – *зиёд/бисёр*, *some* – *немного* – *на он қадар зиёд*, *few* – *мало* – *кам*, *little* – *мало* – *кам*, *less* – *меньше* – *камтар*, *more* – *больше* – *зиёдтар (бештар)*, *no* – *никакой* – *ҳеҷ кадом*, *one* – *какой-то* – *кадом*, *як* и др.

Как отмечает Э. Г. Меграбова, классификация прилагательных по разрядам у О. Есперсена базируется на ином принципе, чем у Г. Суита; О. Есперсен принимает во внимание не только семантический, но и стилистический момент.

В английских традиционных теоретических грамматиках, по мнению

Э.Г. Меграбовой, дается самая разнообразная классификация имени прилагательного. Количество разрядов прилагательных колеблется от трех до восьми. По ее мнению границы этой категории, в научных английских грамматиках довольно расплывчаты и неопределенны. Прилагательные определяются как слова, употребляющиеся с существительным, чтобы ограничить его применение. Американский философ Р.К. Эйкин понимает прилагательное еще шире: «Прилагательное – это употребление слова, фразы и предложения для определения слова (не фразы и не предложения), используемого обычно как существительное». Он фактически отождествляет категорию имени прилагательного – часть речи – с определением [53, 56]. Такая неясность порождена проблемой классификации словарного состава по частям речи. Деление внутри обширной категории прилагательного вышеупомянутые лингвисты пытаются провести, исходя из семантического принципа. Но в трудах зарубежных англистов, при всем обилии и разнообразии группировок в категории прилагательного, выделение разрядов качественных и относительных прилагательных, ставшее традиционным в советской англистике, не проводилось.

Интересно отметить, что В.Н. Жигадло, И.П. Иванова, Л.Л. Иофик считают целесообразным выделить три группы прилагательных: качественные, относительные и количественные: *much* (много), *many* (много), *few* (мало, несколько), *little* (мало). Б.Ильиш же, последнюю группу причисляет к наречиям. Некоторые лингвисты, по аналогии с русским языком, делят английские прилагательные на качественные, относительные и указательно-определятельные. Таким образом, некоторые различия по вопросу классификации прилагательных наблюдаются и в трудах советских англистов. Но общепризнанным является деление прилагательных на качественные и относительные.

Несомненно, деление английских прилагательных на качественные и относительные перенесено из русского языкознания, где оно является традиционным.

Выделяя в английском языке два разряда прилагательных – качественные и относительные – советские англисты обычно указывают на то, что качественные прилагательные передают признак непосредственно (*old* – старый – кухня, *white* – белый – сафед), а относительные – передают признак, связанный с отношением к предмету, месту, времени (*industrial* – индустриальный – индустриалӣ, *wooden* –деревянный – чӯбин, *Crimean* – крымский – кримӣ) и т. д.

Б. Ниёзмухаммадов и Л. Бузургзода отмечают, что качественные прилагательные в таджикском языке, кроме умешительно-ласкательных, образуют две степени сравнения: сравнительную и превосходную. Превосходная степень по способу обозначения признака делится на превосходную степень сравнения (образующуюся при помощи суффикса - **тарин**) и превосходную усилительную, выражаемую при помощи слов **чудо**, **хеле**, **ба ғоят**, **беҳад**, **фавқуллода**, а также путём полного или частичного повторения прилагательного).

Авторы также указывают на близость прилагательных с суффиксами – **ча**, - **ина**, - **як** со степенями сравнения [60, 30].

В «Грамматике таджикского языка», составленной Б.Н. Ниёзмухаммадовым и Ш. Ниёзӣ, прилагательное также представлено как одна из десяти частей речи, именно, часть речи, обозначающая признак предмета непосредственно лексической основой или через отношение к другому предмету. [62,58].

Качество, как категориальное значение имени прилагательного всегда приписывается какому-то предмету, субстанции. Качество, передаваемое прилагательным - *white* – *белый* – *сафед* – субстанции, выраженной словом *dress* – платье – курта; качество *old* – *старый* – *тир* – субстанции *man* – человек;

качества, обозначенные прилагательными *industrial* – индустриальный – индустриалӣ *wooden* – деревянный – *чӯбин*, *Crimean* – крымский – *қримӣ*; субстанциям *enterprise* – предприятие – *корхона*, *house* – дом – *хона*, *weather* – *погода* – *обу ҳаво* и т. д.

Итак, в качестве основного принципа классификации прилагательных является их разделение на качественные и относительные. При этом относительные прилагательные тесно связаны с предметными субстанциями, что возможно является одной из предпосылок для функционального сближения прилагательных и существительных.

Русская и таджикская грамматика испытали определённое влияние других грамматических систем. Отсюда – в русской грамматике объединение всех имён в одну часть речи – имя; отнесение одного и того же слова, в зависимости от его синтаксической функции в предложении, к разным частям речи в таджикской грамматике.

1.2. История понятия категории признака с лингвистической и онтологической точек зрения

Категория признака является одной из основополагающих категорий, когда мы говорим о процессах восприятия и осмысления мира человеком. Несомненно, следует признать важность и значимость данной категории. Это подтверждается постоянным интересом к ней философов, психологов, психолингвистов и лингвистов. Для представителей разных наук, прежде всего, важен онтологический статус данной категории. Большое значение придается также роли данной категории в процессах категоризации и концептуализации действительности человеком. Особое внимание уделяется способам, формам и средствам её репрезентации как в психической, ментальной сфере человека, так и в его семиотической, речемыслительной и коммуникативной деятельности.

Исторически сложилось, что в рамках разных плоскостей гуманитарного знания, по данной проблематике сформировалось достаточно большое количество необходимой литературы. Несмотря на это, некоторые её аспекты заставляют снова и снова обращать на себя внимание исследователей. Интерес к проблеме категории признака на современном этапе развития науки можно объяснить последними достижениями в сфере когнитивной психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики. Появление новых данных, позволило проникнуть в тайны скрытого от глаз – сознания человека. Благодаря этому можно достаточно объективно создать модель тех основополагающих процессов, которые происходят в его психической сфере. Эти процессы в настоящее время способствуют более реалистичному объяснению и интерпретации проблем взаимосвязи языка и чувственного познания, языка и мышления.

Поэтому в настоящее время размышления и изыскания различных гуманитарных наук сводятся к обсуждению и определению своих позиций по поводу проблем, относящихся к категории признака:

- 1) онтологический аспект категории признака;
- 2) репрезентация перцептивного признака в чувственной сфере человека (психологический аспект категории признака);
- 3) лингвистическая репрезентация признака предмета;
- 4) статус имени прилагательного не просто как части речи, а как одного из типов признаковых слов в языке в системе других частей речи.

Т.В. Григорьева отмечает что, для понимания сущности категории признака в языке важным является его онтологический аспект. Наше сознание, находясь в объективной действительности, выделяет, прежде всего, две устойчивые сущности: вещи (предметы) и их признаки. Данные категории являются взаимозависимыми и определяются одна через другую. Любая вещь представляет собой совокупность признаков: «Нечто есть благодаря качеству

то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» [29, 58].

По мнению Н. И. Кондакова признаки не существуют сами по себе, опосредованно, без соотнесения с вещами. Данные признаки понимаются как «все то, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга» [42, 416].

С точки зрения философии признак или атрибут (лат. *attribuo* – придаю, наделяю) является обязательным свойством предмета. Следует отметить, что без этого свойства предмет не может ни существовать, ни мыслиться. В традиционной философии признаки предмета подразделяются на первичные и вторичные. Это разделение можно найти в трудах Демокрита, Галилея, Декарта, Гоббса. Однако впервые данные термины ввёл Дж. Локк.

К первичным или объективным качествам предмета Дж. Локк относил движение, непроницаемость, плотность, объем, фигуру и т.д. Вторичные или субъективные качества, по мнению Дж. Локка, не составляют сущность вещей. Эти качества находятся в зависимости от первичных качеств [147, 34].

Итак, следует сделать вывод о том, что любые возможные характеристики предметов являются признаками. Исследованием установлено, что в объективной действительности признаками является всё то, в чем одни предметы похожи между собой, а другие различаются. Объединяя различные предметы определенного вида в понятия, мы используем совокупность признаков, которые являются содержанием данного понятия. Необходимо отметить, что признаком предмета, может считаться наличие или отсутствие у предмета того или иного качества. Носителем определенного признака может выступать как материальный объект, так и форма его отражения (например, представление или понятие). Помимо этого, относительными являются как категория вещи, так и категория признака. Они способны к взаимопереходу, поскольку одна и та же сущность в разных ситуациях может выступать как нечто, обладающее признаком. Иными словами, как вещь, так и сам признак,

могут взаимно «переходить» друг в друга. Исключением могут быть лишь пространственно ограниченные физические тела и их объединения, которые предстают только как вещи.

Считается, что начальному этапу познавательно-классификационной деятельности человека соответствует первичное разделение элементов реального мира на вещи и признаки. Е. С. Кубрякова рассматривала проблему возникновения частей речи с ономаσιологической точки зрения. Она сделала вывод, что в основе имеющегося у носителей языка представления о каждом лексико-грамматическом классе лежат «некие общие категории, соответствующие речемыслительному познанию мира и отвечающие представлению об основах классификации окружающей человека действительности» [45, 25]. Что касается самой классификация, то она происходит обычно сообразно природе вещей. Первым получило название, а значит, было вычленено из окружающей действительности то, «что имело в природе, окружающей человека, наибольшее прагматическое значение и обладало наибольшей социальной значимостью» [44, 29]. А именно, те объекты мира вещей, которые были непосредственно доступны органам чувств человека – зрению и слуху. Можно предположить, что на этом этапе существовала единая категория, обладающая субстанциональным значением.

В процессе развития абстрактно-логического мышления со временем появляется потребность дифференцировать данную единую субстанциональную категорию. Потому что для построения даже простейшего суждения о предмете необходимо было, кроме названия самого предмета, еще и название того признака, который ему приписывался. Отсюда следует, что одни сущности (предметы) осмысливаются как темы высказываний, то есть важно то, о чем идет речь в суждении. Другие сущности можно понять как признаки обозначенного предмета. Эти признаки приписывают ему определенные атрибуты, которые сообщают о его свойствах, определяют место в таксономии мира и так далее. Иными словами, проводится своеобразный «семантический

рубеж между обозначением того, что характеризуется, и того, как характеризуется, между обозначением предмета речи и его признаков» [44, 32].

Р.М. Фрумкина отмечает, «что в становлении понятия «категория признака» немалую роль играет и психолингвистический аспект». В последние годы все чаще обращается внимание на то, что изучение значений и смыслов невозможно «вне того, без чего они лишаются модуса существования – без внутренних миров их носителей» [80, 58].

А.А.Залевская утверждает, что любой речемыслительный акт неизбежно субъективен. Поэтому невозможно четко и однозначно разграничить мир на объективный и мир физических явлений и субъективный мир мыслей и чувств [38, 52]. А происходит это потому, что мир структурирован согласно целям, обстоятельствам и намерениям человека. Согласно психолингвистике, человек, находясь всегда внутри определенной ситуации, не может обладать о ней абсолютно объективным знанием. С этой позиции слова следует рассматривать не как элемент абстрактной лексико-семантической системы языка, а как средство «выхода» индивида «на субъективную картину объективного мира, вне которой ни само слово, ни его использование не имеют никакого смысла».

В связи с этим психолингвистика предполагает, что при изучении значения слова целесообразно взять за точку отсчета именно конкретного индивида, а не абстрактную, безликую языковую систему. Отсюда вытекает другое отличие лингвистического и психолингвистического подходов к значению слова. Т. Виноград отмечает, «что если признается, что язык существует в сознании его носителя, то остается актуальной лингвистическая формула «язык – средство передачи информации». Значение не передается в процессе коммуникации, а «создается активным слушанием, при котором языковая форма является скорее стимулом для интерпретации, чем носителем информации» [19, 199]. По мнению У. Матураны, «сущность функции языка заключается в создании между участниками коммуникации пространства

взаимодействия, которое обладает общей системой отсчета». Примечательно, что каждый коммуникант не имеет возможности выйти за рамки собственной картины мира, «той когнитивной модели, которая была сформирована под влиянием опыта личных переживаний» [52, 140]. Языковое поведение внутри когнитивной модели будет диктовать существующие правила. По замечанию Т. Винограда, если мы не учитываем внутренний контекст, в который было включено слово при восприятии его слушающим, «мы располагаем уже не сутью значения, а его жалкой оболочкой» [19, 220].

По мнению А. А. Залевской, «подход к слову как к достоянию индивида, предполагает собой необходимость выяснения следующих вопросов при рассмотрении значения:

- что знает человек, когда он знает значение слова,
- на чем базируется переживание значения слова как знакомого, понятного,
- какие стратегии и опорные элементы используются при поиске слова в памяти, при понимании воспринимаемого текста» [38, 98].

Структура значения слова с точки зрения психолингвистики, определяется как явление психологическое. Это явление создаёт у носителя языка результат обобщения его многогранного опыта с учетом сформированных социумом норм и оценок. Признак предмета предстает в этом случае не как свойство материального объекта. Признак является атрибутом субъективного представления о стимуле, это результат процесса осознания чувственно данного предмета.

Помимо отмеченного выше, ученых также интересовала и та роль, которую играет признак в ходе распознавания стимулов в рамках психологической трактовки. Вопрос заключался в том, что именно имеет решающее значение в процессе восприятия – признаки объекта или его целостный образ.

По мнению У. Найссера, признаки являются чем-то производным от целого. Он считал, «что восприятие человека изначально является целостным.

Затем уже при желании или необходимости имеется возможность выделения признаков, которые komponуются в образе соразмерно и подчиняясь своим внутренним законам» [58, 156].

Представители отечественной деятельностной психологии выразили свою точку зрения по данной проблеме. М. С. Шехтер, к примеру, не подвергал сомнению сам факт существования стадии восприятия признаков объекта. Правильность своей позиции он подтверждал утверждением, «что предварительная аналитическая работа существенно облегчает формирование целостного образа» [84, 143]. Основная роль в распознавании образов отводится признакам, при подходе к проблеме восприятия. В данном случае необходимо более подробно рассматривать сами признаки.

Р. М. Фрумкина отмечает, «что есть и другая точка зрения, в соответствии с которой сама постановка вопроса о том, использует ли человек целостные представления или признаки объекта, заведомо ведет в тупик. Задача состоит в том, чтобы выяснить, при каких условиях человек предпочитает оперировать целостностями, а в какой момент использование признаков будет оптимальным. Дело в том, что наряду с многочисленными примерами выделения признаков в процессе сравнения известны также случаи, когда сравнение объектов не может вестись в терминах признаков» [75, 139].

По данной проблеме был проведен эксперимент в норме и патологии. Следовательно, были сделаны выводы, что многие изображения, хорошо известные испытуемым, сравнивались и отождествлялись без разложения на элементы. Этими элементами в эксперименте выступили, например, буквы знакомого алфавита и другие [75, 128]. А. С. Штерн полагает, что обе стратегии восприятия в любых ситуациях будут использоваться одновременно. Однако ученый делает оговорку, что одна из стратегий в зависимости от конкретных условий может превалировать. Известно, что хорошо знакомые слова воспринимаются, как правило, целиком. По мнению автора, это объясняется наличием в памяти перцептивных эталонов слов. Слова, малознакомые нашему

восприятию, не обладают перцептивным эталоном в памяти. Поэтому они имеют тенденцию восприниматься поэлементно [86, 217].

Отсюда следует, что формирование языковой картины мира в сознании человека не может носить полностью объективный характер. Картина мира не является простым набором «фотографий» предметов, процессов, свойств и т. д. Картина мира включает в себя не только отраженные объекты. Значительным ее элементом является и позиция отражающего субъекта, его отношение к этим объектам. А именно позиция субъекта является такой же реальностью, как и сами объекты.

А. А. Залевская в связи с этим указывает на зависимость того, на что мы обращаем внимание, от того, какие у нас потребности, привычки, настроение [38, 8].

Пониманию причин, на основании которых тот или иной признак включается в структуру значения слова, может способствовать изучение способов хранения и организации знаний в памяти. При рассмотрении этого вопроса А. В. Брушлинский пользуется термином «ментальные репрезентации», понимая под этим внутренние структуры сознания человека, возникающие в процессе его жизни и отражающие сформировавшуюся у него картину мира, общества и собственной личности [14, 8].

Из существующих обзоров моделей памяти, разработанных современной наукой, наиболее исчерпывающим является обзор У. Матурана и Т. А. Ребеко [52, 6]. В первую очередь, Т. А. Ребеко предлагает различать теории, подразумевающие: 1) один формат ментальной репрезентации (признаковые модели, модели сети и коннекционистские модели); 2) несколько таких форматов, и справедливо подчеркивает реалистичность представления не о едином формате репрезентации информации и памяти, а о существовании нескольких способов её кодирования [52, 40]. Как считал Р. Аткинсон, под кодом понимается «упорядоченный список признаков, определяющих ту или

иную произвольную единицу опыта (объект отношение или абстрактное понятие) на основе некоторого набора параметров» [12, 278].

В настоящее время можно заключить, что психологи пришли к общему мнению относительной гибкости форм репрезентации информации. Необходимо учитывать лишь то, в каких условиях какие формы ментальных репрезентаций предпочитают носители языка для оперирования ими в различных видах своей деятельности, в том числе это и вербальная деятельность. В результате это приводит к формированию ментального образа, понятия об объекте внешнего мира.

Отсюда следует, между предметом и словом, которое его называет, стоит понятие о предмете, которое слово обозначает. Иными словами, это концепт, объективированный в слове. Для современного сознания, слово – всего лишь знак, который имеет своё (лексическое) значение. Значение формируется посредством соединения множества представлений о признаках предмета. Однако признаки могут быть существенными и случайными, полезными и малозначительными, одинаково красивыми и невыразительными.

Содержание понятия складывается из обобщённых признаков предмета. Они являются самыми важными, существенными, необходимыми для опознания вещи признаками, по возможности эти признаки являются истинными. Поэтому логично наличие в словесном признаке больше индивидуального и национального, чем в тех признаках, которые составляют содержание понятия. Следует отметить, что прогрессивное развитие человеческой мысли отражается в постоянном поиске окружающего мира. Именно поэтому слово стало четко выражать представление о самом существенном признаке предмета. Следовательно, слово само по себе начинает порождать понятие о нём. Понятие само по себе логично, оно находится в тесной связи со значением. Слово же относится к чувственным формам конкретного познания.

Считается, что смысл познания состоит в поиске и определении признаков, обрисовывающих в человеческом сознании контуры внешнего мира. Вначале выступает просто признак предмета, далее – релевантное свойство, в завершении поисков – существенность его качества. Из различных словесных образов складывается законченное по точности знание мира. Отсюда следует, что категория «качественность» становится философской категорией. Язык, обладая бесконечным разнообразием форм, способен отражать различные способы развития понятий о мире. Здесь необходимо отметить, что отдельные признаки предметного мира особенно проявляются в действии человека, когда он сталкивается с предметом, останавливается на нём и фокусирует свое внимание. В связи с этим проявляются признаки, происходит переход с одной грамматической категории на другую, которая является более отвлечённой по способу выражения.

В процессе развития лингвистики постепенно изменялись способы выявления признаков с помощью слов. А также происходило преобразование и грамматических свойств, и средств языка. В современной лингвистике существует последовательность в изменениях грамматических категорий и периоды особой предпочтительности одних из них в ущерб другим. Из имени постепенно стали выделять: прилагательное, существительное, числительное и другие языковые знаки. Они называли признак в последовательности его выявления и фиксации в речи. Каждый раз это происходило в непосредственной зависимости от развития мысли и потребностей, возникающих в обществе для подобной аналитической мысли, всё глубже проникавшей в тайны познания. Следовательно, делаем вывод, что к категории признаковости следует подходить как к онтологической сущности. Прилагательное, в свою очередь, должно рассматриваться как лингвистическая категория, которая имеет, как и другие части речи в языке, непосредственное отношение к формированию личного опыта человека при контакте с миром и в процессе его познания.

Сущностная категоризация объективной действительности существенно отразилась и в структуре естественных языков. Если судить по результатам ряда современных исследований, которые касаются проблем семантически ориентированной лексико-грамматической категоризации, можно сделать вывод о распределении всей полнозначной лексики языка по двум обширным классам: классу вещных слов и классу признаков слов (С. Д. Кацпельсон, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, А. А. Уфимцева и др.).

Класс вещных слов объединяет лексические единицы. Они обладают общекатегориальным значением субстанциональности или предметности в широком понимании этого термина. Помимо преимущественного большинства имен существительных сюда относятся другие субстантивные и субстантивированные слова.

Класс признаков слов объединяет лексические единицы с общекатегориальным значением «признаковое». К ним относятся прилагательные, наречия, глаголы, причастия, инфинитивы и местоимения-прилагательные.

Необходимо при этом иметь в виду, что словесные знаки полифункциональны, объемны и гибки. Они могут отвечать одновременно разным классификациям, которые проводятся по разным параметрам. Поэтому отнесенность слова к определенной части речи не следует считать основным и единственным критерием определения его признаковой или вещной сущности. *Например*, в имени существительном эксплицитно может быть представлена не семантика предметности, а имплицитно - признаковая семантика. Например, будучи существительными, слова типа *добряк, трус, храбрец, белизна, горечь*, называют все же предмет (существительного), имеют ярко выраженную семантику.

М.В. Никитин считает, что категория признака сама по себе неоднородна. В дальнейшем её можно подразделить на свойства и отношения. Следует отметить, что свойство выступает как собственный (внутренний,

имманентный) признак вещи, независимый от ее отношений к другим вещам. При этом следует учитывать, что одно и то же свойство может быть присуще нескольким вещам и может быть обнаружено только в отношении вещи к другим вещам. Свойство, не порождается этими отношениями. Отношение является таким признаком вещи, которое может существовать только при взаимодействии этой вещи с другими вещами. Согласно математической логике, отношения противопоставляются свойствам как многоместные предикаты одноместным. С такой позиции можно рассматривать отношения как признаки, «называемые многоместными предикатами», а свойства – «как частный случай вырожденного отношения, отношения с одним аргументом» [64, 23].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что деление признаков на свойства и отношения должно быть и в языке. Можно сказать, что до определенной степени это является истиной. Признаковая лексика разделяется на два основных подкласса: прилагательные и глаголы. Но в этой взаимосвязи не наблюдается полной корреляции - и те, и другие могут включать в свой круг как одноместные, так и многоместные предикаты. Скорее можно говорить о преобладании одноместных предикатов среди прилагательных и многоместных среди глаголов.

Помимо онтологического, такие авторы как М.В. Никитин, А.В. Бондарко, И.П. Иванова, И. И. Мещанинов используют еще одно основание для разграничения существительных, прилагательных и глаголов. Этим основанием выступает временная характеристика признака. Разветвленная система видовременных форм глагола обладает, в свою очередь, и широким диапазоном признаков: от постоянных, устойчиво-присущих до кратковременных, преходящих. Следует отметить, что для существительных и прилагательных характерна, прежде всего, статическая, вневременная констатация признака. Следовательно, у существительного часто наблюдается связь признака с мыслью о его носителе [64, 23]. Отсюда можно сделать вывод о существовании

«вероятностной массовой закономерности: чем длительнее, устойчивее, стабильнее и характернее признак для какой-то вещи, тем больше оснований ожидать, что при описании этой вещи номинация такого признака будет продвигаться по линии от глагола к прилагательному и далее к существительному» [64, 24].

Исходя из этого, представляется оправданным разделение А.Л. Шарандиным с этих позиций типов признаков, опредмеченных в языке, на процессуальные, обозначаемые глаголами, и непроцессуальные, получающие именование через прилагательное [83, 256].

Что касается границ класса признаковых слов можно наблюдать их некую размытость. Как мы видим, данный класс объединяет слова с общим значением признака в самом широком смысле. С точки зрения принадлежности части речи сюда могут быть отнесены, прежде всего, прилагательные, глаголы, но также и нарицательные существительные, наречия, числительные, местоимения и любые словосочетания в признаковой функции. Следовательно, отнесенность к разряду признаковых слов определяется в основном по функциональному принципу и в общем случае не является внутренне присущим слову свойством. По сути дела, за пределами класса остаются исключительно собственные имена, да и те, как отмечает М. В. Никитин, «не лишены признаковой функции в составе эллизионных сочетаний и предложений, где есть отношение и его аргументы, но нет самого предиката отношения» (ср.: «Эта книга – Петрова») [66, 81]. М. В. Никитин предлагает применить разграничение признакового слова и признаковой функции, которая возможна практически для всех знаменательных слов, в то время как далеко не все полнозначные слова способны к безденотатному употреблению.

Исходя из этого, можно утверждать, что категория признака также имеет полевую структуру, как и многие другие категории. Тем самым подчёркивая правильность мысли Е. С. Кубряковой о кластерном характере таких категорий.

По мнению Н. Д. Арутюновой ядром этой необычайно объемной категории являются слова, которые имеют следующий набор характерных черт: семантическая элементарность, неразложимость, как следствие этого - широкая предметная сфера приложимости. А как результат - способность выполнять в высказывании преимущественно описательную функцию, несмотря на то, что качественным прилагательным свойственно выполнять и роль предиката. С точки зрения своей отнесенности к определенной части речи, это - прилагательные («эталонные признаки») и наречия [8, 112]. На периферию же выходят слова, которые имеют сложную семантическую структуру. Эти слова способны в зависимости от контекста либо ограничиться описательной функцией, либо совмещать ее с репрезентацией денотата.

1.3. Формирование прилагательного как части речи с когнитивной точки зрения

Части речи – одна из наиболее важных и дискуссионных лингвистических категорий, имеющая многолетнюю традицию своего развития.

Как отмечает Е. С. Кубрякова когнитивная точка зрения на части речи – это стремление выявить их роль в той материальной символической системе, какой является человеческий интеллект. Это попытка ответить на вопрос о том, какой составляющей общей концептуальной модели мира они являются, и каким образом когнитивное расчленение мира реальности отражается в системе языковых названий [45, 37].

Следует выделить три наиболее значимые для познания и коммуникации «естественные» части речи: существительное, глагол и прилагательное. Эти части речи призваны обозначать «свои» фрагменты действительности, интериоризованные сознанием познающего человека; соответственно – предметный объект, события, происходящие с ним, состояния, в которых он находится, его качества и свойства.

Примечательно что, материальный, перцептивно воспринимаемый предмет, обозначаемый именем существительным, – объективная, фиксированная в пространстве и времени опора, что является основой опытного познания человеком внешнего мира. Так как, имя прилагательное, традиционно считается признаковой частью речи, оно указывает на признаки предметного объекта, статические или динамические.

В настоящее время, одним из важнейших онтологизированных постулатов когнитивной лингвистики является предметная референция имени существительного и тесно связанная с ней признаковая отнесенность прилагательного и глагола. Как мы видим, в процессе коммуникации все три части речи способны объективировать информацию, а также служить сигналом для извлечения из сознания слушающего соответствующих структур знания.

Теория прототипов – это инструмент, незаменимый при исследовании естественной категории, какой современная когнитивная лингвистика считает язык. При использовании прототипического подхода ядром класса существительных является жесткий десигнатор, конкретное, нарицательное имя существительное, обозначающее чувственно воспринимаемый предметный объект, представляющий собой для человека опору в процессе познания им мира. Абстрактное существительное, номинация понятия о признаке объекта окружающей действительности, периферийно.

Граничащее с ним, прототипическое для своей категории прилагательное, – это принятое в когнитивной лингвистике обозначение стабильного признака объекта. Необходимо отметить, что признак может быть и сиюминутным, преходящим – в этом случае имя прилагательное имеет периферийный характер.

В основе выделения любой научной категории лежит пучок признаков, позволяющих идентифицировать члены категории по их совместной принадлежности к категории (интегральные признаки), а также различать их по месту, статусу внутри категории (дифференциальные признаки).

Предметные объекты и их признаки, статические и динамические, объективно существуют в «мире как он есть», объединяемые неким общим для всего сущего знаменателем. На ментальном уровне это общее превращается в совокупность интегральных признаков, которые являются универсальными для европейских языков. На их основе можно выделить признаки дифференциальные, характеризующие специфику предметов, их свойств и отношений.

Кластер интегральных признаков позволяет выделить мегакатегорию частей речи как таковую; кластеры дифференциальных признаков, универсальных для европейских языков, дают основание подразделить ее на три «естественные» части речи: существительное, глагол и находящееся в центре нашего внимания имя прилагательное. Как мы видим, совокупности универсальных интегральных и дифференциальных признаков, объединяющие в себе общее и различное – когнитивная основа выделения основных частей речи.

Признак, с точки зрения Н.М. Мининой, «неактивный, постоянный, вневременной» называет имя прилагательное [96, 225]. Для него нехарактерен параметр фазовости, а, следовательно, и переменности признака.

Соглашаясь с тем, что прилагательное обозначает неактивный признак, мы считаем, тем не менее, что он может быть не вневременным, а лишь относительно постоянным. Следовательно, мы не можем согласиться с распространенным тезисом о «принципиальной» атемпоральности прилагательных. Любая предметная сущность состоит из материи и ряда признаков, организующих ее и изменяющихся во времени. Меняются признаки – меняется предмет, т.е. и материя, из которой предмет состоит. Исчезают признаки – исчезает материальный предмет, находящийся в пространстве, как таковой в своем прежнем качестве, т.е. вневременной не может быть и материя как носитель признаков. И.В. Арнольд пишет, что «Течение времени

безначально и бесконечно, но все, что происходит во времени, конечно, то есть имеет временные границы» [5, 8].

К.Н. Дубровина утверждает, что в свете нового подхода к языку части речи рассматриваются как особые когнитивно-дискурсивные образования, отражающие, с одной стороны, особенности восприятия и осмысления мира нашим сознанием, а с другой – служащие для выполнения закрепленных за ними функций в составе высказывания и текста [32, 6]. Когнитивный аспект в этом случае состоит в понимании частей речи как проекций в мир языка разных по своей сути или по восприятию их человеком объектов действительности. Из этого вытекает, что в частях речи находят свое отражение особенности познания и фиксации различных сторон действительности тем или иным языковым коллективом.

В непрерывности, континуумности мира наше сознание выделяет, прежде всего, некие устойчивые сущности. Первичное членение сущностей отражаемого сознанием мира предполагает их языковую категоризацию. Поэтому различие вещи и признака лежит как в основе структуры мысли, так и структуры языка. Следовательно, можно подразделить языковые знаки на два семиологических подкласса – предметных и признаковых слов. Такая классификация отражает онтологическую категоризацию человеческим языковым сознанием предметов, явлений окружающей действительности, а также их признаков и свойств.

Понятие о прилагательном как своеобразном классе слов, обозначающем пассивные признаки предмета, нашло отражение в лингвистических концепциях А. А. Потебни, А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, в «Русской грамматике» [1980]. Традиционно имя прилагательное определяется как лексико-грамматическая категория, «объединяющая слова, которые обозначают признак предмета (качественный, относительный или указательно-определятельный) и которые являются определяющими имена существительные...» [20, 157].

Как известно, по семантике прилагательные крайне неоднородны. Универсальным в семантической классификации прилагательных является их деление на два лексико-грамматических разряда – качественные и относительные, которое обусловлено внутривидовой категоризацией признака. Понятие «лексико-грамматические разряды», несомненно, отражает один из важнейших этапов категоризации действительности, оказываясь наиболее приближенным и тесно связанным с собственно языковым ее характером. Первичным по отношению к ней является только категоризация, осуществляемая с помощью частей речи. Будучи следующим этапом в категоризации действительности, лексико-грамматические разряды оказываются более конкретными образами, с помощью которых человек воспринимает мир и формирует базу знаний, необходимых для владения языком и его использования в коммуникации.

Обращение к семантике как к способу отражения мира в языке открыло перспективу исследования имен прилагательных, качественных и относительных, как разных способов моделирования и репрезентации признаков, свойств, качеств объектов внеязыковой действительности. При этом положения когнитивной лингвистики используются при характеристике механизмов языковой категоризации в дополнение к традиционным критериям.

Когнитивные свойства слова как части речи определяют его коммуникативный потенциал в конкретном тексте. Коммуникативная функция прилагательных реализуется в тексте в виде атрибутивной и предикативной. Атрибутивная синтаксическая функция имени прилагательного является его категориальным грамматическим признаком и ее выполняют как качественные, так и относительные прилагательные. Предикативная же функция манифестируется преимущественно в разряде качественных прилагательных, что и сближает их с глаголами.

Если по коммуникативной нагрузке качественные прилагательные – типичные предикаты, то с этим и связано их противопоставление относительным прилагательным.

Н.Д. Арутюнова отмечает, что разница состоит в способе представления признака. В атрибутивной позиции, признак присущ субстанции, а в предикативной, признак мыслится как сообщаемый предмету. Так как при коммуникативном подходе к значению слова функции именованя, референции, идентификации противопоставляются функциям сообщения [8, 26].

Таким образом, выполняя атрибутивную функцию, относительные прилагательные отражают признак, не актуализирующийся в момент речи, а составляющий одну из внутренних характеристик предмета. Поэтому они обычно служат основой для идентификации предмета и выступают в роли расчлененных номинаторов.

Например: *промысловый сезон (мавсими хунармандӣ), календарный год (соли тақвимӣ), летний семестр (семестри тобистона), рабочий день (рузи корӣ), ночная работа (кори шабона), зимняя одежда (либоси зимистона), воздушная трасса (роҳи ҳавоӣ), кофейные деревья (дарахтони қаҳва), природная среда (муҳити табиӣ), мелкая монета (пули майда), литературный язык (забони адабӣ), атомный реактор (реактори атомӣ), цирковые артисты (хунарпешагони сирк), грецкий орех (чормағзӣ юнонӣ), писчая бумага (коғази хатнависӣ), легковой автомобиль (мошини сабукрав)* и др.

Основную коммуникативную функцию относительных прилагательных можно определить как специфицирующую, суть которой состоит в отнесении предмета к определенному подклассу. Можно сравнить, например *пригласительный билет* в отличие, от *проездного, автобусного, железнодорожного, трамвайного, троллейбусного* и др.

Языковая способность относительных прилагательных заключается в передаче устойчивых, постоянных признаков предметов. Это делает их важным

средством текстовой спецификации художественно отраженных реалий, придающим повествованию характер объективной характеристики.

Например:

Арбат кончал свой день... Трамваи выходили из парка с одним, а то и двумя прицепными вагонами – безнадежная попытка удовлетворить транспортные нужды великого города. А под землей уже выкладывали первую очередь метро, и на Смоленской площади над шахтой торчала деревянная вышка... (Рыбаков А. Дети Арбата).

Необходимо отметить, что в тексте возможно использование относительных прилагательных не только в атрибутивной, но и предикативной функции. Однако предикативное употребление относительных прилагательных ограничено семантикой сочетающейся с ними связки «быть», не указывающей на изменение признака или на его субъективное восприятие.

Например:

Дом был каменный с деревянными галереями (Б. Пастернак «Доктор Живаго»).

Относительные прилагательные в силу своей отсубстантивной семантики редуцированно отражают предикативную функцию, в той мере, в какой она сближена с атрибутивной (ср.: *каменный дом*), поскольку выражаемые ими признаки объективны и постоянны, что и отличает относительные прилагательные от качественных.

Специфика семантики качественных прилагательных проявляется в их особых субкатегориальных характеристиках, обусловленных их родственными связями с глаголом в межкатегориальной языковой парадигме, выражающейся в общности их грамматических категорий и функций. Они отчетливо просматриваются при коммуникативном употреблении прилагательных.

Таким образом, с когнитивной точки зрения специфика семантики лексико-грамматических разрядов имен прилагательных выражена разными ментальными стратегиями: субъективной характеристики и оценки у

качественных прилагательных и классификации – у прилагательных относительных. Это свойство качественных и относительных прилагательных наиболее отчетливо проявляется при их текстовом употреблении.

В рамках данного исследования важным моментом является понимание семантической прозрачности прилагательных. Она основана на устойчивости ассоциаций, которые были заложены в сознании человека с давних времен. Эти ассоциации явились основой многочисленных сравнений, метафор, устойчивых сочетаний, фразеологизмов.

Рассматриваемые в рамках данной работы признаки температуры и цвета предметов относятся к собственным признакам предмета.

За последние десятилетия в лингвистике значительно возрос интерес к изучению содержательной стороны слова. А именно, системности в лексике стало уделяться больше внимания. Неоднородность и неисчисляемость лексических единиц, а также неограниченная возможность их комбинаторики и большая историческая подвижность слов служат дальнейшему исследованию в этой области.

Э. Сэпир ввел и детально разработал понятие градуирования. При анализе параметрических значений он отметил, что «всякое суждение о количестве, выраженное в терминах мер и чисел, предполагает суждение о градуировании и шкале градаций» [78, 43].

Градационная шкала определяется им как упорядоченный ряд относительных «больше» и «меньше», а примером такой шкалы является натуральный ряд чисел. По этой шкале, согласно Э. Сэпиру, и определяются значения прилагательных.

Также Э. Сэпир вводит понятие точки отсчета, необходимой для определения меры признака. Однако мы рассматриваем интенсивность как понятие экспрессивной стилистики. Главная её идея заключается в отражении отношения говорящего к явлениям и событиям. Поэтому при построении

шкалы градации имеет значение не только точка отсчета, но и точка зрения говорящего. Это придает градуированным значениям динамичность [78, 233].

Следует отметить, что основной характеристикой шкалы градаций является ее не дискретность. Это можно объяснить самим явлением интенсификации, поскольку интенсификация недискретна. Между различными проявлениями признака не всегда можно точно определить границу. Ср. ряд прилагательных, объединяемых значением «очень большой» (*хеле калон*):

great / большой (*калон*), *huge* / огромный (*азим*), *tremendous* / гигантский (*бузурге*).

– *The great stone houses of the farborns stood all about him* [126, 83].

– *Большие каменные дома выстояли все.*

– *Хонаҳои калони сангин ба ҳама чиз тоб оварданд.*

Е.М. Вольф выделил другую особенность шкалы градаций. Этой особенностью, является неопределенность, ибо «невозможно точно определить количество признака, расстояние между разными степенями одного признака» [22, 53]. В нашем случае, едва ли можно точно установить место каждого из обозначений на шкале. Ср.: *breathtakingly* – захватывающе – *мафтункунанда*, *heartbreakingly* – душераздирающе – *дилхарош*, *appallingly beautiful* – невероятно красиво – *бениҳоят зебо*.

– «... and I remembered the breathtakingly beautiful view of the mansion and cliffs illuminated by a flash of lightning» [71, 30].

«...и я вспоминаю захватывающий дух красивый вид на особняк и утес, освещенные вспышкой молнии».

«...ман фазои мафтункунандаи атрофи иморат ва куҳпораро, ки аз дурахши барқ равшан шуда буданд, ба ёд меовардам»

– *... on its cover was the profile of the most heartbreakingly beautiful girl I ever hope to see* [133, 53].

- ... на этой поверхности отпечатался профиль самой красивой девушки, которую я когда-либо видел.

- ... дар руи ин сатҳ чехраи зеботарин духтаре нақиш ёфта буд, ки ман вайро замоне дида будам.

Тем не менее, язык стремится систематизировать недискретную объективную реальность. На этом основании Э. Сэпир разработал понятие градационного квантора и выделил пять основных кванторов: «больше, чем», «меньше, чем», «равный», «наиболее», «наименее», при помощи которых строится семантическое полеградации. Итак, шкала состоит из 11 зон: пяти зон с левой стороны, точки отсчета (или центральной части) и пяти зон с правой стороны.

Однако следует отметить, что количество градаций по интенсивности в ряду (на шкале) зависит от конкретного градуируемого признака. Количественные характеристики обозначаемого прилагательным качества, как правило, коммуникативно и прагматически значимы. От этого зависит высокая или низкая градуальность прилагательных.

При изучении прилагательных исследователь неизбежно сталкивается с двумя большими группами адъективной лексики: с одной стороны, это слова, отражающие внешние качества, свойства предметов, с другой стороны, это прилагательные, указывающие на их внутренние характеристики. Первая группа прилагательных обозначает собственный признак предмета, воспринимаемый в результате непосредственного, прямого воздействия предмета на органы чувств. Н.Д. Арутюнова обосновывает, что «Осознание признака (и название его) осуществляется на основе полученного раздражения и представляет собой одноступенчатую мыслительную операцию» [10, 17]. Вторая группа прилагательных указывает на не собственный признак предмета, отражающий определенное отношение субъекта к предмету.

И.В. Арнольд считает: «Признак, не воспринимаемый органами чувств, формируется в сознании – на основе воспринятых органами чувств признаков – в результате более сложной мыслительной операции, включающей как минимум две ступени» [5, 17].

Изучение лексических значений адъективной лексики привело к выделению следующих разрядов прилагательных, обозначающих собственные, т. е. реально присущие предмету признаки.

1. Прилагательные, обозначающие временные и возрастные характеристики предмета речи.

– *He swallowed. «Are you really going to do the operation?»*

– *«Yes». - «You seem awfully ... awfully young» [131, 146].*

– *Он сглотнул. «Вы готовы к операции?» - «Да». - «Вы кажетесь ужасно...ужасно молодым».*

– *Вай оби даҳонаширо фуру бурд. «Шумо ба ҷарроҳӣ омода ҳастед?» - «Ҳа.» - «Шумо аз ҳад зиёд ҷавон ҳастед».*

2. Прилагательные, обозначающие пространственные / линейные / объемные характерные признаки предмета речи.

– *A plane droned far away, like a giant fly [127, 304].*

– *Самолет улетел вдаль, словно огромная муха.*

– *Ҳавопаймо мисли як пашиаи бузурге, ба дуриҳои дур парвозкунон рафт.*

3. Прилагательные, обозначающие понятие веса.

– *The package was surprisingly heavy [131, 207].*

– *Багаж был на удивление тяжелым.*

– *Бағоҷ ба таври таҳайюрангез вазнин буд.*

4. Прилагательные, обозначающие температурные характеристики.

– *«So I see, Lady Charlotte ...» His eyes were as cold as steel [122, 93].*

– *«Так, я смотрю на леди Шарлотт...» Его глаза холодные словно сталь.*

– *«Ҳамин тариқ, ман ба сӯи хонум Шарлотт менигарам...» Чашмони вай мисли нӯлод сарданд.*

5. Прилагательные, обозначающие цветовые признаки.

– *He wore a snow white military blouse with some sort of jewelled sunburst hanging on it [133, 54].*

- На нем была белоснежная армейская рубашка, которую украшали солнечные лучи.

– Вай дар тан куртаи мисли барф сафеди аскарӣ дошт, ки онро нурҳои офтоб ҷило медоданд.

6. Прилагательные, обозначающие динамические характеристики предметов.

– *Uulamets was almost down the hill, chiding them for break-neck speed* [123, 128].

– Уламетс уже был на холме и пожурил их за головокружительную скорость.

– Уламетс аллакай дар рӯи пушта буд ва онҳоро барои суръати фавқулодда баланд коҳиш кард.

7. Прилагательные, обозначающие громкость звучания.

– *Another deafening shriek. Sasha clapped his hands over his ears, wanting quiet* [123, 329].

- Другой оглушительный вопль. Саша ладонями закрыл уши, желая тишины.

– Физони дигари гӯшкаркунанда. Саша барои дарёфти хомӯшӣ гӯшҳояшро бо кафи дастонаш маҳкам кард.

8. Прилагательные, обозначающие свойства поверхности предмета. Структура этой тематической группы характеризуется несколькими рядами синонимов.

Например:

clean (чистый) / *dirty* (грязный), *sharp* (острый) / *blunt* (тупой) и т. п.

– *The cot had one brown blanket and a very flat pillow* [127, 726].

– На кровати было одно коричневое одеяло и очень плоская подушка.

– Дар рӯи кат як кӯрпаи ҷигариранг ва болишти пачақ хобида буданд.

9. Прилагательные, обозначающие особенности явления или строения предметов, которые можно разбить на ряд синонимических групп, например,

stiff – тугой – таранг, *flexible* – мягкий – нарм, *soft* – мягкий – мулоим, *rough* – жесткий – сахт, *empty* – пустой – холї, *full* – полный – нур и т. п.

– *It was too tough to stab* [123, 179].

– *Было слишком трудно нанести удар.*

– *Зарба задан ниҳоят мушкил буд.*

10 и 11 разряды образуются из прилагательных, обозначающих запахи и вкусовые признаки предметов.

Следует уделить внимание описанию градуальных рядов отдельных групп прилагательных. Организация прилагательных в градуальные ряды предполагает, во-первых, установление пары прилагательных или одного прилагательного (в зависимости от характера признака, который они определяют) как основы ряда, представляющей признак в наиболее общем виде, без указания на его повышенное или пониженное содержание. Во-вторых, как следствие этого, определение типа градационной шкалы, которая является графическим отражением градуируемого признака.

Многие исследователи указывают на то, что прилагательные, обозначающие собственный признак предмета, в основном отражают однонаправленное движение по шкале. Развитие любого физического свойства предмета происходит от нуля до единицы или до максимума. Поэтому для этой группы адъективных слов характерны унарная или бинарная асимметричная шкалы (левый край бинарной асимметричной шкалы соответствует нулевой отметке). Что касается прилагательных, обозначающих температурные характеристики предмета, то теоретически температурная шкала имеет ограничения по максимально низкой температуре, в то время как увеличение температуры может продолжаться до бесконечности. Однако человек не может объективно назвать температуру того или иного предмета, так как в данном случае основанием оценки служит температура его собственного тела. Поэтому для характеристики температурного признака удобнее использовать бинарную симметричную шкалу, где нарастание признаков *cold* – *холодный* – *сард*, *warm*

– *теплый* – *гарм* будет происходить от нуля до максимума, а за нулевую отметку (или стандарт) принять точку *neither warm, nor cold* – *ни теплый, ни холодный* – *на сарду на гарм*.

Другой важной характеристикой адъективной лексики является зависимость количества градационных кванторов на шкале от каждого конкретного признака. Проанализируем это положение на примере прилагательных, обозначающих пространственные характеристики, и прилагательных, обозначающих понятие веса.

Все прилагательные, обозначающие пространственные характеристики, могут быть четырех видов:

1. прилагательные, обозначающие *размер*:

(*small* – *маленький* – *хурд*, *big* – *большой* – *калон*);

2. прилагательные, обозначающие *длину*:

(*short* – *короткий* – *кутох*, *long* – *длинный* – *дароз*);

3. прилагательные, обозначающие *ширину*:

(*narrow* – *узкий* – *борик*, *wide* – *широкий* – *васеъ*);

4. прилагательные, обозначающие *высоту и глубину*

(*low* – *низкий* – *паст*, *high* – *высокий* – *баланд*).

Проведём анализ градуального ряда прилагательных размерного признака.

Определение степени проявленности размерного признака представляет собой измерение его величины путем сравнения с определенным образцом, эталоном, которым является количественная норма соответствующего признака, установленная в сознании людей в результате их личного и общественного опыта.

Поэтому установление размерного, как и любого другого признака, ситуативно обусловлено. Сравним следующие примеры:

– *Imagine a country of tiny dwarfs, who have various words and phrases for size, large, big, enormous, immense, vast, and so on, and who, when they wish to describe the idea of immensity say: «As vast as a man»*[135, 212].

– *Представьте страну крошечных эльфов, у которых есть слова и выражения для описания размера, большого, огромного, здорового, гигантского и так далее, и тот, кто хочет выразить идею необъятности, говорит: «Такой же огромный, как человек».*

– *Кишвари элфҳои хурдERO тасаввур кунед, ки барои ифодаи мафҳумҳои калон, азим, бузург ва ниҳоя азим вожаҳо доранд ва ҳар касе аз онҳо агар гоյи беҳадду канорро ифода карданӣ бошад, чунин мегӯяд: «Мисли инсон азим».*

В нашем случае субъектом восприятия мира являются гномы, и понятие о нормативном количестве признака у них отличается от человеческого. Это приводит к тому, что, основываясь на собственном представлении о норме, они могут дать такую характеристику размера предмета, как *огромный как человек*. Тот же самый предмет человеку не покажется огромным, а для указания на большой размер чего-либо он выберет иное сравнение.

Например:

– *That island is two score leagues to westward in an ocean vast as the aether* [121, 121].

– *Этот остров в два раза больше чем другой в океане.*

– *Ҷазираи мазкур нисбати оне, ки дар уқёнус ҷойгир аст, ду маротиба азимтар аст.*

С другой стороны, гном, карлик или ребенок может быть воспринят взрослым как маленький, крошечный, что является с его (взрослого) точки зрения отклонением от нормы в сторону уменьшения.

– *He looked at the picture of Cathy again, a tiny, red-faced infant of four days at the time of the photo* [127, 751].

– *Он снова посмотрел на фотографию Кэти, покрасневшегося младенца четырех дней от роду.*

– *Вай аз сари нав ба сурати Кэтии хурдсол – кӯдаки суп-сурхи чоррӯза нигарист.*

Приведенные данные подтверждают тезис об относительности нормы и целесообразности ее трактовки как усредненного количества проявленности признака. Усредненное количество размерного признака в английском языке, как правило, отражают следующие прилагательные:

normal - нормальный - муқаррарӣ, (муътадил), *average* – средний – миёна, *standard* – стандартный – қолибӣ, (стандартӣ), *very* – очень – хеле, *too* – слишком – аз ҳад зиёд, *really* – действительно – дар ҳақиқат, *precious* – очень – хеле.

Главная их особенность заключается в том, что подобные слова не содержат в своей структуре качественных сем (только количественные). В связи с этим такие слова могут соответствовать центральной точке любого градуального ряда. Это группа прилагательных модели «*to a normal degree*».

Таким образом, можно констатировать, что размерный признак находит свое отражение на шкале, левый полюс которой закрыт, а правый открыт. Развитие признака происходит от нуля до максимума. Позиции нуля и нормы разведены: первая находится в левом крайнем положении, вторая, определяющая норму и указывающая на усредненное количество размерного признака, в центральной части шкалы градаций.

За основу можно принять шкалу градаций Э. Сэпира, выделяя следующие градационные кванторы размерного признака:

«*to a minimal degree*», «*to a very small degree*», «*to a small degree*», «*to a smallish degree*», «*to a normal degree*», «*to a biggish degree*», «*to a big degree*», «*to a very big degree*», «*to a maximum degree*».

Первая группа слов (модель «*to a minimal degree*») объединяет прилагательные со значением минимальной степени проявленности размерного признака, например, *least* (*least radius, least chance*) [143, 56] и прилагательное детской речи *teeniest-weeniest* со значением «крохотный».

– *She is always turning from what has been offered her to say with a demure little sigh and a smile, «Oh, please, please ... all I want is a cup of tea, weak but not too weak, and the teeniest weeniest bit of really crisp toast» [128, 77].*

– *Если ей что-нибудь предложить, она всегда поворачивается и говорит на выдохе со скромной улыбкой «О, пожалуйста, пожалуйста... все, что я хочу – это только чашка чая, слабо заваренный, но не слишком слабый, и маленький кусочек свежего тоста».*

– *Агар ба вай чизе пеиниҳод карданӣ боиӣ, вай рӯяширо ба тарафи ту гардонида, нафасаширо бароварда истода бо табассуми хоксорона мегӯяд: «О, лутфан, ҳар чизе, ки ман мехоҳам, ин фақат як пиёла чой аст, чойи рангаи паст, вале на он қадар паст ва буридаи хурди нони нав бирёнишуда».*

В основном же первую группу образуют адъективные слова со значением «невидимый» и образованные путем префиксации с использованием отрицательных префиксов *in-*, *un-*, например, *invisible particles* (невидимые частицы), (ҳиссачаҳои ноаён), *unobservable breaking* (не видимая поломка), (вайрониӣ ба чаши ноаён); либо прилагательные, образованные при помощи префикса *ultra-*, указывающего на чрезмерность, избыток какого-либо качества (в данном случае размерного признака), например, *ultramicroscopic virus* – ультрамикроскопический вирус - *вируси ултрамикроскопӣ* [157, 58].

Вторая группа прилагательных - (модель «*to a very small degree*»). Она состоит из слов со значением очень малой степени проявленности размерного признака.

Например:

– *Behind the shop was a microscopic sort of parlour and kitchen combined – it was neat and clean but very dreary looking and scantily furnished [124, 28].*

– *За магазином было крошечная комнатенка, объединенная с кухней – все было опрятным и чистым.*

– *Дар паси мағоза ҳучраи хурдакаке мавҷуд буд, ки бо ошхона пайваст шуда буд.*

Как мы видим лексические средства выражения модели «*to a very small degree*» неоднородны по своему составу и могут быть разделены на следующие подгруппы:

1. Прилагательные, в значении которых сема очень малой степени проявленности размерного признака является основной, о чем свидетельствуют словарные дефиниции подобных прилагательных, например, *tiny* – крошечный – майдаяк, *microscopic* – микроскопический – микроскопӣ, *diminutive* – крохотный – хурдакак, *miniature* – миниатюрный – миниютерӣ, *minute* – мельчайший – майдатарин. В эту подгруппу входят также некоторые слова, принадлежащие к разговорной лексике, например, *wee* – крошечный, *itsy-bitsy* – крошечный.

2. Прилагательные, образованные от существительных со значением «человек, существо очень маленького размера».

Например:

dwarf (*dwarfish* – карликовый – майдаҳак), *elfin* – миниатюрный – минийётурӣ, *rugby* – карликовый – майдаҳак, *picapinny* – очень маленький – ниҳоят майда, *bantam* – низкорослый, *shrimplish* – ничтожный – ночиз.

3. Производные прилагательные, образованные путем словосложения.

Например:

hairbreadth в словосочетании *hairbreadth difference* (небольшая разница) (фарқияти ноаён).

К третьей группе прилагательных относится модель «*to a small degree*», немногочисленна по составу. В данную группу входят прилагательные *small*, *little* со значением малой степени проявленности размерного признака.

– *It is very beautiful on the island of Llama. It has white beaches and small farms, and nearby, is a little fishing village, Sak Kwu Wan* [130, 86].

– *Очень красиво на острове Ламы. Там есть белые пляжи и небольшие фермы, и поблизости, расположена небольшая рыбацкая деревня, Сак Ку Ванем.*

– *Ҷазираи Лама ниҳоят зебост. Дар он ҷо пляжҳои сафед ва фермаҳои на он қадар калон ҳастанд ва дар назди онҳо деҳаи на он қадар калоне ҷойгир аст, ки сокинонаш бо моҳидорӣ машғуланд.*

От прилагательного *small* (маленький) может быть образовано производное слово с тем же значением.

– *I assured her that the tea looked delicious, at the same time wondering how I would ever begin to make even a small-sized dent in such a vast spread [122, 71].*

– *Я уверил ее, что чай был восхитительным, в то же время задался вопросом, как я буду начинать делать попытки при таком размахе.*

– *Ман ўро бовар кунонидам, ки ҷой ниҳоят хушмазза буд, вале дар баробари ин ба худ савол медодам, ки дар чунин вазъ чӣ гуна кӯшиш ба амал меорам.*

Прилагательные четвертой и шестой групп (модели «to a smallish degree», «to a biggish degree» соответственно) образованы от основ имен прилагательных *small*, *big*, *large* при помощи суффикса *-ish*, имеющего значение некоторой степени качества.

Прилагательные пятой группы (модель «to a normal degree») со значением «ни большой, ни маленький» характеризуют центральный квантор на шкале размерного признака и, как отмечалось выше, соответствуют представлению о среднем, нормальном размере того или иного предмета.

Седьмая группа прилагательных (модель «to a big degree») состоит из слов со значением большой степени проявленности размерного признака.

Во-первых, это прилагательные *big*, *large* - *большой*.

Например:

– *Go to Paris ... stay at the Crillon, have dinner at Maxim's, order a big thick steak and a bottle of champagne [131, 305].*

– *Приезжайте в Париж...остановитесь в Криллоне, пообедайте у Максима, закажите большой толстый стейк и бутылку шампанского.*

– Ба Париж биёед... дар Крилтон қарор гиред, дар тарабхонаи Максим хӯроки нисфирӯзӣ хӯред, стейки калони гафс ва шампанский формоии диҳед;

во-вторых, производные слова *sizable* (значительный), *goodsized* (большого размера).

Например:

– *A passage there is quite costly, but I have accrued a sizable fortune from all my enterprising endeavors* [122,161].

– *Пребывание там довольно дорогостоящее, но я приложил значительные усилия и накопил большое состояние.*

– *Истиқомат дар он ҷо ниҳоят қимат аст, вале ман кӯишии зиёде ба харч дода дорои зиёд ҷамъ кардам;*

в-третьих, прилагательные со значением «объемный»: *spacious, roomy, capacious*:

– *The main living-room was oddly shaped by reason of the dome's architecture, but it was spacious* [129, 240].

– *Главная жилая комната была сконструирована странно из-за архитектуры купола.*

– *Хучраи асосии қоматӣ ба таври аҷиб дар вобастагӣ ба архитектураи гунбад тарҳкашӣ шуда буд.*

Восьмая, самая многочисленная группа прилагательных, выражающих понятие размерного признака (модель «to a very big degree»), включает слова со значением очень большой степени проявленности признака. В пределах этой группы можно выделить несколько подгрупп.

1. Прилагательные, означающие только то, что описываемый предмет намного превышает обычные представления о его величине.

Например:

huge, enormous, great, immense, decuman, vast (vasty), bulky, tremendous.

– *He clambered laboriously down earthen stairs into the stuffy, smoky warmth of the immense dugout room* [123, 60].

– Он старательно карабкался вниз по глиняной лестнице в душную, дымную, теплую комнату.

– Вай кӯишиши зиёд ба харҷ дода, тавассути зинаҳои лойин ба хучраи даму дудолуд ва гарм мефаромад.

2. Прилагательные, употребляющиеся метафорически и служащие средством уподобления описываемого предмета тем объектам, которые обозначаются соответствующими исходными существительными.

Например:

giant – громадный – *азмчусса*, *giantlike* – огромный – *бузург*, *gigantic* – гигантский – *хеле бузург*, *gargantuan* – гигантский, *monster* – огромный – *бузург*, *monstrous* – громадный – *азим*, *mountainous* – громадный, *colossal* – колоссальный – *фавқуллода бузург*.

– «Thank», said Newt pleasantly, not even glancing at the monstrous hand on his shoulder [133, 84].

– «Спасибо», учтиво сказал Нефт, даже не глядя на чудовищную руку на своем плече.

– «Ташаккур», - ҳатто ба дасти даҳшатангези сари китфаиш нанигариста илтифотомезона гуфт Нефт.

Подобным образом прилагательные: *herculean*, *cyclopean*, *titanic* (*titanesque*), уподобляют описываемый объект персонажам античной мифологии. Например: *cyclopean stone walls* – огромные каменные стены – *деворҳои азими сангин*, *titanic explosions* – титановые взрывы – *тарқиши титанӣ*. Прилагательные *mammoth* и *elephantine* уподобляют мамонту или слону. Например: *amammoth corporation* – гигантская корпорация – *корпоратсияи азим* [157, 84].

3. Компаративные фразеологические единицы, где основанием сравнения являются прилагательные *big*, *large*.

Например:

big (large) as a barn, *big (large) as a house*, *big as all outdoors (as the sky)*.

– *There was a sound like that of the gentle closing of a portal as big as the sky, the great door of heaven being closed softly* [133, 163].

– *Раздался звук как от неожиданно закрывшегося портала, такого же большого как небо.*

– *Овозе садо дод, ки ба садои аз якбора пушидашавиши пештоқи мисли осмон калон ҳосилгардида монанд буд.*

5. Производные прилагательные типа *oversized, heap-big* и т. п.

Например:

– *«I've got a nephew who can» said Breed. «Asa's boy. He was all set to be a heap-big research scientist, and then they dropped the bomb on Hiroshima ...»* [133, 49].

– *Брид сказала, «У меня есть племянник. Сын Асы. Он все собирался стать исследователем, а потом на Хиросиму сбросили бомбу».*

– *Брид гуфт: «Ман ҷияне дорам. Вай писари Аса аст. Вай мехост таҳқиқгар шавад, вале баъд ба Хиросима бомба партофтанд».*

И, наконец, девятая группа прилагательных (модель «*to a maximum degree*») объединяет прилагательные со значением «безмерный», «безграничный».

Например:

– *To me the Universe was all void of life, or Purpose, of Volition, even of Hostility, it was one huge, dead, immeasurable steam-engine, rolling on, in its dead indifference, to grind me limb from limb* [127, 175].

– *Для меня вселенная была лишена жизни и Цели, Воли и даже Враждебности, это был один огромный, мертвый, неизмеримый паровой двигатель, катящийся, в его мертвом безразличии, чтобы размолоть меня на части.*

– *Барои ман ҷаҳон як олами маҳрум аз Ҳаёт, Мақсад, Ирода ва ҳатто Хусумату Адоват буд, ки мисли муҳаррики бечон ва азиму бекарон бепарвоёна чарх мезад, то ин ки маро ба ҳиссаҳо ҷудо созад.*

Как мы видим, данная модель не столь многочисленна. Так, согласно данным Д. Байбера, прилагательные с суффиксом *less* встречаются лишь десять раз на каждый миллион слов, в отличие от других прилагательных, образованных путем аффиксации [89, 35].

Все прилагательные максимальной степени увеличения размерного признака образованы путем аффиксации с использованием отрицательных префиксов и суффиксов: **in-, il-, im-, un-, -less**.

Например:

Illimitable human capacity - неограниченный человеческий потенциал, *immeasurable* suffering - неизмеримые страдания, *limitless* resources - безграничные ресурсы, *boundless* energy - безграничная энергия [157, 28].

Примечательно, что градуальная шкала размерного признака, так же как и любая другая шкала градаций, характеризуется недискретностью и неопределенностью; постоянным увеличением или уменьшением количества признака, что наглядно проявляется в возможности прилагательных, обозначающих размер, сочетаться с вторичными интенсификаторами, как *so* (настолько), *very* (очень), *too* (слишком), *really* (действительно), *precious* (очень) и т. п.:

– *The gravity of Five was so microscopic that waking was completely out of question* [129, 46].

– *Эта пятерка было нечто маленькой, что даже малейшие поползновения были исключены.*

– *Ин панҷона як чизи ниҳоят хурде буд, ки тавлиди ҳатто як майли ноаёнро истисно мекард.*

В позиции перед усиливаемым размерным прилагательным возможно также накопление вторичных интенсификаторов. Это позволяет подчеркнуть наличие большего количества признака.

Например:

– *While Babi, a suddenly very much larger and more ominous Babi, was growling and hissing and bustling about the shoulders, not at Pyetr, as seemed, ...*[123, 269].

– *В то время пока Бэби, неожиданно намного больше и злоеющее Бэби, ворчал и шипел из-за плеча, не Петр, как казалось...*

– *Замоне ки Бэби гайричаимдоит дар қиёс бо Бэби аз наси китф гур-гур карда фашиос мезад, ба назар чунин менамуд, ки на Петр...*

Образное сравнение является также средством, указывающим на увеличение количества размерного признака и сигнализирует о сдвиге от объективного к субъективному. Это сравнение проявляется более ярко и сильно.

– *«Nothing! But I can see it. It's vast as the ocean to me, vast as the heavens ...!»* [121, 119].

– *Ничего! Но я вижу его! Он для меня большой как океан, он большой, как небеса.*

– *Боке нест! Вале ман вайро мебинам! Вай барои ман мисли уқёнус беҳудуд аст, вай мисли осмон беканор аст.*

Следует отметить, что от прилагательных, обозначающих размер, могут образоваться усилительные наречия, которые указывают на максимальную степень проявленности признака. Такие слова как: *enormously* – *чрезвычайно* – *аз ҳад зиёд*, *immensely* – *очень* – *хеле*, *greatly* – *весьма* – *бағоят*, *immeasurably* – *неизмеримый* – *беҳудуд* относятся к таким наречиям, значение степени которых сводится к модели «to a complete degree».

Например:

– *«I'm the district manager for Raygon Chemicals, you know. We do a thriving business in this area. Fine city, Boston. Immense by convivial»* [127, 805].

– *«Я - региональный менеджер по Химикатам Райгон, вы знаете. Мы ведем процветающий бизнес в этой области. Прекрасный город, Бостон. Огромный и дружелюбный».*

– *Ман менечери минтакави оид ба химикатҳои Райгон мебошам, шумо инро медонед. Соҳибқориҳои мо дар ин соҳа муваффақона аст. Шаҳри зеботарин, Бостон. Хеле азим ва хайрхоҳ.*

В результате перестройки семантики исключительно усилительное значение может приобретать прилагательное *great* (*огромный*). Значение большой степени проявленности признака у этого слова реализуется в сочетании с прилагательным *big* (*большой*).

Например:

– *«No, sir,» the barkar said, «that is not the President's house. Everybody asks that. That great big ugly stucco house, folks, that's the Rumfoord Cottage [135, 144].*

– *«Нет сэръ! сказал грубиян, «это не дом президента. Все спрашивают об этом. Тот большой отштукатуренный уродливый дом – это дом Румфордов.*

– *Не, ҷаноб! гуфт дагал, «Ин хонаи президент нест. Ҳама ҳаминаро мепурсанд. Ҳамон хонаи калони андовашудаи баднамо – хонаи Румфордҳо».*

Проанализировав градуальный ряд размерных прилагательных, рассмотрим следующую группу прилагательных, которая обозначает вес. Итак, прилагательные «веса», как и другие прилагательные переходной группы, могут отражать количественное изменение признака, которое происходит от нуля до бесконечности. Они также определяют бинарную асимметричную шкалу, где левый конец шкалы соответствует нулевой отметке, а центральная часть - с квантором, указывающим на усредненное количество признака веса *neither light, nor heavy* (*не легкий, не тяжелый*). Это можно отнести к модели «to a normal degree».

Подводя итог, можно утверждать, что становление новой концепции частей речи, в том числе и имени прилагательного, стало возможным благодаря тому, что она учитывает концептуальные и функциональные

свойства частеречных классов слов, а также их прототипический характер, органично соответствующий членению отражаемого мира без жестких границ, в естественном богатстве характеристик.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В широком понимании этого термина, признаками можно считать любые возможные характеристики предметов. Это все то, чем одни предметы похожи друг на друга, а иные отличаются. В процессе объединения различных предметов определенного вида в понятия мы используем совокупность признаков, представляющих собой содержание данного понятия.

Любой речемыслительный акт неизбежно является субъективным явлением. В связи с этим невозможно четко и однозначно разграничить мир на объективный, мир физических явлений и субъективный мир мыслей и чувств. В связи с этим психолингвистика предполагает, что при изучении значения слова целесообразно взять за точку отсчета именно конкретного индивида, а не абстрактную, безликую языковую систему. В рамках психолингвистики, таким образом, структура значения слова рассматривается как явление психологическое.

Между предметом и словом, которое его называет, стоит концепт, объективированный в слове. Значение формируется посредством компоновки множества представлений о признаках предмета.

Становление новой концепции частей речи, в том числе и имени прилагательного, стало возможным благодаря тому, что она учитывает концептуальные и функциональные свойства частеречных классов слов, а также их прототипический характер, органично соответствующий членению отражаемого мира без жестких границ, в естественном богатстве характери-

ГЛАВА II. СИНЕСТЕЗИЯ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО ИНТЕРЕСА

2.1. Синестезия как объект междисциплинарных исследований

Термин «синестезия» переводится как «соощущение». Этим словом обозначают сложное явление, связанное со способностью чувственных рецепторов реагировать не только на соответствующие им, но и на «чуждые» раздражители. Синестезия есть не что иное, как трансформация одних видов ощущений в другие. Решающую роль в возникновении синестезического эффекта играет органическая взаимосвязь всех элементов сенсорной системы. Своеобразная «перцептивная паутина» обеспечивает взаимозаменяемость ощущений на основе самых разнообразных межсенсорных ассоциаций. В известном смысле наш глаз может слышать, ухо – видеть, нос – осязать, язык – обонять и т. д.

В контексте естественных и гуманитарных дисциплин феномен синестезии имеет длительную историю изучения. В современной науке синестезия рассматривается как категория лингвистики, психологии, философии, медицины, искусствоведения, и т. д. Однако, по справедливому замечанию ряда авторов (С. В. Воронина, В. Г. Расникова, В. Н. Телия и др.), до сих пор не существует удовлетворительной теории этого феномена, как и не существует единства в толковании самого понятия. Установление общих моментов в понимании сущности данного явления требует хотя бы краткого обзора истории его изучения и анализа содержания определений, имеющих в общепризнанных научных источниках.

В данной связи можно упомянуть известное творческое кредо Андрея Вознесенского: «чтобы глаз не глох, а ухо не слепло» [108, 468]. Пересечение нервных окончаний, ответственных за формирование зрительных и слуховых ощущений, он полушутливо называет «глазухо».

В различных мистических концепциях (теософия - «божественная мудрость», антропософия и др.), синестезия рассматривается как своего рода чудо, внешне-чувственная актуализация потусторонних «соответствий», управляющих миром (Ш. Бодлер, Е. Блаватская, Р. Штейнер и др.). Известна трактовка феномена синестезии с заменой характеристики «чудо» на «патология». Анатомическая концепция при этом объясняет синестезию возможной «путаницей» нервных путей, атавистическая – рудиментами доисторического состояния перцептивной системы, а психиатрическая относит все проявления синестезии, включая и художественные, к деформированным формам сознания, возникающим при психических расстройствах либо под воздействием галлюциногенов. Ассоцианистская теория подходит к лучшему пониманию образной природы синестезии. Эта теория основывается на дискутируемом понятии «ассоциация идей» (случайная психическая связь, «некоторый вид сумасшествия» – по Д. Локку). Поиски причин формирования и фиксации сознанием подобных бессмысленных связей привели в начале XX века к рождению психоаналитической концепции, которая объясняет их возникновение на основе сексуальных переживаний. По мнению Б.М. Галева, во всех концепциях синестезия понималась как аномалия – как на физиологическом, так и психологическом, а то и на клиническом уровнях [24, 16].

Синестезическая взаимозаменяемость органов чувств, действительно, иногда порождена психическими и физиологическими деформациями. Причинами таких деформаций могут быть душевные расстройства, дефекты в строении чувственных анализаторов и рецепторов, употребление возбуждающих препаратов и др. В нашем случае, явление синестезии (осозательное обоняние, цветной слух, звуковое зрение, и пр.) нельзя отнести к патологии. М.А. Слемнев отмечал, что чувственный синкретизм, начиная с синестезической одаренности и кончая наличием хотя бы элементарных способностей «смещения чувств», присущ всем людям. Поскольку в

воспринимаемом нами мире все, включая и «вторичные качества» (ароматы, цвета, звуки, запахи, и пр.), связано со всем, то можно сказать, что синестезические перцептивные превращения являются субъективным образом объективно существующих связей и отношений реального мира. Образно-эстетическая ориентация творческого сознания личности во многом зависит от доминанты чувственного восприятия мира. Известно, что, например, одни поэты и писатели его лучше видят: (А. Ахматова, В. Маяковский, М. Волошин, С. Есенин, М. Цветаева), а другие – слышат: (П. Флоренский, В. Брюсов, А. Блок, К. Бальмонт, Б. Пастернак). У многих слуховая и зрительная впечатлительность находятся по существу в равновесном состоянии (В. Набоков, А. Белый). В любом случае при художественном освоении действительности наиболее развитая форма чувственного мировидения вступает во взаимодействие со всеми остальными, рождая сложные синестезические образы [76, 36 - 37].

Исходя из философских исследований, синестезию можно охарактеризовать как сопутствующее, вторичное представление; факт возникновения при раздражении какого - либо органа чувств не только соответствующего ему ощущения, но одновременно и ощущения, соответствующего другому органу чувств [146, 54]. Важным моментом данного определения является понимание синестезии как представления, то есть высшей формы чувственного отражения проявляющейся в виде наглядно-образного знания, что предполагает связь исследуемого явления с мышлением и ментальными способностями человека. Однако ключевым понятием в определении выступают все же «ощущения». Они интересуют философов как исходный пункт познания, посредством которого осуществляется связь человека с окружающим миром.

В этой связи в философии Востока и Древней Греции можно также найти упоминания о синестезии. В частности, в этико-религиозных учениях Индии и Китая возникает идея связи органа познания с объектом познания. Так,

например, зрительное восприятие сандалового дерева вызывает общение с его запахом [46, 56].

Аристотель высказывал мнение о том, что ощущение способно принимать формы чувственно воспринимаемых предметов без их материи. Анализируя, наслаивание чувственных восприятий друг на друга, философ приходит к выводу о физиологическом синкретизме чувственных впечатлений [4, 205].

Значительный вклад в понимание взаимодействия элементов перцептивной системы человека внесли философы-сенсуалисты. Дж. Локк в работе «Опыт о человеческом разумении» (1690) предположил, что звуки, цвета, вкусы находятся в самих вещах и представляют собой силы, вызывающие в нас различные ощущения. Рассматривая вопрос о взаимосвязи органов чувств, философ намечает пути возможного взаимодействия анализаторов, формирующих ощущения человека и наложения друг на друга качественно разных чувственных образов.

С идеей трансформации слышимого в видимое выступил Л. Б. Кастель в работе «Клавесин для глаз» (1730). Его концепция цветомузыки (семи нотам соответствует семь цветов) получила широкую известность в 18 веке.

Д. Юм, рассуждая о чувственном характере познания, считал, что мир представлен человеку как ощущение: «...некоторые ощущения..., пишет он, поступающие от разных органов чувств, ...могут быть временно соединены, но ... мы вскоре замечаем, что они допускают разделение и могут быть даны в отдельности». В целом, он приходит к выводу о том, что все ощущения, вызываемые одним и тем же объектом, будут правильны, поскольку ни одно ощущение в отдельности не отражает того, что представляет собой данный объект в действительности [87, 112].

Идеи Д. Юма были подхвачены философом-просветителем И. Г. Гердером (И. Г. Гердер Пластика, 1778), который утверждал, что с помощью одного органа восприятия невозможно понять сути явления. Зрение, например

«действует на плоскости», «играет и скользит по поверхности картин и красок» и, опираясь на ощущения, полученные от других органов восприятия, заимствует у них вспомогательные понятия» [87, 147]

Французский материалист Э. Б. де Кондильяк в «Трактате об ощущениях» (1754), развивая идеи Юма, ставит вопрос о единой природе всех ощущений и неразрывной связи между ними. Различные комбинации ощущений, по мнению исследователя, порождают внимание, память, сравнение и суждение.

Л.В. Лаенко отмечает вклад немецких философов в проблему изучения ощущений, а именно И. Канта. Он признавал, что познание начинается с ощущений, которые вызываются воздействием из внешней среды на органы чувств и высказал предположение о полимодальном характере восприятия. «Грязь, по-видимому, возбуждает отвращение не столько по тому, что противна для глаз и языка, сколько ожидают от нее дурной запах...»[47, 15-16].

О синестезии писал известный немецкий исследователь Лоце в сочинении «Микрокосм» (Lotze Mikrokosm. II, 179-181). «Мы сравниваем низкий тон с темнотою, а высокий – со светом, в ряду гласных мы видим сходство с гаммою цветов, а цвета для иной впечатлительной чувственности повторяют свойства вкусов <...> сходства, замечаемые между различными ощущениями, основываются не на сравнении непосредственного их содержания, а на ощущении» [69, 116].

Из этих примеров видно, что философия смогла осветить некоторые стороны этого явления, а также заложить основу для дальнейших исследований синестезии другими науками - в частности, психологией и медициной.

В медицинских словарях и специализированных энциклопедиях используется общее определение феномена, суть которого заключается в возникновении при раздражении органа чувств наряду с адекватными, каких-либо других ощущений [137, 45]. Следует отметить, что область интересов медицины сосредоточена на клинических случаях, тогда как норма, по сути,

находится еще в состоянии изучения. Мы не будем подробно останавливаться на исследованиях синестезии в этой области, поскольку это выходит за рамки нашей научной работы, сообщим лишь о недавнем открытии медиков и физиологов: им удалось подтвердить наличие синестезии, зафиксировав ее проявление на снимках, с помощью томографа. (По материалам Deutsche Welle, 2003 Томограммы подтверждающие наличие синестезии находятся на сайте www.farm-en.ru).

Эти данные подтверждают теории, разработанные ранее такими учеными как: И. М. Сечнов об «ассоциации ощущений»; В. М. Бехтерев, увидевшем в синестезии «краевые зоны аномального характера»; К. Прибрам, нейрофизиолог разработавший концепцию, согласно которой мозг способен многократно кодировать сенсорные сигналы через все органы чувств и др. Примечательно, что данные исследования открывают новые перспективы изучения явления синестезии.

Синестезия является одной из самых актуальных проблем психологии. Особенно активно ее изучение в данной области велось в 1980-х годах, откуда это понятие позднее и перешло в лингвистику. Психологическая энциклопедия относит опыт синестезии к сенсорным впечатлениям, пересекающим границы модальностей, так что человек «слышит» цвета или «видит» звуки. Сходный опыт может быть вызван словами или даже отдельными буквами, так что буквы воспринимаются как имеющие определенный цвет [143, 65]. Это на сегодняшний день наиболее универсальное определение синестезии, хотя оно и не учитывает видовой специфики феномена.

Определение, данное С. Л. Рубинштейном в психологии, пользуется наибольшей популярностью. Исследуя ощущения и восприятия, он считал, что синестезия это слияние качеств различных сфер чувствительности, где качества одной модальности переносятся на другую, разнородную» [72, 526]. Из этого определения мы видим, что для понимания специфики синестезии как психологического явления необходимо обратить внимание не только на

ощущения, в их психологическом понимании, но и термину «модальность», который характеризует переживаемое человеком качество.

Считается, что разные виды ощущений являются разными видами модальностей. Полимодальное восприятие обозначается понятием «синергии», когда человек одновременно что-либо видит, слышит или пробует на вкус. Синестезия в узком смысле приводит к гетеромодальным ощущениям, при которых звуки получают определенную окраску, а краски определенное звучание.

В связи с выше сказанным закономерно возникают вопросы о существовании иерархии ощущений и принципах, на которых основаны взаимодействия между ними. Ответы на эти вопросы прояснили бы психофизиологическую основу разных видов синестезии, направленности межчувственных переносов. Однако в психологии не наблюдается единой классификации ощущений, как нет и общепринятой классификации синестезии относительно органов чувств и ощущений.

В психологической науке традиционной классификацией сенсорной сферы считается разделение ощущений на пять модальностей: осязание, вкус, обоняние, слух и зрение. В соответствии с этой классификацией выявлено несколько форм синестезии: слуховая, вкусовая, цветовая. Каждая форма получила свое название в соответствии с характером возникающих дополнительных ощущений.

Открытие слуховой синестезии принадлежит американским ученым Мелисе Сээнс (Melissa Saenz, 2008) и Кристофу Коху (Christof Koch, 2008). Она обнаруживается в результате способности некоторых людей слышать звуки при наблюдении за движущимися предметами, для которых не характерно звуковое сопровождение. Ученые полагают, что слуховая синестезия является отражением процесса обработки визуальной информации в мозге: при прохождении нервных импульсов, получаемых от глаз, через участки коры ответственные за слуховые восприятия.

Вкусовая синестезия устанавливает стойкие вкусовые ассоциации на определенные слова и образы. Самой распространенной формой проявления синестезии признается цветовая, при которой аудиальный стимул вызывает яркое цветовосприятие. Цветовая синестезия или явление цветного слуха получило название «синопсии».

А. Р. Лурия предложил систематическую и структурно-генетическую классификации ощущений [50, 238]. Согласно структурно-генетической классификации, ощущения подразделяются на протопатические (примитивные) и эпикритические (сложные), определяя их отношение к различным уровням организации и выделяя ощущения, возникшие на различных этапах эволюции и имеющих неодинаковую сложность своего строения. Рассматриваемая классификация проясняет принцип синестетических переносов установленный С. Ульманом от более «низких» (осязание, вкус), к более «высоким» (зрение, слух) видам ощущений. Обратные процессы «сверху вниз» почти не наблюдаются [79, 140].

Отношение ощущений к различным уровням организации находит свое отражение и в классификации синестезии психологами Дж. Мартино и Л. Маркс (Martino, Marks, 2001). Они различают сильную и слабую синестезию в зависимости от того, какие уровни восприятия взаимодействуют между собой. В случае взаимодействия между сенсорными уровнями проявляется сильная синестезия, например при наличии звуко-цветовых ассоциаций. При интеракции между уровнем образного и сенсорного восприятия, речь идет о слабой синестезии, заключающейся, например, в ассоциировании цвета с определенной графемой (буквой или цифрой).

Что касается иерархии ощущений, то в этом вопросе мнения психологов во многом сходятся. Зрительные ощущения признаются доминантными среди других (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн и др). Зрительная система, по мнению Б. Г. Ананьева, обладает «поразительной способностью превращать незримое в зримое, визуализировать любые чувственные сигналы». Вот почему большая

часть синестетических переносов характеризуется переключением сигнала на зрительный канал связи (слухо-зрительные, тактильно-зрительные синестезии) [1, 287].

Несмотря на расхождения во взглядах по ряду упомянутых выше вопросов, психологи единодушны во мнении о том, что восприятие предметов внешнего мира требует взаимодействия всех органов чувств (или анализаторов) и обеспечивается их синтетической работой. По справедливому замечанию А. А. Понукалина, «человек почти непрерывно погружен в сенсорное поле всех модальностей» [68, 56]. Объединение разномодальных ощущений, способствует формированию целостных образов объектов, что влечет за собой возникновение межчувственных представлений.

Такие полимодальные представления обуславливают синестетическую соотносимость ощущений и ведут к образованию целостного восприятия объектов внешнего мира, восприятию в единстве.

Некоторые ученые полагают, что синестезия является языковой универсалией. Это явление зафиксировано в метафорических сравнениях, связанных с нашим сенсорным опытом и понятных сем метафорических высказываний (например, *теплый свет, яркий звук, бархатный голос, кислая физиономия, темная личность и т.п.*). Характерно, что для описания переживания одной модальности в этих метафорических сравнениях соответственно используются качества или свойства, присущие другой модальности [36, 19].

Синестезия, в этом случае, не только выступает в качестве универсального оператора, осуществляющего трансформацию содержания и материала одной модальности в форму любой другой модальности, но и являет собой слепок «наиболее обобщенных связей объективного мира в той форме, в которой они раскрываются в отношении к целостному субъекту».

Необходимо отметить, что перенос наименования с одного признака на другой происходит благодаря полирецепторной метафоре, то есть синестезии.

Данный феномен представляет собой глубинный механизм сознания, оперирующий на допредметном уровне репрезентации объекта субъекту и осуществляющий закономерную трансформацию содержания и «материала» одной перцептивной модальности (вкуса, зрения, слуха, запаха) в форму любой другой модальности (например, осязания) [55, 88]. Синестезия является неотъемлемой частью мира запахов и ароматов, способствуя расширению его области выражения благодаря заимствованию им признаков других органов чувств.

Ольфакторные прилагательные более всего подвергаются процессу метафоризации, при этом наиболее продуктивным способом осмысления запаха является «оценочная» и синестетическая метафора.

Как видно из вышесказанного, существование огромного количества ощущений, неоднозначность классификаций и определения их иерархии в человеческом восприятии характеризует синестезию как бесспорно сложное явление. С психологической точки зрения, синестезия выступает неотъемлемой частью психики человека. Она отличается постоянством связи смежных ощущений и обеспечивает целостное восприятие окружающего мира.

2.2. Синестезия в лингвистике с позиций когнитивизма

Синестетическое восприятие выражается в том, что перечисленные группы явлений произвольным образом приобретают в субъективном мире человека как бы параллельное качество в виде дополнительных, более простых ощущений или стойких «элементарных» впечатлений. Например, цвета, запаха, звуков, вкусов, качеств фактурной поверхности, прозрачности, объемности и формы, расположения в пространстве и других качеств, не получаемых при помощи органов чувств, а существующих только в виде реакций.

Такие дополнительные качества могут либо возникать как изолированные чувственные впечатления, либо даже проявляться физически. В последнем случае, например, цвета могут образовывать цветные линии или пятна, запахи - складываться в запахи чего-то узнаваемого. Зрительно или телесно синестет может ощущать местоположение объемных фигур, как бы чувствовать прикосновения к фактурной поверхности и т.д. Так, название дня недели («пятница») может быть затейливо окрашено в золотисто-зеленоватый цвет или располагаться слегка справа в условном зрительном поле, в котором собственное расположение может быть и у других дней недели.

При исследовании синестезии с лингвистической точки зрения, отметим, что область интересов данной науки связана с вопросами взаимоотношений психологического и лингвистического аспектов синестезии. А также с критериями понимания синестетического образа, который выражается при помощи языка, направления синестетических переносов и др. Именно лингвистическая система, по мнению Б. Л. Уорфа, призвана сделать более осознанным данное явление, обобщив опыт других наук.

Теоретическим основанием необходимости и важности рассмотрения синестезии с позиции данной науки является и тот факт, что объединяющим элементом для ощущений разных восприятий выступает именно язык [49, 56].

А. А. Потебня в исследовании «Мысль и язык» писал, «...что во всех людях более или менее есть склонность находить общее между впечатлениями различных чувств. Вполне убедительным доказательством существования такой общечеловеческой склонности может служить язык. В славянских языках, как и во многих других, вполне обыкновенны сближения восприятий зрения, осязания и вкуса, зрения и слуха. Мы говорим о жгучих вкусах, резких звуках встречаем сравнения света и громкого, ясного звука» [69, 145].

Первые упоминания о синестезии встречаются в трудах Ф. И. Буслаева. Под синестезией он понимал словесное смешение, комбинацию разных по природе ощущений. В своей работе «Исторические очерки русской народной

словесности и искусства» (1861) он отмечал, что слитность ощущений и их комбинация отложились на семантической структуре ряда языковых наименований и могут быть выявлены при этимологическом анализе. «Яркий свет и резкий звук, производя сходные впечатления, в языке выражаются одинаковыми словами. Яркий (от корня ЯР) теперь говорится о свете и цвете, но в старину употреблялось в значении «громко» (о звуке), а также вообще о быстром и сильном впечатлении» [16, 234].

Однако традиционно считается, что лингвистическое исследование данного феномена начинается с появления работы современника Ф. И. Буслаева, Г. Пауля «Принципы истории языка» (1880), в которой синестезия трактуется как логическая операция, результатом которой был перенос понятия из одной чувственной сферы в другую [67, 289].

В современной лингвистике были предприняты попытки уточнить и дополнить определение Г. Пауля. Необходимо было связать это понятие с «переносом по ассоциации различных понятийных сфер» (Дж. Серл), или «произвести слияния нескольких чувственных ощущений» (Krahl, Kurz, 1973), «соединить вместе признак и предмет, воспринимаемые разными органами чувств» (Золина, 1980) и др. Однако, ученые так и не пришли к единому мнению в толковании этого понятия.

Наиболее распространенной в современной науке является взгляд на синестезию как на разновидность метафоры (С. Ульман, В. Г. Гак, Б. Уорф, Х. Кронассер, М. В. Никитин и др.) Согласно этой точке зрения, синестезия признается «древней, широко распространенной, возможно даже универсальной формой метафоры» [79, 111]. Существует даже предположение, что синестезия возникла раньше логического мышления.

Являясь составной частью праязыка, она представляла собой важный этап в развитии способности человеческого мозга к символизации (Hadermann, 1992).

Согласно позиции М. В. Никитина, синестезия является особым случаем метафоры, которая «представляет собой способ осмысления и именованя того, что наблюдается в описываемом мире, а не того, что отмечается и называется сверх того в прагматических отношениях говорящих к тому, что описывается» [63, 56]. Синестезия, таким образом, это не просто образная форма выражения, а существенная необходимость мысли.

Данные определения позволяют отнести синестетическую метафору к метафорам когнитивного круга, функция которых, по мнению Н.Д. Арутюновой, заключается в формировании недостающих языковых значений, что способствует развитию лексической системы языка [6, 155].

И действительно, если детально проанализировать синестезию, то можно обнаружить, что, как и в метафоре, в ее основе лежит конфликт, внутреннее противоречие. В синестезии соединяются лексемы, косвенно соотносимые с объектами, информацию о которых человек получает из разных органов чувств.

Комбинируемые друг с другом в рамках синестетического образования лексемы являются несочетаемыми относительно своей исходной перцептивной области соотнесения. Коннотативный признак лексемы является основой синестезии, который преобразуется в процессе синестетического переосмысления в определяющий признак синестезии. Данный принцип является универсальным способом образования метафор (Скляревская, 1987; Лакофф, Джонсон, 1990).

Исследуя внутреннюю структуру синестетической метафоры, лингвисты подчеркивают ее двучленность. Она состоит из источника и мишени, относящиеся к различным сферам ощущения, выполняющим две разные функции (Black, 1962; Lakoff, 1980). По этому критерию выделяют сильную и слабую синестетические метафоры. Если областью источника синестетической метафоры выступает только перцептивная сфера, то это слабая синестетическая метафора. В случае если область источника, как и область мишени, находится

внутри перцептивной сферы, то речь будет идти о так называемой «сильной синестетической метафоре». Подобная формулировка учитывает рассмотренную выше классификацию синестезии с психологической точки зрения Л. Маркса и Дж. Мартино.

В последнее время к синестезии все чаще причисляют и переносы от сенсорных полей к эмоционально-оценочным значениям. М. Я. Сабанадзе, например, трактует синестезию как «сложный многоуровневый психофизиолингвистический феномен, в котором ощущение одной сенсорной модальности вызывает ощущение другой модальности либо, - как она справедливо отмечает, - эмоцию» [104, 125]. С этим трудно не согласится, поскольку синестетические образования имеют эмоциональную окраску и часто отличаются довольно сильным эмоциональным компонентом значения.

По мнению И. В. Арнольда, синестезия основана на «общности эмоционально-оценочной реакции» и значительно расширяет возможности образного представления действительности. Он характеризует синестезию как «переход из сферы, воспринимаемой одним органом чувств, в область другого, на пример из области температурных или тактильных в область зрительных и слуховых ощущений» [5, 178].

Soft is the music that would charm for ever;

The flower of sweetest smell is shy and slowly (W. Wordsworth).

Мягкая музыка, которая будет всегда успокаивать;

Сладкие цветы источают приятный аромат.

Музиқии форае, ки ҳамеша таскин мебахшад.

Гулҳои муаттар бӯи хуш мекунад.

Основанием для такого перехода может выступать сходство признаков и эмоциональных реакций, вызываемых ощущениями [5, 178].

А. А. Залевская указывает на комбинации переноса от сенсорных полей к эмоционально-оценочному значению и отмечает что «означаемые [факты] естественного языка требуют тела и эмоций для того, чтобы стать семантически

функциональными» [38, 118]. Многие из таких сочетаний уже прочно вошли в обиход: *сладкие мысли, свежие идеи* и т.д.

Зарубежные исследователи языка по-разному определяют подобные словосочетания. С. Ульман исключает единицы, основанные на параллелизме ощущений и эмоций, из ряда синестезий [79, 58].

Х. Кронассер называет синестезию психофизическим параллелизмом. Он выделяет также прасинестезии – осязательно-обонятельные и истинные синестезии, суть которых заключается в синопсии. Л. Шрадер считает сочетания синестетических лексем с обозначением абстрактных, психических, духовных и эмоциональных понятий «синестезией в широком смысле или абстрактной синестезией».

Из этих определений видно, что это разные проявления одного и того же явления. Современные отечественные лингвисты классифицируют их как первичную и вторичную синестезии. Первичной синестезией, по мнению исследователей Т. В. Григорьевой, А. К. Свистовой, называется употребление слова, значение которого связано с одним органом чувств, в значении, относящемся к другому органу чувств. Разновидности первичной синестезии различаются ими по характеру возникающих ощущений: зрительных, слуховых, вкусовых, осязательных или обонятельных. Вторичная синестезия предполагает изменение значения прилагательных, обозначающих перцептивное восприятие, при их сочетании с названиями психологических переживаний, эмоций и чувств человека, т.е. это выражения, содержащие перенос с чувственного ощущения на переживаемые человеком эмоции [29,48]. Вторичная синестезия на сегодняшний момент является менее изученной, что делает весьма актуальным исследование в этой области.

Важным вопросом при изучении синестезии является определение направления синестетических переносов. Основные тенденции в этом направлении были обозначены С. Ульманом. Он утверждает, что, переход осуществляется от более «низких» к более «высоким» видам ощущений; сфера

Дэй приводит следующие распространенные модели направленности синестетических переносов: зрение → осязание (humid green - влажная зелень – кабудии нам), слух → вкус (bitter chuckles - горький смех – хандаи талх), слух → осязание (sharp crack - звонкая затрещина – шаппотии чарангосй).

Таким образом, проанализировав определения синестезии с точки зрения философии, медицины, психологии и лингвистики, можно сделать вывод, что, каждая наука наделяет это понятие различным содержанием. Философия рассматривает синестезию как часть теории познания. Психология увидела в ней состояние, при котором качества одной модальности переносятся на другую, что обусловлено физиологией организма и является свидетельством взаимосвязи анализаторных систем и целостности чувственного отражения действительности. Для медицины характерно стремление привлечь данные, полученные в результате нейрофизиологических исследований интермодальности с целью объяснения этого явления. Лингвистика признает факт психофизиологической обусловленности синестезии в языке и видит в ней, прежде всего, языковую метафору, вербально закрепляющую межчувственные связи. Однако, как мы видим, даже самые общие представления о синестезии свидетельствуют о попытке отечественных и зарубежных ученых увидеть в ней некое универсальное явление изначально свойственное сознанию человека.

2.3. Синхронность признаков «цвет» и «температура» в сознании человека

В данной работе мы поставили себе цель определить синестезию перцептивных признаков на примере английских прилагательных температуры и цвета в сознании человека. Однако без понимания процессов формирования

данных признаков это едва ли возможно. Данный раздел мы посвятим концептам «цвет» и «температура» и процессам их формирования в сознании.

Как известно, восприятие различных видов движения материи осуществляется с помощью органов чувств. Издревле человечеству известны пять чувств (или модальностей, т.е. принадлежности раздражителя к определенной сенсорной системе): зрение, осязание, слух, обоняние и вкус [72, 38]. Однако существует более современная классификация. Согласно ей, все ощущения делятся на зрительные, обонятельные, слуховые, вкусовые, а также ощущения прикосновения, холода и боли [72, 261].

В процессе восприятия предметов или явлений между перцептивными системами наблюдается четкая взаимосвязь. Ощущения «взаимодействуют» между собой: хотя они и познаются разными органами чувств, однако создают некий единый, целостный образ. В психологии эта взаимосвязь ощущений проявляется именно в синестезии, которая в широком смысле понимается как перенос качества ощущений с одного вида на другой, разнородный [72, 592]. Экспериментально было доказано, что синестезия свойственна каждому человеку, она проявляется в самых разных областях когнитивной деятельности.

В языке явление синестезии проявляется в том, что слово, значение которого связано с одним органом чувств, употребляется в значении, относящемся к другому органу чувств, т.е. имеет место переход, – например, от осязания к слуховому восприятию или от слухового восприятия к зрительному. Лингвистический анализ синестезии направлен на выявление ее особенностей как языкового феномена, структуры и значения синестетических переносов, роли в системе языка и его функционировании [21, 2]. Как лингвистическое явление синестезию рассматривают на материале синестетических словосочетаний: «прилагательное + существительное». Следует отметить, что лексико-семантическое поле восприятия в системе языка не ограничивается данной конструкцией. Прилагательные, образующие синестетические сочетания, входят в лексико-семантические группы вкусового, зрительного,

слухового, обонятельного, тактильного, температурного и гравитационного восприятия. Основываясь на классификации прилагательных А.Н. Шрама, их принято называть эмпирическими [85, 83].

В лингвистике синестезия традиционно рассматривается как разновидность метафоры, а именно как синестетическая метафора. Синестетическая метафора – это «перенос наименования на основе сходства ощущения, при котором и исходное, и производное значения слова являются сенсорными» [102, 10] (ледяные слова, *sour smell* и т.п.). Слово, связанное с одним ощущением, переходит в сферу обозначения другого ощущения, при этом меняя свою семантику.

Синестетическая метафора обычно двучленна по своей структуре и состоит из «источника» и «адресата», принадлежащих к различным сферам ощущения. Адресат и источник выполняют в синестетической конструкции разные функции: адресат (существительное) способствует метафоризации источника (прилагательного). Источник, в свою очередь, выделяет наиболее значимые в данном коммуникативном акте признаки адресата.

Феномен цвета является предметом изучения многих фундаментальных наук, являясь одновременно и составляющей частью многих искусств. Тем не менее, цвет не обладает обобщенной концепцией в пределах какой-либо одной науки или целого направления.

С психологической позиции цветовые ощущения являются одной из специфических реакций глаза и мозга на световые частотные колебания. «Мир бесцветен, цвета в природе нет, есть впечатления о некой реальности, представимые в цветовых ощущениях. Вследствие этого реальность цветового ряда является кажущейся» [57, 45].

Известно, что цветовые модели продуцируются правым и левым полушариями человеческого мозга. При этом данные модели не совпадают и полушария «избирают» различные части цветового спектра. Отсюда и получаются принципиально разные результаты:

1) от природы правое полушарие ориентировано на длинноволновую часть спектра (красный цвет). Оно выдает цветовую картину, которая связана с чувственным восприятием;

2) левое полушарие ориентируется на средневолновую часть спектра (синий цвет). Оно выдает цветовую картину, которая связана с понятийным комплексом.

Парадокс цвета и заключается в таких взаимоотношениях. Благодаря этому человек имеет возможность познавать мир с логической точки зрения и чувственно-образной. Такая трактовка цвета представляется важной для философии, поскольку цвет в этом случае можно рассматривать как перевод невербального (чувственно-образного мышления) на уровень вербального.

Кроме того, с психологической точки зрения цвет взаимосвязан с человеческими эмоциями. Каждая эмоция обладает своим определённым местом в цветовом пространстве, то есть каждой эмоции может быть присвоен определённый цвет. И наоборот, доказано, что у человека каждый цвет вызывает строго определённые эмоции.

По мнению С. Упоровой, в современной лингвистике пока не выработан системный подход к цветонесущей лексике. По ее мнению, важными моментами являются следующие:

– слово, обозначающее цвет, изначально эмоционально окрашено. Оно не просто выполняет номинативную функцию – называет цвет, но и формирует и отражает наше к нему отношение.

– цвет может быть выражен эксплицитно (путём прямого названия цвета или признака по цвету), и имплицитно (путём названия предмета, цветовой признак которого закреплён в быту или культуре на уровне традиции) [69, 52].

Цвет является одним из принципов культуры, который может служить «своеобразной моделью развития, отображающей пути формирования, освоения, закрепления в культурной памяти не только общих, но и национально

окрашенных культурно-значимых концептов» [45, 109]. Если мы не будем учитывать значение цвета, нам могут быть не понятны многие явления культуры.

Цвет выступает в качестве одной из основных категорий культуры, «фиксирующей уникальную информацию о колорите окружающей природы, своеобразии исторического пути народа, взаимодействии различных этнических традиций, особенностями художественного видения мира» [95, 109]. Цвет, являясь компонентом культуры, окружен системой ассоциаций, смысловых значений, толкований. Таким образом, цвет являет собой воплощение разнообразных нравственно-эстетических ценностей человека.

Роль цвета в культуре, безусловно, нельзя переоценить. Цвет - эмоциональность, «обогащенная разнообразными ассоциациями, закрепленными в языковой и социокультурной практике» [95, 110]. Цвет выполняет множество функций в повседневной жизни человека: он выражает отношение человека к окружающим природным явлениям, он может выступать в качестве содержательного элемента культуры. Оперируя цветом, можно характеризовать, систематизировать предметы, социальные установки и нравственно-эстетические понятия.

Языковая система восприятия цвета, отличается от научной «в силу своей антропоцентричности: на то, как мы описываем цвет объектов, влияют как физические и психологические законы восприятия, так и знания о мире, о функциональном использовании наблюдаемых объектов» [95, 111].

С древнейших времен каждый народ использовал цвет как одно из средств осмысления мира, с помощью него обозначали наиболее важное в природе и наиболее ценное в человеке. Со временем цветовые образы стали терять познавательное значение и постепенно приобретали эстетическое и духовное значение. С этого времени именно цвет стал одним из средств отражения внутреннего мира человека.

С течением времени стала расширяться сфера использования цветов в символическом значении. Цвета стали употребляться для обозначения определенных социальных групп, а также для характеристики пространства и времени.

Для максимально полного осознания концепта «цвет» необходимо построить когнитивную или мыслительную модель, которая бы отражала структуру и совокупность знаний о данной категории.

По мнению Е. Г. Белявской, когнитивная модель относится к глубинным структурам человеческого мышления. Такая модель не осознается носителями языка, поскольку является основой языковой интуиции, присущей только носителям [14, 83]. Когнитивная модель включает в себя три уровня:

1. Уровень, на котором осознается, как мыслиться концепт «цвет». Этот уровень также можно назвать уровнем гештальной репрезентации. Здесь при исследовании концептов «цвет» следует «выявить концептуальные схемы, которые отражают мифопоэтическую модель мира» [14, 85].

2. Уровень концептуального поля. Образная модель концепта способствует уяснению системы знаний и представлений, сложившейся в национальном мировосприятии. На основе системы знаний и представлений создается концептуальное поле, которое включает в себя следующие параметры:

- цвет как пространственный ориентир (верх-низ);
- цвет как временной параметр;
- цвет как объект чувства (хорошо - плохо);
- цвет как объект познания и мысли;
- цвет как социальный параметр [95, 112].

3. Уровень семантических обобщений. Задачей данного уровня является выявление семантических обобщений, свойственных тому или иному языку.

Таким образом, моделирование концепта помогает выявить семантические механизмы, вызывающие метафорические употребления цветообозначений.

Как мы видим, роль цвета в жизни человека огромна. Одновременно с этим, феномен цвета требует постоянного и более глубокого проникновения в его сущность. Концептуальное моделирование позволяет предположить, что значение цвета в английской, таджикской и русской культурах имеет отличия, затрагивающие глубинные слои человеческого сознания и отражающие национальные культурнообусловленные особенности.

Говоря о температуре и температурных явлениях, можем утверждать, что температурные явления универсальны, довольно легко воспринимаются человеком и играют важнейшую роль в его жизни.

Их концептуализация основана на сложном взаимодействии между объективной действительностью, человеческим восприятием и оценкой соответствующих явлений с точки зрения их функции в жизни людей в определенном культурном контексте.

Концепт «температура» имеет универсальный, общечеловеческий характер и является важным компонентом в русской, таджикской и английской национальной концептосферы.

Температура как физическое свойство предметов обозначается в языке посредством определенных единиц. Процесс языковой категоризации и означивания предполагает наличие двух условий – объективной температурной характеристики предмета и ее восприятия человеком. Их пересечение приводит к образованию значения лексической единицы – температуры. С когнитивной точки зрения, чтобы означить объективную характеристику предмета, в данном случае высокую температуру, сознание человека выделяет в предмете некий признак, который ассоциируется с температурной характеристикой самого предмета. Такой признак может быть установлен при зрительном восприятии предмета. Появление нового понятия и его словесное оформление является

результатом соединения данных, полученных при визуальном контакте, с ментальными процессами.

Соотнесенность двух рассмотренных категорий имеет место в лингвистике, хотя, как подтверждают статистические данные, выражено это не так явно: модель ЗРЕНИЕ-ТЕМПЕРАТУРА имеет частотность лишь 3,3% (Приложение 1). Тем не менее, оба признака чрезвычайно важны для понимания формирования процесса синестезии в сознании человека.

Самый распространенный вид синестезии – звукоцветовая (синопсия), или «цветной слух». Примерами звукоцветовой синестезии могут служить строки из стихотворений: *«Выткался на озере алый цвет зари, // На бору со звонами плачут глухари»* (С. Есенин) и *«Русалка плыла по реке голубой, // Озаряема полной луной»* (М. Лермонтов). В первом случае явно видятся темно-синее небо, подсвеченное красками заходящего солнца, а, во втором, – тихая лунная ночь со свойственной ей холодной гаммой цветов. Или взять, к примеру, знаменитые «Римские элегии» Гете, который одним из первых попытался взглянуть на поэзию через призму живописи и музыки. В них на чрезвычайно экономном вербальном языке говорится о чуть заметном колыпании, своеобразном дрожании ночной, мирной, предоставленной себе природы. При восприятии стихотворных строк, в которых описывается ночной мрак, густой туман, опустившийся на безмолвную озерную гладь, сразу всплывают перед внутренним взором клубы тьмы с их глубокой чернотой. Читатель или слушатель творения Гете без помощи глаз видит, что вербально-фонетический рисунок как бы сделан черной тушью. Так и должно быть, ибо тихая, безлунная, темная ночь лишена каких бы то ни было красок [25, 45].

Звукобуквы являются фонетическим генератором цветовых ощущений. Решающая роль в возникновении ассоциативной окраски поэтических произведений принадлежит звукобуквам (озвученным, произнесенным буквам). Именно они являются «атомарными» носителями тех зрительных образов, которые генерирует озвученное художественное слово. Разумеется,

звукоцветовые соответствия всегда имеют субъективный «привкус». Это касается и творца, и реципиента. Вместе с тем, просматривается некая устойчивая статистическая взаимосвязь между звукобуквами и, по меньшей мере, основными спектральными цветами.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Синестезия является, бесспорно, сложным явлением, поскольку существует огромное количество сложных человеческих ощущений, множество неоднозначных классификаций. С психологической точки зрения, синестезия выступает неотъемлемой частью психики человека. Она отличается постоянством связи смежных ощущений и обеспечивает целостное восприятие окружающего мира.

Лингвистика признает факт психофизиологической обусловленности синестезии в языке и видит в ней, прежде всего, языковую метафору, вербально закрепляющую межчувственные связи. Однако, как видно, даже самые общие представления о синестезии свидетельствуют о попытке отечественных и зарубежных ученых увидеть в ней некое универсальное явление изначально свойственное сознанию человека.

Цвет является для человека важным средством осмысления мира. В настоящее время цветовые образы имеют не столько познавательное значение, сколько эстетическое и духовное.

Признак «температура» имеет универсальный, общечеловеческий характер и является важным компонентом русской, таджикской и английской национальной концептосферы.

Соотнесенность двух признаков в лингвистике незначительна – лишь 3,3% от общего количества.

ГЛАВА III. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ В АНГЛИЙСКОМ, ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ КАК ТРАНСЛЯТОР СИНЕСТЕЗИИ

Необходимо отметить, что в рассматриваемых нами в дальнейшем примерах мы встретим два вида синестезии: авторскую (именно для этих целей мы анализировали тексты об искусстве) и «устоявшуюся» (для этих целей мы совершали выборку из словаря).

Исследуя тексты об искусстве, следует принимать во внимание, что эстетическая синестезия представляется важнейшей составляющей интерпретации произведения искусства, организующей в своем лингвистическом воплощении основу терминологической системы искусствоведения. Эстетическая синестезия – особый эстетико-психологический феномен, в создании которого принимают участие высшие эмоции, мыслительные операции, в связи с чем, как справедливо пишет Б. М. Галеев, ее можно причислить к сложным специфическим формам невербального мышления [101, 7].

Интермодальное смешение ведет к возникновению в языке специфических словосочетаний, которые, воплотившись в языковую номинацию, становятся отличительной особенностью подязыков искусствоведения, вербально закрепляя межчувственные связи. Обращение к разноструктурным языкам (русскому, таджикскому и английскому) дает нам возможность проанализировать особенности функционирования данной области искусствоведческой терминологии. Целью данного анализа является выявления специфичности и универсалий проявления синестезии.

Следует сказать так же и о втором источнике примеров синестезии – электронном словаре Multitran. Это интернет-система, в которую входят 14 электронных словарей, в том числе англо-русский и русско-английский. В

настоящее время это один из наиболее полных и самых популярных автоматических онлайн-словарей Рунета. Наиболее полно представлены англо-русско-английская, немецко-русско-немецкая и французско-русско-французская его части.

Словарная база «Мультитрана» создана путём сканирования, распознавания и переработки большого количества бумажных словарей и объединения полученных переводов слов в единую базу данных.

В «Мультитране» предусмотрена возможность улучшения качества словарной базы. Каждый его зарегистрированный пользователь может оставлять сообщения об обнаруженных в нем ошибках. Эти сообщения записываются в соответствующие словарные статьи «Мультитрана» и становятся видны всем пользователям, пока ошибка не будет исправлена.

3.1. Синестезия цвета в сопоставляемых языках

Основное значение прилагательных цвета – цветовое, на базе основного значения могут развиваться не цветовые, переносные значения. Количество переносных значений у разных народов различно. Своя символика есть у каждого языка, у каждого народа. Поэтому, совпадая в основном значении, прилагательные цвета в разноструктурных языках чаще всего различаются в своих переносных значениях.

В основе нашего анализа лежит изучение коннотации следующих прилагательных цвета: *белый – сафед, черный – сиёх, красный – сурх*. Именно они входят в состав ядра системы цветообозначений большинства разноструктурных языков. *Синий – кабуд, голубой – осмонранг, зеленый – сабз, желтый – зард* являются наиболее встречаемыми цветами в различных языках [18, 23]. *Коричневый – чигарй, оранжевый – норанҷй, фиолетовый –*

бунафширанг и *розовый – гулобӣ* являются наименее встречаемыми цветами в различных языках [18, 30].

Черный цвет чаще всего имеет негативное значение: злость, несчастье, мрак. Но, тем не менее, такой цвет может иметь и положительную коннотацию: так, черный цвет бровей, глаз, ресниц у многих народов используется для описания внешности человека, чтобы показать красоту последнего, особенно в сочетании с белой кожей.

В русском языке прилагательное *черный – black* может иметь следующие значения: «*физически тяжелый, трудный*» (*черная работа – кори сиёҳ – spade work*); «*преступный, злостный, подлый*» – *чинояткор, бадҷаҳл, палид* (*черное дело – black deed*); «*незаконный, нелегальный*» – *гайриқонунӣ* (*черный рынок – black market – бозори сиёҳ*); «*грязный, испачканный*» – *ифлос, чиркин* (*черные руки – black hands*); «*не главный, не парадный*» (*черный ход – роҳи иловагӣ*); «*мрачный, тяжелый, безрадостный*» – *хира, вазнин, андӯҳовар* (*черный день – рӯзи сиёҳ - black day*) [17, 72].

Черный пояс – *миёнбанди сиёҳ* (англ. Black Belt) – регион на юго-востоке США / *чернозем – минтақа дар ҷанубу шарқи ИМА – сиёҳхок*.

Также в русском языке было обнаружено совершенно другое значение, например, *черный рынок - бозори сиёҳ*. Прилагательные, обозначающие *черный цвет* в русском языке, используются иногда для обозначения интенсивности: *черный холод – сильный холод – хунуки сахт, черный час – глухая ночь – шаби тор*, в таджикском языке *рӯзи сиёҳ – черный день и др.*

В английском языке *черный цвет* в переносном смысле означает все тяжелое, будничное, трудное, а также зловещее, мрачное [99, 33].

Черный (сиёҳ) – это цветовая характеристика означает:

- цвета сажи, угля - (*черная краска – ранги сиёҳ, черный дым*);
- темный, лишенный света - (*черная ночь – шаби сиёҳ, черный мрак*);
- физически тяжелый, (неквалифицированный) – (*черная работа*);
- предназначенный для служебных нужд – *черная лестница и др.*

Отметим, что значения слова «чёрный» не только отражают определенный исторический период в жизни Русского государства, но и тесно связаны с цветом как таковым.

«Чёрный» - «принадлежащий к низшим сословиям, непривилегированный» - (*черные сотни, черные слободы*).

«Черный» – «государственный, тягловый, податной» - *черные люди* – горожане низшего разряда, их также называли *земские люди*.

Во многих индоевропейских языках независимо от конкретного того или иного корня «черный» - значит почерневший от огня, т. е. цвета сажи [76, 34]. Это связано с древним способом вырубки и сжигания леса для освобождения земли под посев.

Черная сотня, черносотенный – понятия, сыгравшие заметную роль и в новейшей русской истории. Первоначально *черные сотни* – это «группы низших ремесленников и торговцев», *черные слободы* - *хунармандони сиех* – «группы ремесленников, приписанных ко дворцу», *черные земли (хоки сиех, сияхок)* – владения черносошных крестьян и тяглого городского населения в Русском государстве. Затем слово «*черносотенный*» получило значение «крайне реакционный».

Предварительный анализ единиц семантического микрополя черного цвета показывает его роль и как способа познания, и как ментальной дифференциации окружающей среды, и как системы символов, структурирующих человеческую деятельность.

Черный пояс (англ. *Black Belt*) – регион на юго-востоке США, в котором большое количество афроамериканцев. Раньше туда ввозили рабов из Африки. Интересно, что атрибутивное сочетание использовалось для названия той части страны, где была темная и плодородная почва (ср. чернозем, англ. *black earth*). Обратимся к другому аналогичному примеру несоответствия культурных кодов в разных языках, мотивированному социокультурной ситуацией. Распространенное в современном русскоязычном дискурсе понятие *черная*

зарплата – *моҳонаи сиёҳ* противопоставляется *белой зарплате* – *моҳонаи сафед*, в эту же парадигму входит *серая зарплата*, что подразумевает различную степень легальности и соблюдение / несоблюдение официальных процедур при выплате заработной платы. Здесь понятие нелегальности описано с помощью цветообозначения *black*, которое, как было сказано выше, визуально связывается с отсутствием информации, темнотой, ср. *черный рынок*. В английском языке также существует словосочетание *black / grey market*, имеющее тот же семантический компонент непрозрачности экономических отношений, однако *black wage* и *white wage* имеют другое значение, связанное с расовой дискриминацией, что отражено в термине *black-white wage inequality*. Изначально оно обозначало несправедливо низкую заработную плату, выдаваемую выходцам из Африки, но в настоящее время может быть смещено и в обратную сторону, принимая во внимание социальные льготы, предоставляемые им.

В системе цветообозначений существует ряд универсальных черт, поскольку они аккумулируют социально-историческую, интеллектуальную, эмоциональную информацию национально-специфического характера.

Ср.: *черные мысли* – *андешаҳои бад* – *black thoughts*, *черная меланхолия* – *гаму андӯҳи сиёҳ* – *black melancholy* – «*мрачное, безрадостное настроение* – *табъи хира*»; *черная зависть* – *бадрашк, бахилӣ* – *black envy*, *черная измена* – *хиёнат, бевафой* – *blacktreason* (в таджикском языке с этим понятием слово «*черный*» не используется) – «*низкое, коварное поведение*» – *рафтори паст, рафтори маккорона*; *черная биржа, черный рынок* – *бозори сиёҳ*, «*неофициальная, тайная деятельность*» – *фаъолияти махфӣ, гайрирасмӣ*; *черное слово* – «*чертыханье*» – *дашноме, ки дар таркибаш калимаи «шайтон» дорад* (слово «*черное*» в этом сочетании не используется в таджикском языке), *черная смерть* – *ачал аз вабо* – *black death* – «*чума*», *черные списки* – *руйхати сиёҳ* – *blackbook* – «*тайно составляемая информация на лиц, неугодных власти*», *черный глаз* – «*порча, вред кому-либо*» – *чаши расидан*, *черная кость* –

«бедный, незнатного происхождения» – омї, *черное духовенство* – *рухониёни сиёҳ* – «часть православного духовенства, связанного монашеским обетом» (безбрачием, воздержанием и др.), «*черное золото*» - *тиллои сиёҳ* – *black gold* – «*нефть*», *черные металлы* – *металли сиёҳ* – *iron* – «названия железа и его сплавов», *черная металлургия* – *металлургияи сиёҳ* – «отрасль промышленности, занимающаяся обработкой металлов из руд», *черные* – *сиёҳҳо* (мн.ч.) – шахматные фигуры темного цвета (в отличие от *белых*).

Существующие устойчивые выражения *держать кого-либо в черном теле* – *treat somebody as a drudge*, *называть белое черным* – *сиёхро сафед гуфтан* – *call white black*, *принимать белое за черное* – *сиёхро сафед пиндоштан* – *call even a snowflake a spade*, *черным по белому написано* – *бо сиёҳ дар рӯи сафед навиштан* (дословно) – *in black and white*, *черная кошка пробежала* – *аз пеши роҳат гурбаи сиёҳ давида гузаит* (дословно) – *sprookusat* и др. свидетельствуют и о перцептивных коррелятах, определенных для цвета, которые стабильно выделяются среди прочих, но и в разных культурах могут рассматриваться как денотат соответствующего основного цветообозначения. Оценочные, экспрессивные характеристики появляются, как свидетельствует проведенный анализ, на периферии поля.

С древних времен белый цвет имел положительное значение, отождествлялся со светом и использовался для обозначения чистого, светлого, божественного. Белый цвет во все времена чаще всего символизировал радость и счастье [81, 187].

Белый – *сафед* – *white* – это цветовая характеристика, противоположная черному, – цвета молока – ширранг, мела, снега – ранги барф, интенсивность – «очень светлый» – хеле равшан (*белые руки* – дастони сафед); белый – светлокожий - *сафедпӯст*, как принадлежность к расе; ясный, светлый (*белый день* – *рӯзи равшан* – о времени суток), чистый (*белая горница, белая половина* – *хонаи хоб*); контрреволюционер, выступающий против советской власти – *зиддиинқилобчиён* (*отряд белых* – *гурӯҳи қанғи сафедҳо*); *белые* (мн.) –

шахматы белого цвета – шохмотҳои рангашон сафед (в отличие от *черных*); составная часть многих названий – *белая акация* – *ақоқиёи сафед/ locust*, *белый гриб* – *замбуруғи сафед/ ser*.

Ср. также: *белый билет* – *military service exemption certificate* – свидетельство об освобождении от военной службы – *шаҳодатномаи сафед*; *белая гвардия* – *гвардияи сафед* – *the white guard* – контрреволюционные войска в России (ср. с англ. *The Blue and the Grey* – войска северян и южан во время Гражданской войны в Северной Америке в 1861–1865 гг.); *белая ворона* – о человеке, резко выделяющемся среди других – *зоги сафед*; *белая горячка* – *ҷунуни мастӣ* – психическое заболевание, возникающее вследствие алкоголизма; *белое духовенство* – не дающее обетов строгого воздержания, безбрачия (в отличие от *черного духовенства*); *белая кость* – *асилзода* – человек знатного происхождения, привилегированный (в отличие от *черной кости*); *белый свет* – *дунёи сафед* – мир, со всем существующим в нем; *белые пятна* – *доғҳои сафед* – о неисследованных районах; о нуждающемся в разрешении вопросе; *белое мясо* – курятина или телятина – *гӯшти хираранг*; *белая олимпиада* – зимние Олимпийские игры - *олимпиадаи сафед* - *бозиҳои олимпи зимистона*; *белые стихи* – нерифмованные стихи, в таджикском языке есть выражение «шеъри озод», но дословно «шеъри сафед» и др.

Устойчивые выражения свидетельствуют о связи цветообозначений с экстралингвистическими (прагматическими, социокультурными, историческими) факторами.

Например: *среди бела дня* – *дар рузи равшан* – *in broad day-light*, *довести до белого каления* – *чаҳли касеро овардан* – *make frantic*, *дойти до белого каления* – *get frantic*, *называть белое черным* – *сафедро-сиёҳ гуфтан* – *call white black*, *принимать белое за черное* – *сафедро-сиёҳ пиндоштан* – *call even a snowflake a spade*, *сказка пробелого бычка* – *афсона дар бораи буққачаи сафед* – *the same old story*, *черным по белому* – *бо сафед руи сиёҳ навиштан* – *in black and white*, *дела как сажка бела* – *things couldn't be worse* и др.

В современных языках прилагательные, обозначающие белый цвет, имеют следующие переносные значения: «светлый, бесцветный, ясный» (*белый хлеб – нони сафед, белое вино – шароби сафед, белая ночь – шаби сафед*) и «чистый» (*белые руки – white hands, белая рубашка – куртаи сафед – white shirt*) [18, 56].

Также в русском языке белый цвет может иметь значение «бледный»: *белое лицо – бледное лицо – ранги сафед, рангпарида*, или передавать чувства сильнейшего гнева: *побелел от гнева* в таджикском языке говорят: *от гнева покраснел – аз чаҳл суп-сурх шуд* [18, 99].

Переносное значение «контрреволюционный», свойственное всем европейским языкам, связывается с эпохой Французской революции: *белая армия – армияи сафед, белый офицер – офицери сафед*.

В английском языке прилагательное *white – белый – сафед* может иметь смысл «легкий, немрачный, благородный» [18, 100].

Известно, что белый цвет в различных культурах является символом надежды, любви и т.д. Но также *белый* – древнейший цвет траура – символ неокрашенной одежды в знак отказа от всех цветов, вкупе олицетворяющих жизнь. В белые одежды по средневековой традиции должны были быть облачены ангелы, патриархи, праведники, великомученики [82, 102]. Так, в русском языке: *человек весь в белом, как на смерть одетый* [113, 6].

«Исторически сложилось так, что красный цвет появляется во всех языках сразу за словами черный и белый» [18, 33]. В русской культурно-исторической традиции *красный* – имеющий окраску одного из основных цветов спектра, цвета крови. Важно отметить, что значение *красный* вторично по отношению к *красивый* [81, 368] – использовался очень широко: (традиц.-поэтич.) прекрасный – оличаноб, ясный – соф, яркий – дурахшон, светлый – равшан), (*красно солнышко – офтоби сурх, красное лето – тобистони тафсон*); радостный – хурсанд, счастливый – хушбахт (*красный день*); парадный – идона, торжественный – тантанавӣ, (*красное крыльцо, красный угол – гӯшаи сурх* –

beautiful corner); *красный зверь* – *хайвони сурх*, *хайвони камёфт*; – животные, наиболее ценные для охотника; (устар.) ткани, мануфактура (*красный товар* – *моли сурх*, *красный ряд* – *қатори сурх*); до революции 1917 года – левый по политическим убеждениям (*красные либералы*); попасть под *красную шапку* – *redcap* (устар.) – угодить в рекруты – сарбоз шудан; *красная горка* – первая неделя после пасхи, время свадеб в старину. Ср. также: *красной нитью проходить* (*ягон гоџи муҳим*) – *run like a golden thread* – выделяться в качестве основной идеи, *красное словцо* (*зарофат*) – остроумное, меткое слово, *красная строка* – *сархат* – *mainline* – первая строка абзаца, *красная цена* – *нархи арзанда* – *outside price* – самая высокая цена, которую можно дать за что-либо. Устойчивые выражения: на миру и смерть *красна/ misery loves company*, пустить *красного петуха* – *set fire*, проходить *красной строкой*, ради *красного словца* не пожалеет и отца - *he would rather lose a friend than a jest* – также демонстрируют, как цвета реального физического спектра приобретают невозможную для реального мира оценочную характеристику.

В русском языке красный цвет с давних пор имел большое количество оттенков, каждый из них мог иметь свое собственное значение и являться символом чего-то определенного. *Красный* символизировал веселье, силу, гнев, месть, кровь, адское пламя. *Алый* ассоциировался с отчаянной любовью. Но именно в *пурпуре*, по мнению А. Черновой, раскрываются все возможности красного, способного выразить самые разные состояния – от мрачного до радостного [82,109].

В советское время *красный цвет* пережил настоящую революцию. Основным его значением стало относящийся к революционной деятельности, связанный с советским строем: *красный* – солдат революционной армии (отряд *красных*, ср. *белый*); *Красная гвардия* (*гвардияи сурх*) – вооруженные рабочие отряды в 1918–1919 гг. для борьбы с контрреволюцией (ср. *Белая гвардия* - *гвардияи сафед*); *Красный флот* – *флоти сурх* и *Красная армия* – *артишии сурх* – название Советских военно-морских сил и Советской Армии с 1918 по 1946

г.; *красный уголок* – помещение для культурно-просветительской работы; *красный галстук* – *галстуки сурх* – пионерский галстук, *красный субботник* – *шанбегии сурх* – бесплатная работа на благо Родины и др. С полным основанием можно говорить об особой роли этого микрополя цвета в динамике культурных кодов. Интересно, что название *Красная площадь* в Москве, этимологически тесно связанное с *красным* в значении *красивый*, в советский период на Западе ассоциировалась с *красным* – *коммунистическим*, являлось символом эпохи социализма.

Чаще всего *красный* – цвет крови, заката. Существуют и частные случаи употребления обозначений красного цвета.

Русское прилагательное *красный* произошло от прилагательного *красивый* и до сих пор сохраняет это значение: *красна девица*. Также оно имеет значения «парадный» (*красный угол*) – «идона», «ботантана»; «яркий, светлый» (*красное солнышко* – *офтоби тобон*) – «тобон, равшан»; «самый важный, лучший» – «аз хама мухим, беҳтарин» (*красная строка*, *красное слово* – *сухани хуш*) и т.д. Неудивительно, что обозначения красного цвета в других языках, не имея такой этимологии, не обладают этими значениями [82, 111].

В английском языке *red* – *красный* – сурх - сигнал опасности. Во всех европейских языках распространено значение красного цвета как «революционного», подобное значение прилагательное имеет в сочетании с конкретными и абстрактными существительными, относящимися к военному делу и социалистическому строю: *красная армия* – *артиши сурх*, *красное знамя* – *байрақи сурх* [82, 108].

В русском языке в словосочетании *красный зверь* актуализуется нецветовое значение «очень ценный» [82, 56]. В основе всех значений имен красного цвета лежит резко бросающийся в глаза цвет, служащий для обозначения чего-то яркого, прекрасного [105, 5]. В английском языке наименования красного цвета могут иметь значение «рыжий».

Синий и голубой в английском, таджикском и русском языках – цвет неба, но также в английском языке подобные обозначения могут использоваться для описания цвета лица во время сильного гнева, болезни. Параллельно с этим синий и голубой цвета в русском и европейских языках могут иметь и положительный смысл – это цвет мечтаний, означающий нечто приятное и желанное.

Также прилагательное *синий* в таджикском и русском языках может иметь переносное значение «очень побледневший»: *синие от холода руки – дастони аз сардӣ кабуд* [105, 86].

Лингвисты считают, что прилагательные *синий* и *голубой* в русском языке не имеют переносных значений, а все фразеологические выражения с ними представляют кальку с других языков: *голубая кровь – «асилзода» – blue blood*, *синяя птица – парандаи кабуд – whistling thrush* [41, 15; 80, 189].

Прилагательные, обозначающие зеленый цвет, в разноструктурных языках чаще всего имеют следующие значения: «незрелый, неспелый» – «хом» – *зеленая ягода*, «неопытный, молодой» – *зеленый юноша*. Не сложно проследить развитие значения: от значения «молодой» – к значению «молодящийся», т.е. старающийся походить на молодого, ведущий себя не так, как приличествует возрасту. Этого значения не имеет русское прилагательное *зеленый* [33, 50]. Но оно приобретает значение «очень бледный, землистого оттенка» и используется для описания цвета кожи человека, которая из-за болезни приобретает зеленоватую окраску.

В английском языке зеленый цвет – цвет покоя, безопасности. Также цветообозначение *green* – *зеленый* – *сабз* встречается в английском и в отрицательном значении: *green labour – низкооплачиваемая работа*, и в положительном: *green way – приятная, широкая дорога – роҳи васеъ* [95, 77].

Что касается обозначений жёлтого цвета, то они могут иметь положительные и отрицательные значения. Положительные значения чаще всего несут золотистые оттенки жёлтого. Наименования жёлтого могут иметь

следующие значения: безумие, уныние, ревность и др. Также *жёлтый* может иметь значение «продажный, предательский, бульварно-сенсационный» – *жёлтая пресса – матбуоти зард*. В таком случае имена цвета несут отрицательную коннотацию [82, 110].

Цветобозначение *жёлтый*, так же, как и прилагательное *зеленый*, употребляется в значении «неопытный», но, в отличие от зеленого, который несет положительный смысл, употребляется в порицательных выражениях: рус. – *желторотый*.

Считается, что коричневый – однозначный цвет, не имеющий переносных значений, но слова: «фашистский, национал-социалистический» в русском языке и «мрачный» в английском языке тесно связаны с этим цветом.

Прилагательные *оранжевый* и *фиолетовый* не имеют переносных значений.

Цветобозначение *розовый* в русском языке может иметь значение «несбыточный» – *розовые мечты – орзуҳои дастнорас*.

В этом значении оно является синонимом *голубого (синего)*.

Наиболее распространенным видом синестетической метафоры в текстах о музыке является слухо-зрительная синестезия (модель «зрение (источник) → слух (адресат)»), основанная на том, что в высказывание аудиального восприятия вторгается некий зрительный образ, то есть происходит «визуализация слышимого», в результате которой можно не только слышать музыку, но и как будто «видеть» ее звучание:

his own colourful palette - его [музыканта] собственная цветовая палитра.

Отражается мнение говорящего (пишущего) к творчеству музыканта, оно сравнивается с художественным творчеством, а манера его игры – с многоцветовой палитрой.

The clearest, most disarming pictures of his thoughts.

Чистейшие, самые обезоруживающие картины его мыслей.

Манзараҳои дилфиреби хаёлоту вай.

Прилагательное *clearest* здесь как бы находится в своеобразном контрасте с прилагательным *disarming*. Смысловая нагрузка синестезии в данном примере – контраст. Мысли музыканта чисты и ясны, но предполагается, что могут быть восприняты реципиентами неоднозначно.

The music so clear.

Настолько ясная музыка.

Мусиқии дилфиреб.

Речь идет о том же музыканте, что и в предыдущем примере. В узком контексте автор намеренно два раза употребляет прилагательное *clear*, вероятно, чтобы сделать на нем еще больший акцент.

Для текстов о живописи наиболее характерна синестезия с направлением синестетического переноса, противоположным слухо-зрительной синестезии – «слух (источник) → зрение (адресат)», то есть зрительно-слуховая синестезия, которая основана на том, что зрительно воспринимаемому изобразительному искусству приписываются аудиальные характеристики, в результате чего можно как бы «услышать» звучание картины.

Обращаясь к словарю Multitran, мы находим множество примеров синестетических метафор и устоявшихся фразеологических сочетаний:

black thoughts – мрачные мысли, *андешаҳои гамангез*;

black humor – чёрный юмор, *ҳачви бечо*;

black dog – депрессия, мрачное настроение – *табъи хира*;

color sound – цветной звук – *оҳанги ранга (дилангез, дилошуб)*;

red hands – руки в крови (причастность к преступлению) – *дастони хунолуд*;

at a white heat – доведённый до белого каления – *хашми касеро овардан*.

Данные единицы, как уже было сказано, обладают различной степенью мотивированности: одни являются чисто авторскими находками,

употребляются для создания определенного стилистического эффекта, другие являются давно устоявшимися фразеологическими сочетаниями.

Существуют случаи, когда в языке объективируются «чистые» синестетические конструкторы, отражающие взаимодействие ощущений.

Рассмотрим единицы, объективирующие синестетические конструкторы в следующих примерах:

Цвет + вкус:

I wore a sweet pink dress with dark pink roses pattering it.

На мне было нежно розовое платье с темно-розовыми розами.

Дар тани ман куртаи гулобиранги маҳине буд, ки нақши садбаргҳои гулобӣ дошт.

В данном примере синестетический конструктор репрезентует эпитет «сладко-розовый», в котором сразу же подчеркивается и положительная оценка объекта из-за положительной коннотации одного их компонентов синестетического конструктора.

Цвет + осязание

Burning Red («жгуче-красный») – название известной английской рок-группы.

В эпитетах, характеризующих объекты, часто встречается *hot-red* (горячее-красный).

Shimmering rice fields clothe the land – sometimes brilliant jade green, when freshy planted with young rice shoots; sometimes when flooded with water, they appear silver, pink, grey, blue, reflecting the ever-changing skies; sometimes they flow sharp yellow, when the rice is ready for harvesting.

Мерцающие рисовые поля покрывают землю – иногда они бриллиантово-нефритовые, когда появляются первые молодые рисовые ростки; иногда, когда их затопляет водой, они кажутся серебряными, розовыми, серыми, синими, отражая постоянно меняющееся небо; иногда они остро-желтого цвета, когда рис готов к сбору урожая.

Майдонҳои пурмавҷи шолӣ заминро пӯшидаанд – баъзан, вақте ки, шолӣ неш зада мебарояд, онҳо ранги алмосии яшмӣ қабул мекунанд, баъзан, ҳангоме ки шолӣ зери об мемонад, онҳо ранги нуқрагин, гулобӣ, хокистарӣ, кабуд гирифта, осмони доимо ивазшавандаро инъикос месозанд, вақте ки, шолӣ пӯхта мерасад, ин майдонҳо ранги зарди баландро қабул мекунанд.

В данном примере синестетический конструкт, репрезентированный в сочетании *sharp yellow* (остро-желтый) обозначает признак интенсивности цвета риса во время сбора урожая.

Цвет + запах

Случаи языковой объективации данного синестетического конструкта в современном английском языке немногочисленны, в основном сводятся к сочетаниям *light scent, dark smell*.

В данном случае, как мы считаем, объективируется, скорее даже, не цветовая характеристика «светлый», а характеристика «легкий», что не позволяет отнести данное сочетание к объективатору синестетического концепта.

Цвет + Звук

«The Silence in Black and White» – «Черно-белая тишина» - название альбома группы Hawthorne Heights. – «Сукути сиёҳу сафед» - номи албоми гуруҳ.

Loud red – громкий красный (о платье) – сурхи баланд.

В большей степени в данных примерах прослеживается взаимосвязь: чем громче звук, тем ярче цвет, что фокусирует такую характеристику, входящую в конструкт, как интенсивность (сила).

Цвет + Эмоция

Все выражения, объективирующие данный синестетический конструкт, обладают высокой степенью устойчивости, являясь устойчивыми метафорами или фразеологическими единицами:

green envy – зеленая зависть;

blue melancholy – голубая печаль.

Также эмоция может быть имплицитна:

to be blue – быть в печальном настроении – андухгин будан.

Отдельного внимания, безусловно, заслуживают авторские, уникальные синестетические метафоры. Вот несколько примеров:

Painting, pouring, dripping, splattering, writing and drawing, McClelland produces surfaces that are variously rococo, catastrophic, sparkly and black as dried blood [158, 45].

Рисуя, обливая, капая, разбрызгивая, записывая и раскрашивая, Мак Клелланд изобретает поверхности в стиле рококо, катастрофичные, блистающие и черные как запекшаяся кровь.

– Мак Клелланд сурат кашидаву андуда, чаконидаву пошида, сабт кардаву наққошӣ карда истода дар услуби рококо сатҳҳое меофарад, ки ялаққосиву фалокатбор ва мисли хуни шахшуда сиёҳанд.

Мы видим в предложении метафорический контраст, примененный автором. Творения художника – с одной стороны блистательные, с другой – негативная коннотация выражения «черные как запекшаяся кровь».

In this diptych's opposing panel, a list of numbers, in black, drops down a gully of marbled jade-green; above it is a cheery burst of small painted gold bubbles [158, 56].

На противоположном полотне этого диптиха расположен список чисел в черном цвете, спускающихся в мраморный нефритовый колодец; над ним – радостный взрыв маленьких раскрашенных золотых пузырей.

Дар тасвири рӯ ба рӯи ин сурат рӯйхати рақамҳое бо ранги сиёҳ ҷойгузорӣ карда шудааст, ки ба чоҳи мрамарини яшимӣ фаромада меравад; дар болои он кафиши ҳубобҳои рангоранги тиллоӣ акс ёфтааст.

Образное описание цветов художественного произведения создает эффект присутствия, не видя картины можно легко представить в воображении

себе это полотно. Автор не просто делится эмоциями, но и заботится о том, чтобы у читателя сложились «правильные» представления от полотна.

That the overlapping fields of self-improvement, athletics and popular entertainment have also long since merged with political theater is at issue in Arnold «The Body», a 7-foot-high, screamingly loud canvas in which the list of measurements starts in silvery metallic paint and then proceeds to heavy black numerals shadowed by electric blue [158, 55].

Те области пересекающиеся самоусовершенствования, занятий спортом и популярных развлечений, которые давно слились с политическим театром, представлены в выпуске Арнольда «Тело», в виде поразительно громкого холста высотой в 7 футов, на котором список изменений начинается с серебристой металлической краски и затем продолжается в тяжелых черных цифрах, затененных электрически-голубым цветом.

В этом предложении обращает на себя внимание синестетический «электрически-голубой цвет». Целью такой авторской новации является эмоциональное воздействие на читателя. Стоит обратить внимание на наличие еще одного синестетического сочетания – *screamingly loud canvas*. Оно непосредственно не относится к предмету нашего интереса в данной работе, поскольку выражено категорией «звук». Тем не менее, наличие в небольшом отрывке текста сразу двух ярких синестетических сочетаний говорит о чрезвычайно большой эмоциональной нагруженности текста.

McClelland's «Solutions» range from pale, Twombly-esque fields of cloudy white in which digits are drawn hesitantly, as if by a child ($1+1=3$, a good guess for a beginning mathematician), to others in which bolder, blockier numbers declare similar mathematical impossibilities ($6+6=5$; not even close) [158, 65].

«Решения» МакКлелланда следуют от бледных полей в облачно-белых оттенках, напоминающих творчество Тумоли, где цифры начертаны нерешительно, как будто ребенком, ($1+1=3$, хорошая загадка для новичка), к другим цифрам, начертанным более жирным шрифтом и более массивным,

которые провозглашают такие же подобные математические невозможности ($6+6=5$, даже не близко).

In the painting series «Internal Sensations» (2013), also shown at Team, words for inner states, such as «brood» and «yearn», are buried in moody fields of white and gray [158, 45].

В серии живописи «Внутренние сенсации» (2013), также показанной в Ассоциации, слова, отражающие внутреннее состояние, такие как «семья» и «тоска», похоронены в капризных тонах белого и серого цвета.

Синестетическое сочетание *cloudy white, moody fields of white and gray*, являются в данных примерах авторской находкой, позволяющей максимально красочно описать работу художника.

Наибольшее число эстетических синестетических сочетаний относится к ядерной номинации *color - цвет* и конкретным цветономинациям. Данные номинации выявляют в большей степени температурную модальность (холодный синий, теплый цвет, *heat of color, cool silver-blue*), модальность степени интенсивности (*мощные красные, интенсивность цвета, intense color, a strong ochre*), психическую (*ликующий цвет, тоскливый серый, seriousness of color, sober range of greens*) и слуховую модальности (*звонкий цвет, цветовой акцент, sonorous color, red snarl*).

Чаще всего встречаются единицы степени интенсивности *strong - сильный, мощный* и *intense - интенсивный*. В английском языке частотность употребления имени прилагательного *intense* гораздо выше частотности употребления его эквивалентов в русском языке. По-видимому, это связано с разнообразием оттенков данного слова: «напряженный» (эстетические синестетические ситуации с прилагательным *intense* в таком значении может быть отнесено к категории психических состояний), «глубокий» «амик» (пространственные ощущения), «жаркий», «пылкий» «пурхарорат» (температурные ощущения и психические состояния).

Более разнообразными оказываются психические ощущения. Цветовой показатель вызывает как положительные, так и отрицательные переживания (печальный, радостный, тоскливый, the color harmonies, sober colors, turbulence of color, languorous color, delicate yellowish nuances), (андӯхгин, хушхол, маҳзун). Слуховая модальность представлена в данных ядерных номинациях всеми различными субмодальностями – и звуковой, и музыкальной и языковой (*приглушенный цвет, ноктюрн цвета, цветовой акцент, emerald explosion, orchestration of colors, red accents*).

Высока частотность употребления эстетических синестетических ситуаций с ядерной номинацией colour и периферийной двигательной модальностью в английском языке, что можно объяснить частым использованием сочетаний типа *dance of colours* и *play of colours*.

Проанализируем еще несколько примеров, синестетических идиом с компонентом «цвет».

Red meat

- 1) первичное значение: мясо, красное (от крови);
- 2) механизм переноса первичного значения: красное от крови мясо представляет собой продукт, не подвергшийся тепловой обработке; - гӯшти аз таъсири хун сурх маҳсулотест, ки коркарди ҳароратӣ надидааст;
- 3) вторичное значение: сырое мясо; гӯшти хом;
- 4) сфера употребления: бытовая.

Black-letter day

- 1) первичное значение: отмеченный черными цифрами в календаре - бо рақамҳои сиёҳ дар тақвим ишора ёфтааст;
- 2) механизм переноса первичного значения: черными цифрами в календаре отмечаются рабочие дни – бо рақамҳои сиёҳ дар тақвим рӯзҳои кори ифода ёфтаанд;
- 3) вторичное значение: будний, обычный день – рӯзҳои кори;
- 4) сфера употребления: разговорная, бытовая.

Можно также сравнить эту идиому с антонимичной: *red letter day* – праздничный, т.е. отмеченный красным в календаре.

Общее значение идиомы домысливается из круга концептов, конкретных эмпирических образов, импликационно связанных с исходным значением. Иными словами, метонимическое значение представляет собой мостик, перебрасываемый от вторичного значения к первичному.

To be shown the yellow card/red card.

1) первичное значение: получить предупреждение, быть дисквалифицированным (в спорте) – огоҳонидан, маҳрум кардан;

2) механизм переноса первичного значения: желтая или красная карточка является сигналом дальнейших действий по отношению к лицу, допустившему ошибку - корти зард ё сурх ишора ба амали минбаъда нисбати шахси ба хатой роҳдода мебошад;

3) вторичное значение: получить предупреждение (быть оштрафованным), быть уволенным с работы из-за превышения полномочий; чарима шудан, барои берун шудан аз салоҳияти худ аз кор ронда шудан.

4) употребление: в сфере трудовой деятельности.

To be given red carpet treatment. - Теплый прием. – Хуш назирӯфтан.

1) первичное значение: быть встреченным на красной ковровой дорожке;

2) механизм переноса первичного значения: красная ковровая дорожка символизирует встречу на высшем уровне, высокопоставленного лица, почетного гостя или известного человека;

3) вторичные значения: а) быть встреченным по высшему разряду, как почетный гость, б) пользоваться успехом у публики, у читателей;

4) употребление: в общественно-политической, дипломатической, культурной и потребительской сферах.

Информация, передаваемая в прилагательных с семантическим признаком «цвет», содержит сведения о наличии или отсутствии окраски вообще, о конкретной окраске, а также об освещенности.

Компонентами дефиниций, свидетельствующими о наличии данного признака в семантике рассматриваемых единиц, являются прилагательные, обозначающие конкретный цвет («white», «green» и др.). Прилагательное ‘*coloured*’, которое указывает на наличие окраски вообще, а также выражение ‘*with ...light*’, указывающее на освещенность: *flower* 1. ‘a coloured or white part that a plant or tree produces before fruit or seeds’/цветок 1. ‘цветная или белая часть, которая распускается на растении или дереве до появления плодов или семян’ - қисмати рангин ё сафеде, ки дар растанӣ ё дарахт то пайдоиши мева ё тухмӣ мешукуфад; *leaf* 1. ‘one of the flat green parts of a plant...’/лист 1. зеленная часть растения; *darkroom* ‘a special room with only red light or no light, where film from a camera is made into photographs’/фотолаборатория - специальное помещение только с красным светом или без света, где пленка из камеры превращается в фотографии, где *room* 1. ‘a part of the inside of a building...’/комната – это часть внутри здания; *фотолаборатория* – ҳуҷраи махсуси дорои нури сурх ё бе нур, ки дар он ҷо пленкаи дохили камера ба сураи табдил меёбад; *ҳуҷраи ин қисмати дохили бино аст.*

Культурные коды цвета, как и любые другие культурные коды, условны, поэтому символика цветов может варьироваться как в диахроническом плане – при эволюции и трансформации культурных кодов во времени, так и в синхроническом – при территориальном разделении и разделении по сферам употребления, сферам знания и т. д.

Исследователи предлагают разные классификации колоративных сложных прилагательных. Так, в работе Ю.М. Закурдаевой представлено пять основных классов сложных адъективных колоративов, обозначающих: оттенок цвета; смешение цветов; сочетание цветов; сопоставление цветов; интенсификацию цвета.

Н. С. Саньярова предлагает семь семантико-стилистических типов адъективных композитов-колоративов: «цвет+цвет» (иссиня-черный, (сиёҳи кабудтоб) огненнорыжий (зарди оташин); «интенсификатор+цвет» (густо-зеленый (сабзи ғализ), светло-карий – сигарии равшан); «цвет+качество» (румяно-упругий – сурхи таранг); «качество+качество» (прозрачнольдистый – яхини шаффоф); «эмоция+эмоция» (тревожно-радостные глаза – чашмони хаячонбахши хушҳол); «эмоция+свет» (угрюмо-темный – андуҳгини торик); «эмоция+интенсификатор» (спокойно - густой – ороми ғафс) [152, 102].

На основании проведенной выборки примеров, представляется возможным привести сопоставительную классификацию прилагательных английского, русского и таджикского языков. Мы полагаем, что предложенная нами классификация (Таблица 1) хорошо согласуется с утверждением, приведенным выше: за пределами первых шести цветов (согласно нашей классификации основных) пять других (или, во всяком случае, большинство оставшихся) получают название смешанных.

Типы прилагательных цветообозначения	Подклассы	Примеры
Основные		красный (red) (сурх), желтый (yellow) (зард), зеленый (green) (сабз) и синий или голубой (blue) (кабуд ва ё осмонӣ), черный (black) (сиёҳ) и белый (white) (сафед)
Смешанные		оранжевый = желтый + красный (orange = yellow + red), норанҷӣ=зард+сурх; розовый=красный+белый, гулобӣ=сурх+сафед (pink = red +white);

		фиолетовый = синий + красный, бунафшранг=кабуд+сурх (violet = blue +red); серый = черный + белый, хокистарй=сиёх+сафед (gray = black +white); коричневый = желтый + черный, чигарй=зард+сиёх
Сложные (составные)	Сложные оттеночные	темно-зеленый, dim/dull green, (сабзи торик); светло-коричневый (сабзи равшан), ярко-красный, dark red, (сурхи баланд), тускло-серый (хокистари и паст); bright-pink, light blue, ,
	Сложные комбинированные	красно-желтый – сурху зард, фиолетово-красный бунафшии сурх, серо-буро-малиновый- хокистари и тираи сурхчатоб; red-yellow, brown-red, green-blue
Референтные	Тематическая группа «Флора»	<i>названия цветов:</i> rose, lilac, lavender, violet, daffodil; васильковый (кабуди кушод), сиреневый (нофармон), гиацинтовый (сунбулй); <i>названия растений и</i>

		<p><i>трав:</i> ginger, mint, tobacco; цвет зелени, табачный, зарди чигаритоб;</p> <p><i>названия деревьев и кустарников:</i> ebony (черное дерево), ashy (пепельный - хокистарранг), rosewood (розовое дерево – дарахти гулобй / дарахти садбарг); цвет красного дерева – ранги дарахти сурх, шафранный – заъфаронй;</p> <p><i>названия плодов:</i> apricot (абрикосовый), peach (персиковый), strawberry (земляничный), cherry (вишневый), hazel (красновато-коричневый - чигарии сурхчатоб), walnut (ореховый), chestnut (каштановый); апельсиновый, морковный, цвет спелой вишни</p>
	<p>Тематическая группа «Фауна»</p>	<p><i>названия животных и птиц:</i> camel, canary, fawn, sorrel, bay, mousy, raven, salmon, oyster, donkey, alligator, pheasant, flamingo; мышиный, вороной, канареечный, цвет тигровый, желтый;</p>

	Тематическая группа «Неживая природа»	<i>названия драгоценных камней:</i> emerald, lapis lazuli, ruby, sapphire, aquamarine, рубиновый, янтарный, изумрудный, бирюзовый, сапфировый; - лаълфом, қаҳрабогун, зумуррадин, <i>названия металлов:</i> bronze, copper, silver, gold, leaden; золотой, серебряный, медный, бронзовый, стальной - тиллоранг, нукраранг, мисин, биринчиранг, пулодранг; <i>другие объекты и явления природы:</i> snowy, sandy; дымчатый, пепельный, коралловый, песочный – дудранг, хокистарй, ёкутй, кумранг;
	Тематическая группа «Еда и напитки»	cream, biscuit, кофейный, шоколадный –қаҳваранг, шоколадранг.

оранжевый = желтый + красный – норанчй = зард+сурх

(orange = yellow +red);

розовый = красный + белый гулобй = сурх+сафед

(pink = red +white);

фиолетовый = синий + красный – бунафшранг = кабуд+сурх

(violet = blue +red);

серый = черный + белый – хокистарй = сиёх+сафед

(gray = black +white);

коричневый = желтый + черный или коричневый = желтый + красный +черный (т.е. оранжевый + черный) - чигарй=зард+сиёх

(brown = yellow + black или brown = yellow + red + black (т.е. orange + black) [63, 277-280].

К третьей группе относятся сложные (или составные) прилагательные цвета, которые, в свою очередь, подразделяются на оттеночные и комбинированные.

Сложные оттеночные (колоронимы, имеющие темный, светлый, яркий или тусклый оттенок): темно-зеленый – сабзи торик, светло-коричневый – чигарии равшан, ярко-красный – сурхи баланд, тускло-серый - хокистарии паст; brightpink, light blue, dark red, dim/dull green.

Сложные комбинированные (состоящие из комбинации двух и более прилагательных предыдущих групп): красно-желтый – сурхи зардчатоб, фиолетово-красный – бунафши сурхранг, серо-буро – малиновый – хокистарии тираи сурхчатоб; red-yellow, brown-red, green-blue.

К четвертой группе мы относим так называемые референтные прилагательные цвета, т. е. такие цветообозначения, которые, будучи употребленными в речи, содержат в себе референт, указывающий на объекты и явления из мира дискурса (предметы, свойства, ситуации и т.д.).

Эта группа прилагательных является одной из наиболее многочисленных. Для удобства мы предлагаем разбить данные прилагательные цвета на следующие тематические группы.

Тематическая группа «Флора».

Названия цветов: rose – роза – садбарг, carnation primrose – гвоздика примулы - мехчагули примула, petunia петунии – патунй, lilac – сирень – ёс, lavender – лаванда – лаванда, violet – фиалка – бунафша, fuchsia – фуксия – гуловез, daffodil – нарцисс – наргис, forget-me-not – незабудка – марзангӯш, geranium – герань – анчибар, wisteria – глицинии – девток (васильковый – тугмагул, цвет розовой фиалки – ранги бунафи гулоб, цвет персидской сирени –

ранги сирени форсѣ; цвет ириса – ранги савсан, цвет увядшей розы – ранги садбарги пажмурда, цвет гиацинта – ранги сунбул);

названия растений и трав: flaxen, ginger – имбирь – занчабил, mint – мята – пудина, sage – шалфей – бахмани сурх, moss – мох, tobacco – табак – тамоку (цвет зелени – ранги сабза, цвет прелой листвы – ранги барги пусида, цвет побегов бамбука – ранги шохаи наи хиндѣ, цвет сочной зелени – ранги сабзаи тару тоза, табачный – тамокугин);

названия деревьев и кустарников: sandalwood – сандаловое дерево – дарахти сандал, ebony – черное дерево – дарахти сиѣх, ash – пепельный – хокистарѣ, cinnamon eucalyptus – корица эвкалипт – дорчини эвкалипт, rosewood – розовое дерево – дарахти садбарг, cedarwood – кедр – дарахти чалгѣза, hickory – гикори, bracken – папоротник – папоротник, honeysuckle – жимолость – мушол (цвет красного дерева ранги дарахти сурх, шафранный – зафаронѣ; цвет березовой коры – ранги пѣстлоки тѣс);

названия плодов: tangerine, apricot, peach, strawberry, cherry, damson, hazel, walnut, chestnut, mandarin, apple, aubergine, nutmeg, almond, cranberry (апельсиновый – афлесунранг, морковный – сабзиранг, цвет спелой вишни – ранги олучаи пухта, цвет мякоти кокоса, цвет рябиновых ягод, цвет зеленого горошка).

Тематическая группа «Фауна».

Названия животных и птиц: camel, canary, fawn, sorrel, bay, mousy, raven, salmon, oyster, donkey, alligator, pheasant, flamingo (мышиный, вороной, канареечный, цвет тигровый желтый, цыплячий желтый) - (мушранг, зоғ ранг, чѣчаранг).

Тематическая группа «Неживая природа».

Названия драгоценных камней: emerald, lapis lazuli, ruby, sapphire, aquamarine (рубиновый, янтарный, изумрудный, бирюзовый, сапфировый) – (лаълфом, кахрабогун, зумуррадин, фирѣзаранг, кабудуи баланд);

названия металлов: bronze, copper, silver, gold, leaden (золотой, серебряный, медный, бронзовый, стальной); (тиллоранг, нукраранг, мисранг, биринчиранг, пӯлодранг);

другие объекты и явления природы: snowy, sandy, ashen, sooty, sky, sand, starlight, sunset (дымчатый, пепельный, коралловый, песочный, кирпичный, цвет морской волны, цвет мокрого асфальта, цвет бутылочного стекла, ультрамариновый цвет, цвет хаки) (дудранг, хокистарӣ, ёкутӣ, кумранг, хиштранг, ранги мавчи баҳр, ранги асфалти тар, ранги шиша, кабуди баланд, хокиранг).

Тематическая группа «Еда и напитки».

Cream, biscuit, butterscotch, chocolate, claret, chartreuse, caramel, brandy, mushroom, toast (кофейный, шоколадный, кофе с молоком, молочный, цвет топленого молока, ореховой халвы; винно-красный, коньячно-золотистый, цвет бургундского вина), (қаҳваранг, шоколадранг, ранги ширу қаҳва, ширранг, ранги равғани обкарда, ранги ҳалвои чормағзӣ, ранги шароби сурх, тиллоранги конякӣ, ранги шароби бургундӣ).

К пятой группе мы относим окказиональные прилагательные цвета. Подобные цветообозначения (или колоронимы) находят широкое использование в художественной литературе, где, как правило, составляют дополнительные внутритекстовые значения (прямые, метафорические, символические и т.п.) и несут идейно-художественную нагрузку.

Приведем следующие примеры окказиональных прилагательных цвета.

Вечер бледно-скромный, весна стоцветно-изумрудная, огни лимонно-апельсинные (В. Брюсов).

Шоми рангпарида, баҳори зумуррадии садранга, партави рангаш лимӯгину афлесунӣ.

Желто-бархатный цвет зари, летуче-красный полумесяц губ (О. Мандельштам). – Сапедаи рангаш зарди махмалин, ҳилоли лабони сурхи сабук.

Румяный полусвет зари (М. Лермонтов). - Сапедаи нимторики лолагун.

Пламенный вечер (Ф.Тютчев). – Шоми шуълабор.

Лазуревый лес (Н. Гумилев). – Чангалзори лочувардй.

Светозарная лазурь (В. Жуковский). – Лочуварди рахшанда.

Полоска неба твердо-алая (А. Ахматова). – Осмонпораи гулгун.

Опалово-лазорная томленность (И. Северянин). – Азоби айнушшамсии лочвардй.

Evil-black thoughts, bloody eyes. (Edgar A. Poe «Black Cat»).

Horror-purple bloody steps. (Edgar A. Poe «The Mask of Red Death»).

To paint the sky in crimson-yellow-black tones, flamecoloured glowworms.
(Ray Bradberry).

Последней группе прилагательных цветообозначения, как и всем окказионализмам, свойственна постоянная пополняемость, новизна и большая степень выразительности.

В целом, вопрос о разработке единой классификации прилагательных цветообозначения в лингвистических исследованиях носит, скорее, прикладное значение. Тем не менее, построение комплексной картины позволяет систематизировать и группировать цветоименования по определенным категориям, что значительно облегчает проведение когнитивных исследований в области цветовосприятия.

3.2. Синестезия температуры в сопоставляемых языках

Многие авторы в качестве источников синестетических образов называют также температурные ощущения. Изучение языковых единиц с семантикой «горячий – холодный» с переносными аксиологическими значениями, представленными в толковых словарях [138, 35],[142, 33] и в текстах Национального корпуса русского языка [152, 22] позволило выявить и описать основные направления метафоризации и оценочного развития

вербальных представителей «температурной» оппозиции в исследуемых языках.

В связи с этим можно говорить о слухо-температурной синестезии в музыковедческих текстах (*cold voice* – *холодный голос*; *hot music* – *горячая музыка*) и о зрительно-температурной синестезии в текстах об изобразительном искусстве (*hot orange* – *ярко оранжевый*).

При объективации конструкта Осязание + Эмоция нам встретились следующие устойчивые единицы:

burning grief – *жгучее горе* – *мусибати сӯзон*;

burn with shame – *сгорать со стыда* – *аз шарм сӯхтан*;

turn one's blood cold - *привести в ужас* – *ба даҳшат овардан*;

Иногда эмоция выражена имплицитно, например:

to be hot under the collar – *горячо под воротничком (от злости)* – *ба ҷахл омадан*;

to be hot – *злиться* – *бадхаим шудан*;

to get cold feet – *испугаться* – *тарсидан*;

do in warm blood – *сделать что-либо в сердцах* – *сари ҷаҳр кореро анҷом додан*.

Необходимо заметить, что такого рода устойчивые синестетические метафоры получили достаточно широкое распространения в английском языке. Практически все они кодифицированы в словарях.

Об объективации конструкта Осязание (Температура) + Цвет было сказано в предыдущем параграфе. Добавим, что примером подобного рода может являться также:

hot pink - *ярко-розовый* – *гулобии баланд*;

hot yellow – *ядовито-жёлтый* – *зарди захрнок*;

Red Hot Chili Peppers (с англ. — *Красные острые перцы чили*) — американская рок-группа.

Подобные виды синестезий несут в себе сильнейшую стилистическую нагрузку – идет не только номинация цвета как таковая, но и высказывается отношение автора к объекту, обладающему данным цветом. Причем, это отношение может быть понято отдельно от контекста – слишком сильна негативная коннотация данных эпитетов.

Рассмотрим пример авторской синестезии:

In the left panel, a column of numbers in flaming pink soars up toward the right, the names of body parts they measure unfurling along side like a banner
[158, 33].

На левом холсте колонна чисел в пылающе-розовых тонах взлетает направо, названия частей тела, которые они измеряют, разворачиваются рядом с ними подобно баннеру.

Дар катони чап сутуни рақамҳо дар рӯи сатҳи рангаи гулобии шуълабор ба тарафи рост парвоз мекунад, номгӯи узвҳои бадан, ки ин рақамҳо андозаашанро ифода мекунанд, дар паҳлӯяшон мисли парчам кушода мешаванд.

Автор употребляет синестезию для выражения своего эмоционального состояния по поводу увиденной картины, подчеркивая необычность исполнения и подбора цветов художником.

Далее подробнее остановимся на некоторых прилагательных, имеющих оттенки метафоры и давно и прочно вошедших в английскую речь как устоявшиеся идиомы.

Имя прилагательное *white-hot* содержит идентификатор *white*, который указывает на присутствие цветовой характеристики предмета, а также идентификатор *hot*, содержащую информацию о высокой температуре. Адъектив определяется словарем Collins English Dictionary как «at such a high temperature that white light is emitted». Компонент *white*, присутствующий в дефиниции, предполагает участие зрительной перцепции при получении информации о белом свечении. Согласно определению, высокая температура

(«high temperature») является важным условием появления белого цвета. Зрительно воспринимая белое свечение, человек делал вывод о жарком состоянии предмета.

В примере «a shower of white-hot embers» адъектив *white-hot* содержит информацию о белом свете и, одновременно, высокой температуре угольков. В дефиниции прилагательного *white-hot* («white-hot metal is so hot that it shines white»), которая представлена в словарях Longman Dictionary of Contemporary English, Macmillan English Dictionary, присутствует компонент «metal» который указывает на то, что металл при его сильном нагреве может приобретать белый цвет. Воспринимая белый цвет металла зрительно, человек сделал логический вывод о состоянии высокой степени накала, которая приводила к его свечению.

Имя прилагательное *burning* определяется словарем Cambridge Advanced Learners' Dictionary как «very hot». Данный адъектив образован от глагола «to burn», который имеет следующую дефиницию в словаре Macmillan English Dictionary: «if a fire or flame burns it produces light or heat». Идентификатор *light* содержит информацию, которая воспринимается человеком визуально. Данные о наличии света у предмета, поступившие человеку через зрительный канал, активизировали знание о высокой температуре, которой обладал предмет. В определении глагола «to burn» словарем Longman Dictionary of Contemporary English: «if a fire burns, it produces heat and flames» компонент «flames» выражает визуально воспринимаемую картину пламени, вид которого явился сигналом об очень высокой температуре. В процессе образования значения имени прилагательного «burning» соединилась информация, полученная при зрительной перцепции («light», «flames») со знанием о том, что пламя обладает очень высокой температурой. Как следствие, имя прилагательное стало передавать значение «жаркий» («hot»): «the burning midday sun».

Модальность «температура» представлена стандартными *warm* – *теплый* и *cold* – *холодный* и более «индивидуализированными» номинациями, как правило, «теплого» направления: *горячий, раскаленный* – *hot, incandescent, burning, cool*. Однако частотность температурных показателей в английском языке высока не из-за разнообразия номинаций, а из-за частой повторяемости конкретных двух прилагательных *warm* и *cold*.

Рассмотрим синестетические значения данных прилагательных более подробно. В своём исследовании мы опираемся на значения слов, зафиксированные в Толковом словаре русского языка (составители С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова), Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (составитель A.S. Hornby) [Ожегов 2003; Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English]. В приведённой ниже таблице 1 значения разных слов, которые (иногда – с некоторыми оговорками) можно считать совпадающими, помещены в одной строке. Если у того или иного слова есть значение, не имеющее аналогов у других рассматриваемых слов, то остальные клеточки в соответствующей строке останутся пустыми. Таким образом, можно наглядно увидеть сходства и различия в значениях данных прилагательных.

Таблица 1 – Сравнение значений прилагательных

тёплый - гарм	warm
ласковый, приветливый (мехрубон, хайрхох)	showing enthusiasm and/or affection; friendly
близкий к цвету огня (ба ранги оташ наздик)	creating a pleasant, comfortable and relaxed feeling or atmosphere (about colours/ sounds)
	in game, used to say that sb. has almost guessed the answer

	to sth. or that they have almost found sb/ sth that has been hidden
--	---

Как у английского, так и у таджикского и русского прилагательных есть переход значения от температурного восприятия к обозначению цвета или света (в английском – также звуков): «близкий к цвету огня: *тёплые тона*» и «creating a pleasant, comfortable and relaxed feeling or atmosphere (about colours/sounds)». Интересно заметить, что в переносных значениях слов *тёплый*, *холодный*, *warm*, *cold*, *cool*, относящихся к восприятию цвета, у русских слов практически отсутствует оценочный компонент (тёплый / холодный цвет). У английских слов, напротив, он важен и указывается в словаре. Он даже служит средством различения сходных значений у английских слов *cold* (холодный оттенок, и это неприятно) и *cool* (холодный оттенок, и это приятно).

Английское *warm* имеет значение «in game, used to say that sb. has almost guessed the answer to sth. or that they have almost found sb/ sth that has been hidden». В русском в такой же ситуации употребляется наречие *тепло*, а не прилагательное.

В исследуемых языках полностью совпадает модель переноса значения: тёплый (гарм) – «приятный – хуш, дружелюбный - хайрхох, ласковый - мехрубон» - (с оттенком «умеренный», особенно при сравнении с переносными значениями слов горячий, *hot*, *chaud*) и переход значения с температуры на цвет: тёплый – тёплый цвет.

Номинация «окрашенности» *tone* – *тон* также образует частотные эстетические синестетические ситуации с температурной модальностью (*tones warm*, *cool tone*, теплые тона) и, что важно, с психической модальностью, показатель которой постоянно и равно высок при всех номинациях (спокойный, радостный тон (лахни ором, хушхолона), *unsparing light*, *glorious light*, *harmony of hues*, *dull tone*).

Ядерные номинации *line (stroke)* – линия, *brush* – кисть, будучи пластическими элементами изображения, отчетливо актуализируют двигательный периферийный компонент (*a flow of curves, thrust of lines, swift flight of lines* (в чем проявляется временная модальность, так как движение темпорально), *стремительная кисть, подвижная линия, brushwork, activity of the brush*).

Среди обнаруженных синестетических конструкций частотными экспликантами являются прилагательные *cold, cool, warm*, которые описывают различные состояния температуры. В анализируемых музыкальных текстах, сочетаясь с экспликандумами из слуховой сферы восприятия, они подвергаются интермодальному сдвигу значения, при котором переходят от семантического поля «температура» к семантическому полю «слух/звук» (*having a temperature – having a sound*). В данном случае труднее четко обозначить переход конкретных интенциональных сем из одной модальности к другой, однако его можно абстрактно представить как «дающий ощущение + t°» (например, *cold*: «giving no sensation of warmth»).

Помимо этих основных, абстрактных экспликантов, наблюдаются и прилагательные с более узким значением. Можно проанализировать сочетание *chilly sound* («прохладный звук») и через номинативно-непроизводные значения выявить интенционал эмпирийного прилагательного (в предыдущих пунктах интенционал экспликандума *sound* рассматривался как «something that can be heard»). Интенциональными семами значения *chilly* являются: «having temperature», «cold», «uncomfortable».

На основе предыдущих примеров несложно установить интермодальный сдвиг словозначений (*having temperature → having sound; cold → low degree of temperature → low degree of emotions → lacking emotions*), механизм передачи «вторичных ощущений» (*giving no sensation of warmth*), а также актуализацию семы «оценка» (*uncomfortable* – негативная коннотация). В данном примере объединяются все основные механизмы синестетической метафоры; значение

же сочетания *chilly sound*, приобретенное в результате данного процесса, можно описать как «not very pleasant sound, lacking emotions».

Итак, из рассмотренных примеров можно выделить два основных процесса, лежащих в основе семантического механизма:

1) сдвиг значения эмпиричного прилагательного из одного семантического поля (области восприятия) к другому;

2) актуализация в лексико-семантическом единстве определенной семы, несущей коннотативное значение, и последующая реализация этой семы в синестетической конструкции.

Анализ синестетических сочетаний из различных сфер восприятия показал, что механизмы образования синестетической метафоры в разных видах синестезии схожи. Во всех рассмотренных словосочетаниях наблюдается симулятивная (метафорическая) синестезическая связь концептов. При вычлениении интенциональных и импликациональных сем из номинативно-непроизводных значений слов механизм образования данных метафор зачастую становится очевиден; в некоторых примерах, однако, он более сложен. Это можно объяснить тем, что порой передача «вторичных ощущений» происходит на подсознательном уровне, и полный комбинаторно-семантический анализ таких сочетаний практически невозможен.

Очевидно, что интерпретировать произведения искусства – задача не из легких. Для интерпретации первым делом требуется понимания данного произведения. Понять – значит найти выразительную метафору, увидеть образ, обновляющий восприятие темы. Как показывают результаты проведенного исследования, синестетические и другие, связанные с близкой каждому человеку чувственно-эмоциональной сферой образы как нельзя лучше подходят для осмысления такого сложного и не всегда понятного явления, как искусство.

Как мы видим, основная сфера, в которой происходит метафоризация оппозиции «горячий – холодный» – это эмоциональная сфера. Она не поддается

непосредственному восприятию и человек стремится интерпретировать её через знаки более знакомой и понятной предметной области.

Процесс постижения человеком умственно воспринимаемой области действительности через более наглядное и важное для коллектива отражается в языке в символическом метафорическом значении слова, реализующемся, как правило, в сочетаемости данной конкретной лексемы с абстрактной. Подобное явление наблюдается как например в русском (*горячее время – холодный ответ*).

Так, компоненты оппозиции «горячий – холодный» выступают в качестве знаков, которые языковое сообщество наделяет особой функцией – оценивать явления более сложной и менее известной сферы, чем знакомый чувственно познаваемый мир. Оценивая эмоциональную сферу, они становятся символами: «горячий» – символом высокой степени эмоциональности, «холодный» – безучастности, равнодушия.

В основе температурной оппозиции лежит контрастная противоположность, подразумевающая некую шкалу, помогающую описать и оценить наличие эмоций в жизни человека. Близкими к точке отсчета, но не нейтральными являются два показателя: «теплый» и «прохладный».

Метафорическая семантика лексем *теплый, теплота, тепло* развивает коннотации их первичной семантики – соответствует температуре человеческого тела, значит, приятна, комфортна человеку. В эмоциональной сфере приятными человеку могут быть искренние реакции, которые доставляют самому человеку приятные ощущения. В рассматриваемых языках в большинстве случаев наблюдается полный параллелизм, ср.: рус. *теплые чувства* – тадж. *ҳиссиёти гарм* – англ. *warm sentiments*.

Такой параллелизм иногда встречается и среди фразеологизмов, ср.: рус. *теплое местечко* – тадж. *ҷойи гармакак, бароҳат* – англ. *a place in the sun*. Приятные ощущения могут возникать от компании (ср. рус. *теплая компания* – англ. *warm lot*); удобной для человека может быть определенная должность

(*теплое местечко*) [71, 230]. Основными источниками внутренней теплоты в русском и таджикском языках являются сердце и душа (*теплота сердца – гарми дил; душевная теплота – эҳсосоти гарм*). Все эти выражения подчеркивают положительную оценку компонента «теплый» как в русском, так и в таджикском языке.

Прохладный – (сард) – «равнодушный – бетараф, безразличный» [122, 626]. Отсутствие каких-либо (положительных или отрицательных) эмоций в русском и английском языках оценивается негативно. Без участия таких важных компонентов внутреннего мира человека, как душа и сердце, реакции человека на определенные действия и его отношения к другим становятся не такими, какими должны быть (*прохладные отношения – муносибати сард; встретить прохладно – пешвози сард; cool relations*). Нормативным же признается участие определенных эмоций в отношениях, которое оценивается положительно.

В работах, описывающих «температурные» слова, отмечается отличие оценочного восприятия температуры в системе переносных значений и в системе первичных значений.

Например, лексема *прохладный* при положительной оценке в первичной семантике (ср. *прохладная ночь – шаби сард*) меняет ее на противоположную в метафорических контекстах [141, 242], [140, 223] (ср. *прохладные отношения – муносибати сард*), а *горячий*, хоть и содержит в основном значении компонент «неприятное ощущение» (ср. *горячий воздух*), в переносном употреблении указывает на положительные эмоции, причем подчеркивает интенсивность последних [Крылова] (ср. *горячие объятия – огуши гарм*); слабые отрицательные коннотации, иногда проявляющиеся в употреблениях *жаркий* (ср. *жаркая одежда – либоси гарм, жаркий климат – иқлими гарм*), в метафорических контекстах полностью исчезают – наоборот, появляется положительная оценка [142, 229]. Такое переосмысление объясняется метафорическим сближением «положительных эмоций и их органов (души и

сердца) с огнем; ср. метафорические употребления типа *горячее сердце – дили гарм, сердечный жар – оташи дил; душевное тепло – дили гарм* [Крылова]. Вследствие этого большая часть слов со значением высокой температуры указывает на положительные эмоции, а слова со значением низкой температуры – чаще всего на отрицательные.

Слова полюса «высокая температура» в метафорическом употреблении описывают разную степень проявления эмоций. Так, «горячий» выражает более высокую степень заинтересованности человека в отношениях или действиях, чем «теплый»:

Получая все более восторженные отзывы, мы с Юркой вскоре поняли, чему обязаны столь теплым, даже горячим, приемом... (Я. Харон) [Национальный корпус русского языка]. - Бо гирифтани чунин баҳои пурвачду хаяҷонангез ману Юрка ба тезӣ сабаби истикболи гарми худро фаҳмидем.

Главным признаком, направляющим семантическое развитие лексем зоны «горячий», является признак «интенсивность», который в разной сочетаемости может актуализировать следующие семы: «активный», «увлеченный» (*горячо рассказывать – бо шавқ нақл кардан*); «страстный» (*горячо обнимать – сахт ба оғуш гирифтан*); «актуальный» (*горячая линия – хатти доғ; горячие новости – навигариҳои доғи рӯз*); «эмоциональный» (*горячие головы – одамони срагарм*), «напряженный» (*горячее время – вақти пурҷӯшу хуруш*).

Еще одним компонентом, влияющим на метафорическое развитие русской лексемы *горячий*, является сема «быстро», которая проявляется в таких сочетаниях, как рус. *по горячим следам, как горячие пирожки*; англ. *go like hot cakes*. В выражении *горячие списки абитуриентов* и признак «быстро» трансформируется в признак «актуально» (*горячие новости, горячие темы – мавзуоти пурҷӯшу хуруш, hot news*), появляющийся, по всей вероятности, вследствие двух тенденций: с одной стороны, актуализации семы «интенсивно» (*горячая линия – линия, по которой часто звонят и обсуждают злободневные вопросы, а значит, важная линия*; тат. *кайнар эш вакыты* «горячее время

работы; время, когда идет интенсивная работа»); с другой стороны – семы «быстро» (*горячие новости – хабарҳои нав – только что полученная информация, поэтому актуальная*); семы могут взаимодействовать (*горячая клавиша – клавиша, нажав на которую, можно быстро набрать номер, значит, на нее часто (интенсивно) нажимают, и это важная клавиша*).

Жаркий, в отличие от *горячий*, усиливает интенсивность эмоционального участия и подчеркивает, что источник настолько нагрет, что сам распространяет жар, ср.: *жаркие – горячие споры – баҳсҳои пурҷӯшу хурӯш*. Еще бóльшая степень интенсивности представлена в компоненте «пылкий» (*пыл – «душевный подъем, горячность» – руҳбаландӣ [142, 635]: юношеский пыл – ҳарорати ҷавонӣ, с пылом защищать – бо гайратона ҳимоя кардан; в пылу – дар ҷӯшу хурӯш – в разгар чего-либо, в момент наивысшего напряжения – дар лаҳзаи пуршиддаттарин: не заметит в пылу сражения – дар айни ҷӯшу хурӯши разм надидан; в пылу и ударить может – вақти ҷаҳл заданаиш мумкин*).

Признак «интенсивность эмоций» помогает развиваться в семантической структуре слов *горячий – гарм, горячо – гарму ҷӯшон, самимона, пылкий – тундмиҷоз, пылко – бо ҷӯшу хурӯш, жаркий – гарм, жарко – гарм* интенсификационным значениям, оценочно окрашенным (*горячее желание – майлу хоҳиши самимӣ; горячо спорить – баҳси гарму ҷӯшон*) и оценочно нейтральным, которые, как правило, сочетаются со словами, называющими отрицательные реакции или состояния (*горячо возмутиться – сахт барошӯфттан; пылкая обида – ранҷиши сахт*).

Слова, представляющие семантику полюса «низкая температура», в эмоциональной сфере показывают человека и его действия без эмоций, без участия главных компонентов, отвечающих за гармоничный внутренний мир человека: души и сердца. *Холодный и ледяной* показывают разную степень проявления равнодушия и безучастности человека (*холодный – ледяной голос – овози сард; холодно встретить – пешвози сард; охладеть к кому-либо – нисбати касе дилсард шудан*). Английское прилагательное *cool* - холодный в

отдельных контекстах выражает, как и его русский эквивалент, значение «равнодушный», а существительное *ice* используется при характеристике сложных ситуаций – *on thin ice*.

И в русском, и в английском языке «отсутствие эмоциональной стороны может быть компенсировано разумом и рассудком» [142, 229], и сочетания типа рус. *решить все на холодную голову* – *масъаларо хунсардона ҳал кардан*, т. е. взвешенно, без эмоций, имеют положительную оценку, ср. то же значение в *хладнокровный* – *хунсард*.

Оппозиция «горячий – холодный» – гарм – хунук вписывается в мировоззренческую сетку координат, состоящую из разных бинарных противоположностей: пространственных («верх – низ», «право – лево»), параметрических («большой – маленький», «широкий – узкий»), цветовых («белый – черный», «яркий – тусклый»), временных («весна – осень», «день – ночь») – и помогает человеку ориентироваться в многообразном окружающем мире. Наблюдение за предметами и явлениями действительности, выделение их важных параметров и свойств позволяет человеку наделять их аксиологическими признаками и использовать в качестве оценочной шкалы при интерпретации умопостигаемых сфер: гносеологической, эмоциональной, этической и т. п., наращивая символические смыслы.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Проанализировав примеры синестезии цвета и температуры в английском, таджикском и русском языках, мы пришли к следующему выводу: существует две разновидности синестезии. Первая из них – авторская. Ее примеры мы нашли в современных английских текстах об искусстве.

Отличительной ее чертой является уникальность. Авторские синестезии употребляются для создания определенного стилистического эффекта.

Вторая разновидность - «устоявшаяся» синестезия. Ее примеры путем сплошной выборки были найдены в словаре. Как правило, они являются давно устоявшимися фразеологическими сочетаниями.

Проанализированная динамика цветообозначений в сопоставляемых языках дает основание утверждать, что ее можно рассматривать как процесс, в ходе которого происходит взаимодействие индивидов с внешним миром, со своим природным или социальным окружением. Все это находит отражение и в устойчивых выражениях, готовых названиях, в которых для современного носителя культуры часто нет цветовой мотивации.

При этом цвет, с одной стороны, впитывает культурный опыт, опосредованный другими индивидами, а с другой – вырабатывает новые элементы опыта, т. е. «производит» культуру. Самым глубинным уровнем смысла является непроявленное содержание, связывающее человека с миром ценностей, законов, образцов поведения. Между этими крайними уровнями располагаются те горизонталы смысла, которые и нуждаются в декодировании.

Было установлено, что кроме основного цветового значения прилагательные цвета могут иметь большое количество переносных значений. Их число различно в разных языках, потому что у каждого народа – своя символика.

Также разное количество переносных значений зависит от имени цвета. Например, прилагательные, обозначающие белый, красный, черный цвета, имеют больше переносных значений, а прилагательные, используемые для описания синего, голубого, зеленого, желтого цветов, ограничены в таких связях. Обозначения розового и коричневого цветов имеют совсем небольшое количество переносных значений, а наименования фиолетового и оранжевого и вовсе не употребляются в переносных значениях. Также следует подчеркнуть,

что названия основных цветов часто совпадают в первых значениях и не сходятся в производных.

Температурная оппозиция отвечает за эмоциональную сферу и помогает оценить разную степень проявления эмоций или их отсутствие. Механизм осмысления эмоций в языке сквозь призму оппозиции, во-первых, показывает, что эмоция передает интенсивность переживаний, участия, заинтересованности человека, что необходимо для его нормальной жизни; во-вторых, отражает важность сердца и души для отношений и действий человека; в-третьих, раскрывает противоречивость богатого эмоционального мира человека.

Компоненты оппозиции «горячий – холодный» имеют символические значения, закрепленные традицией употребления, становятся символами, например: «горячий» – символом заинтересованности, участия, эмоциональности, иногда переходящей границу и не позволяющей адекватно реагировать на что-либо; «холодный» – безучастности, равнодушия, отсутствия эмоциональности, порой необходимого для принятия разумного решения. Проанализировав языковые единицы, представляющие оппозицию «горячий – холодный» в русском, таджикском и английском языках, нам удалось выявить значительную общность в метафорическом развитии и аксиологическом наполнении исследуемых слов, что свидетельствует о сходстве ассоциативного мышления носителей неродственных сопоставляемых языков и одинаковой важности описываемой оппозиции для них.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании проведенного нами теоретического и практического исследования мы пришли к следующим выводам.

На сегодняшний день имя прилагательное становится объектом исследования многих лингвистических работ. Внимание ученых привлекает его способность выражать признаки предметов и явлений.

Как в русском, так и таджикском и английском языках, имя прилагательное занимает одно из центральных мест в системе именных частей речи.

Имя прилагательное в русском языке – это часть речи, обозначающая реальные признаки (свойства и качества) реально существующих предметов и выражающая их в формах степеней сравнения, (ед. и мн.) числа и падежа. Своими окончаниями, сравнительными формами (не принимая во внимания сравнительной степени, ононимической с наречиями, а иногда и со словами категории состояния) и специфичными (синтаксическими) формами числа и падежа, не говоря о семантики.

В таджикском языке, имена прилагательные – это слова, характеризующиеся семантическим значением признака предмета, признака действия и признака, наличием форм степеней сравнения и интенсивных форм, отсутствием форм, свойственным другим частям речи (в частности существительным), и не сколько особыми функциями в предложении, сколько местоположением в словосочетаниях.

Таким образом, прилагательное в таджикском, русском и английском языках - это самостоятельная часть речи, отличающаяся от других частей речи как по семантике, так и синтаксически, и в некоторой степени морфологическими признаками. Причем, последние не столько свойственны ему, сколько характеризуют его отрицательно. Но и отсутствие морфологических признаков может быть приметой той или другой части речи,

как нулевой показатель, если все остальные части речи или какие-нибудь из них (как, например, в таджикском языке) имеют дополнительные аффиксы.

В таджикском языке большую нагрузку, чем скажем в русском и английском языке, получают семантический и синтаксический признаки.

Итак, прилагательные в русском, таджикском и английском языках, совпадая в одной части значений (качества, свойства, признаки предметов по форме, цвету, составу, материалу, из которого предметы изготовлены), различаются другой частью значений, а именно: способностью небольшой группы русских прилагательных выражать принадлежность предмета, с одной стороны, и возможностью некоторых таджикских прилагательных обозначать признаки действия и признаков, - с другой.

Признак как термин, в широком его понимании обозначает любые возможные характеристики предметов. В процессе объединения различных предметов определенного вида в понятия мы используем совокупность признаков, представляющих собой содержание данного понятия.

Любой речемыслительный акт неизбежно является субъективным явлением. В связи с этим невозможно четко и однозначно разграничить мир на объективный, мир физических явлений и субъективный мир мыслей и чувств.

Психолингвистика предполагает, что при изучении значения слова целесообразно взять за точку отсчета именно конкретного индивида. Структуру значения слова целесообразно рассматривать как явление психологическое.

Между предметом и словом, которое его называет, стоит концепт, объективированный в слове. Значение формируется посредством компоновки множества представлений о признаках предмета.

Синестезия – сложное явление, поскольку существует огромное количество сложных человеческих ощущений, множество неоднозначных классификаций. Синестезия отличается постоянством связи смежных ощущений и обеспечивает целостное восприятие окружающего мира.

Явление синестезии – объект исследования в целом ряде научных направлений: лингвистике, психологии, литературоведения, искусствоведении, медицине и т.д. Наиболее широко данный феномен рассматривался в рамках психологии и лингвистики. И если в настоящее время в области психологии изучение синестезии перестало вызывать серьезный интерес, то лингвисты и литературоведы продолжают довольно активно исследовать проявления синестезии в языке.

Психофизиологическая обусловленность синестезии в языке признана в лингвистике, которая видит в ней, прежде всего, языковую метафору, вербально закрепляющую межчувственные связи.

Цвет является для человека важным средством осмысления мира. В настоящее время цветовые образы имеют не столько познавательное значение, сколько эстетическое и духовное.

Признак «температура» имеет универсальный, общечеловеческий характер и является важным компонентом как русской, так и английской национальной концептосферы.

Соотнесенность двух признаков в лингвистике незначительна – лишь 3,3% от общего количества.

Существует две разновидности синестезии. Первая из них – авторская. Её примеры мы нашли в современных английских текстах об искусстве. Отличительной ее чертой является уникальность. Будучи таковыми авторские синестезии употребляются для создания определенного стилистического эффекта.

Вторая разновидность – «устоявшаяся» синестезия. Её примеры путем сплошной выборки были найдены в словаре. Как правило, они являются давно устоявшимися фразеологическими сочетаниями.

Сопоставительный анализ разноструктурных языков позволил установить, что культурные коды не статичны, они подвергаются множеству трансформаций, вбирают в себя как предельно конкретные, так и абстрактные

значения, в их основе могут лежать ныне стертые метафоры. Интерпретация взаимодействия означающего и означаемого, зафиксированного культурными кодами, должна проводиться каждый раз с учетом их динамики. Вследствие того фактора, что культуры не являются изоморфными (особенно в условиях глобализации), культурные коды обладают способностью включать в себя значения, присущие тем или иным явлениям в различных культурах. Причем эти значения могут быть диаметрально противоположными.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ананьев, Б. Г. Психология и проблемы человекознания / Б. Г. Ананьев. – МПСИ, МОДЭК, 2008. – 432 с.
2. Арзуманов, С. Д. Нестеренко С. Забони тоҷикӣ. Учебник таджикского языка для взрослых / С.Д. Арзуманов, С. Нестеренко. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1938. – 383с.
3. Арзуманов, С. Д., Джалолов О. Забони тоҷикӣ. Учебник таджикского языка для высших учебных заведений / С.Д. Арзуманов, О. Джалолов. – Душанбе: Ирфон, 1969. - 415с.
4. Аристотель. Сочинения: в 4т. - 1Т / Аристотель - М.: Мысль, 1976. – 449 с.
5. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов / И. В. Арнольд - М.: Флинта: Наука, 2004. - 384 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1982. - 410 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Языковая метафора [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Лингвистика и поэтика - М.: АН СССР, 1979. - с.147-173.
8. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
9. Арутюнова, Н.Д. Аксиология в механизмах жизни и языка // Проблемы структурной лингвистики / Н.Д. Арутюнова - М.: Наука, 1984. С.5-23.
10. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт/ Н.Д. Арутюнова. - М.: Наука, 1988. - 341 с.
11. Арутюнова, Н. Д. Логический анализ языка: Семантика начала и конца / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 2002. – С. 4 - 11.
12. Аткинсон, Р. Человеческая память и процесс обучения / Р. Аткинсон. – М.: Прогресс, 1980. – 320 с.

13. Бардовская, А.И. Различные подходы к исследованию синестезии // Психолингвистические исследования / А.И. Бардовская. - Тверь, 2002. - С. 16-22.
14. Брушлинский, А. В. Субъект: Мышление, учение, воображение / А. В. Брушлинский – М.: Воронеж: НПО “Модэк”. – 1996. – 380 с.
15. Бузургзода, Л., Ниёзмухаммадов, Б. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Фонетика ва морфология /Л. Бузургзода, Б. Ниёзмухаммадов – Сталинобод: Нашрдавтоҷик. Шӯъбаи таъл. пед. 1941. – 121с.
16. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства / Ф.И. Буслаев - СПб.: Изд-во Кожанчикова, 1861.- Т.1. -643с.-Т.2. - 249с.
17. Василевич, А. П. Исследования лексики в психолингвистическом эксперименте (на материале цветообозначений в языках разных систем) / А.П. Василевич. - М.: Наука, 1987. - 140 с.
18. Василевич, А.П., Кузнецова, С.Н., Мищенко, С.С. Цвет и названия цвета в русском языке/ А.П. Василевич, С.Н. Кузнецова, С.С. Мищенко. - М.: ЛКИ, 2008. – 216 с.
19. Виноград, Т., Флорес, Ф. О понимании компьютеров и познания [Текст] / Т. Виноград, Ф. Флорес // Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 210 – 244.
20. Виноградов, В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Рус. яз., 1972. – 917 с.
21. Вологина, О. В. Узуальные интермодальные сочетания и окказиональные синестетические образы в текстах о живописи и музыке // В мире научных открытий / О.В. Вологина, 2010. – № 4. – С. 61-65.
22. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. - М.: Наука, 1985. – 228с.
23. Гак, В. Г. Беседы о французском слове (из сравнительной лексикологии французского и русского языков) / В.Г. Гак. - М.: УРСС, 2004. - 334 с.

24. Галеев, Б.М. Проблема синестезии в эстетике // Современный Лаокоон. Эстетические проблемы синестезии / Б.М. Галеев. - М.: Изд-во МГУ, 1992. – С. 78 – 85.

25. Гегель, Г. В. Наука логики. / Отв. Ред. М.М. Розенталь; Т. 1- 3. Т.16 Учение о бытии / Г.В. Гегель. – М.: Мысль, 1970. – 501 с. Т. 2: Учение о сущности. – М.: Мысль, 1971. – 243 с.

26. Грамматика английского языка: Морфология. Синтаксис: учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов по специальности № 2103 «Иностранные языки» / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гузеева. – СПб.: СОЮЗ, 1999. – 496с.

27. Грамматика русского языка: фонетика и морфология / под ред. Л.В. Щербы. – М.: Учпедгиз, 1946. – 208с.

28. Грамматикаи забони адабии хозираи тоҷик. Ҷилди 2. Душанбе: Дониш, 1986. – 372с.

29. Григорьева, Т. В. Образное и символическое в семантике слова / Т. В. Григорьева // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17. – № 4. – С. 1842 - 1846.

30. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В.фон, Гумбольдт. - М.: Прогресс, 1984. – 398с.

31. Додихудоев, Р.Х., Гертсенберг Л.Г. Таърихи забони тоҷикӣ / Р.Х. Додихудоев, Л.Г. Гертсенберг. – Душанбе, 1988. – 215с.

32. Дубровина, К. Н. Перевод многозначных слов на материале цветковых обозначений в лирике Ф. Гарсиа Лорки // Вопросы теории и техники перевода: сборник / под ред. Б. Ларина/ К.Н. Дубровина. - М., 1970. С. 49-58.

33. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М., 2006. – 410 с.

34. Забони адабии хозираи тоҷик. Синтаксис. Барои студентони факултетҳои филологии мактабҳои олии. - Душанбе: Ирфон, 1970. – 268с.

35. Забони адабии хозираи тоҷик. Қисми 1. / Лексикология, фонетика ва морфология. / Китоби дарсӣ барои факултетҳои филологияи мактабҳои олий. – Душанбе: Ирфон, 1973. – 451с.

36. Заиченко, А. А., Картавенко, М. В. Синестезия – феноменология, виды, классификации / Информатика, вычислительная техника и инженерное образование/ А.А. Заиченко, М.В. Картавенко. – М.: 2011. №3 (5). С. 15–26

37. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская – М., 1999. – 220 с.

38. Залевская, А. А. Концептуальная интеграция как базовая ментальная операция / А. А. Залевская // Слово и текст: психолингвистический подход. Сб. научн.тр. Вып. 2. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2004. – С. 16- 19.

39. Искандарова, Д.М. Фазовые конструкции в таджикском языке / Д.М. Искандарова. – Душанбе, 1997. – 108с.

40. Калонтаров, Я.И. Мудрость трёх народов / Я.И. Калонтаров. - Душанбе: Адиб, 1989. – 428с.

41. Ключева, В. Н. Прилагательные, обозначающие цвет во фразеологических единицах // Уч. записки 1-го Моск. гос. пед. ин-та ин. яз / В.Н. Ключева. - М., 1956. Т. 10. - С. 3-18.

42. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1982.- 421 с.

43. Қосимова, М.Н. Таърихи забони адабии тоҷик / М.Н. Қосимова - Душанбе, 2003. – 490с.

44. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е.С. Кубрякова. – М.: Ин-т языкознания Российской Академии наук, 1997. – 560 с.

45. Кубрякова, Е. С. Части речи с ономаσιологической точки зрения / Е. С. Кубрякова - М.: Наука, 1978. – 301 с.

46. Кузнецова, Э. А. Трактат о синестезии / Э.А. Кузнецова - Казань: Казанский гос. ун-т им В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – 123 с.

47. Лаенко, Л.В. Категория признака в научном пространстве современного гуманитарного знания / Л.В. Лаенко. - Вестник ВГУ, серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация», 2002, № 2, - 31 с.

48. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. – С. 387 – 416.

49. Лосев, А. Ф. История античной эстетики: Аристотель и поздняя классика / А. Ф. Лосев - М.: Искусство, 1975. – 776с.

50. Лурия, А. Р. Лекции по общей психологии / А. Р. Лурия — СПб.: Питер, 2006. – 320 с.

51. Любимова, Е. Д. К проблеме словесных и чувственных обобщений (на мат-ле названий цвета в эвенкийском языке) // Известия АПН РСФСР/ Е.Д. Любимова. – М., 1960. Вып. 113. С.62-71.

52. Матурана, У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95-142.

53. Меграбова, Э. Г. Взаимодействие ценностей, коммуникативных и лингвистических стратегий в дискурсе о России журнала «Ньюсуик» / Э. Г. Меграбова // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2009. - № 1(21): Социолингвистический контекст межкультурных коммуникаций. – С. 55 – 59.

54. Ментальные репрезентации: динамика и структура. – М., 1998. – 199 с.

55. Моисеева, С. А., Бубырева, Ж. А. Прилагательные осязательного восприятия как объект номинации и синестетических переносов / С.А. Моисеева, Ж.А. Бубырева. - Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. №2. С. 84–88.

56. Морозова, В. С. Символика цветообозначения при описании концептов эмоций в современном арабском литературном языке // Фразеология в контексте культуры / В.С. Морозова. - М.: Языки русской культуры, 1999. С. 300-304.

57. Мостепаненко, Е. М. Свет в природе как источник художественного творчества / Е. М. Мостепаненко // Художественное творчество - М., 1986. – С. 4 – 24
58. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер – М.: Прогресс, 1981. – 330 с.
59. Ниёзмухаммадов Б.Н., Бузургзода Л. Морфологияи забони тоҷикӣ/ Б.Н. Ниёзмухаммадов, Л. Бузургзода. – Сталинобод. Нашрдавтоҷик. Шӯъбаи таълими педагогӣ. 1941. – 68с.
60. Ниёзмухаммадов Б.Н. Ҷумлоҳои содда дар забони адабии ҳозираи тоҷик / Б.Н. Ниёзмухаммадов.- Сталинобод, 1960. – 96с.
61. Ниёзмухаммадов Б.Н. Забоншиносии тоҷик / Б.Н. Ниёзмухаммадов. - Душанбе: Дониш, 1970. – 396с.
62. Ниёзмухаммадов Б.Н., Ниёзӣ Ш., Каримов А. Забони тоҷикӣ. Қисми 2. Синтаксис барои синфҳои 7-8 / Б.Н. Ниёзмухаммадов, А.Каримов. - Душанбе, 1962. – 120с.
63. Никитин, М. В. Заметки об оценке и оценочных значениях – 1 // Когнитивно-прагматические и художественные функции языка: Сб. статей StudiaLinguistica № 9. СПб./ М.В. Никитин. – М., 2000. С. 6-11.
64. Никитин, М. В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие / М. В. Никитин - Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. - 277 с.
65. Никитин, М. В. Основы лингвистической теории слова / М. В. Никитин – М.: Высшая школа, 1988. – 271 с.
66. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1996. – 819 с.
67. Пауль, Г. Принципы истории языка / Г. Пауль - М.: из-во ин-та литературы, 1960.- 500 с.
68. Понукалин, А. А. Введение в психоакустику / А. А. Понукалин – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1991 – 220 с.
69. Потемня, А. А. Мысль и язык /А. А. Потемня - К.: СИТНО,1993.-192 с.

70. Расторгуева, В.С. Краткий очерк грамматики таджикского языка / Таджикско-русский словарь под редакцией В.М. Рахими и Л.В. Успенской. М., 1954. – С. 529-540.
71. Рахилина, Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М.: Азбуковник, 2010. – 448 с.
72. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн – СПб.: Питер, 2007. - 713 с.
73. Рубинчик, Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка/ Ю.А. Рубинчик. - М.: Восточная литература, 2001. – 600с.
74. Сабанадзе, М.Я. Синестезия в языке: обзор подходов к проблеме: (К разраб. психофиол. основы звуко-символизма) / М.Я.Сабанадзе. Сев.- осет. гос. ун-т им. К.Л. Хетагурова. Орджоникидзе, 1986. - 9 с.
75. Семантика и категоризация / под ред. Р. М. Фрумкиной. – М., 1991. – 261 с.
76. Слемнев, М. А. Феномен синестезии: цвет и звук / М. А. Слемнев, И. М. Слемнева // Искусство и культура. – Витебск: Витебский государственный университет им. П. М. Машерова, 2012. – С. 35 – 41.
77. Смирницкий, А.И. Морфология английского языка / А.И. Смирницкий. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1959. – 432с.
78. Сэпир, Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике / Э. Сэпир. Вып. XVI. М., 1988. С. 43–78.
79. Ульман, С. Семантические универсалии / С. Ульман // Новое в лингвистике — М.: Прогресс, 1970. — Вып. 5. – С. 250 - 299
80. Фрумкина, Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике / Р. М. Фрумкина // Вопросы языкознания. – 1996, № 2. – С. 55-67.
81. Ходжаян, Т. Р. Психологические предпосылки создания коннотативных значений // Иностранные языки. Вып. 6. Зарубежная литература / Т.Р. Ходжаян. – М., 1986. - С.185-191.

82. Чернова, А. Д. ...Все краски мира, кроме желтой / А.Д. Чернова. - М.: Искусство, 1987. - 219 с.

83. Шарандин, А. Л. Курс по лексической грамматике русского языка. Морфология / А. Л. Шарандин – Тамбов: Изд-во Тамбовского университета, 2001. – 313 с.

84. Шехтер, М. С. Психологические проблемы узнавания / М. С. Шехтер – М.: Просвещение, 1980. – 340 с.

85. Шрамм, А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка): монография / А.Н. Шрамм. – Ленинград: ЛГУ, 1979. – 134 с.

86. Штерн, А. С. Перцептивный аспект речевой деятельности / А. С. Штерн – СПб., 1992. – 311 с.

87. Юм, Д. Сочинения в 2-х т. – Т2./ Д. Юм. - М: Мысль, 1965

88. Яхяева Х. Ю. Словообразование имен прилагательных в английском и таджикском языках: монография / Х. Ю. Яхяева. - Душанбе, 1971.-140с.

89. Biber D., Johansson S., Leech G., Conrad S., Finegan E. Longman Grammar of Spoken and Written English / Sixth Ed. Harlow: Pearson Education Limited, 2007. - 1204 с.

90. Cytowic, R. Synesthesia: A Union of The Senses / R. Cytowic. - 2nd edition Cambridge: MIT Press, 2002.

91. Nesfield, J. Outline of English Grammar / J. Nesfield. - Lnd, 1914, ch. LLI, p.18.

ДИССЕРТАЦИИ

92. Житков, А.В. Функционально-семантическое поле восприятия запаха и синестезия одорической лексики в произведениях И.А. Бунина: дис.. канд. филол. наук: 10.02.01/ Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 1999. – 190с.

93. Исмаилова, Х. Э. Словообразование качественных прилагательных в современном русском и таджикском языках: дис... канд. филол. наук. 10.02.20. - Душанбе, 1997. – 167с.
94. Королева, А.И. Имя прилагательное в русском и таджикском языках. (Сопоставительная характеристика): дис. канд. филол. наук. 10.02.20. - Душанбе, 1965. – 274с.
95. Макеенко, И. В. Семантика цвета в разноструктурных языках (универсальное и национальное): дис... канд. филол. наук / И.В. Макеенко. - Саратов, 1999. - 258 с.
96. Минина, Н. М. Лексико-семантическая глагольная система современного немецкого языка: дис. ...канд. филол. наук / Н. М. Минина – М., 1975. – 426 с.
97. Салимов Р.Д. Структура и семантика в односоставных предложениях в русском и таджикском языках: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20. – Душанбе, 2010. – 399с.
98. Тиллоева, С. М. Лексическая синонимия имён прилагательных в таджикском и русском языках: дис... канд. фил.наук. – Душанбе, 2000. – 121с.
99. Тимофеева, А. М. Сопоставительное исследование лингвоцветовых картин мира (на материале идиолектов Н. Заболоцкого и Р. Фроста): дис... канд. филол. наук. Тюмень, 2003. - 244 с.
100. Яхяева Х.Ю. Опыт сопоставительного изучения имен прилагательных в английском и таджикском языках: дис... канд. филол. наук.10.02.20. – Душанбе, 1973. – 180с.

АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

101. Галеев, Б. М. Проблема синестезии в искусстве: автореф. ... дис. канд. филос. наук / Б. М. Галеев. – Киев, 1985. – С. 16.

102. Левчина, И. Б. Развитие семантической структуры синестезических прилагательных: автореф. дис. ...канд. фил.наук / И.Б. Левчина. – СПб., 2003. – 20 с.

103. Норматов, М. Порядок слов в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. канд. фил.наук. Душанбе, 1968. – 28с.

104. Сабанадзе, М.Я. Синестезия в подъязыке музыковедения (На материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / М.Я. Сабанадзе - Ленингр. госуд. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1987. – 21 с.

105. Чернер, Х. Семантический объем прилагательных, обозначающих цвета, в русском языке в сопоставлении с немецким: автореф. дис. ...канд. филол. наук. - М., 1973. - 20 с.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

106. Айни, С. Ёддоштҳо / С.Айни. – Душанбе: Сарредаксияи илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик, 2009. - 680с.

107. Айни, С. Воспоминания. С.Айни. М.: Из-во АН СССР, 1960. – 1093с.

108. Вознесенский, А. На виртуальном ветру / Андрей Вознесенский. – М.: Вагриус, 1998. – 468 с.

109. Войнич, Э.Л. Замбур / Э.Л. Войнич. – Сталинобод: Нашрдавтоҷ, 1956. – 304с.

110. Войнич, Э.Л. Овод /Э.Л. Войнич. М: Издательство Азбука, 2014. – 384с.

111. Горький, М. Бачагӣ. М.Горький. Бачагӣ. – Сталинобод: «Адиб», 1951. - 288с.

112. Горький, М. Детство / М. Горький. – М: Издательство «Детская литература», 1986. – 224с.

113. Симонов, К. Лирика / К. Симонов. - М.: Изд-во Художественной литературы, 1956. - 176 с.
114. Стивенсон, Р. Ҷазираи ҷавохирот / Р. Стивенсон. – Сталинобод: «Ирфон», 1960. – 256с.
115. Стивенсон, Р. Остров Сокровищ/Р. Стивенсон. – М: Издательство «Махаон», 2009. – 240с.
116. Твен, М. Саргузашти Том Сойер / М. Твен. – Душанбе: «Ирфон», 1976. – 205с.
117. Твен, М. Приключения Тома Сойера /М.Твен. М: Издательство «Махаон», 2010. – 296с.
118. Улуғзода, С. Субҳи ҷавонии мо / С. Улуғзода. Сталинобод: Нашравтоҷик, 1956. – 362с.
119. Улуг-Зода, С. Утро нашей жизни. С. Улуг-Зода. М: Советский писатель, 1962. – 344с.
120. Aini, S. Pages from my own life / S. Aini. Soviet literature №5, 1956. – 680p.
121. Blaylock, J.P. The Stone Giant / J.P. Blaylock. - London: Grafton Books, 1989. 331p.
122. Brown, J.W. Penross Manor / J.W. Brown. - England: Word Books, Milton Keynes, 1987. - 222p.
123. Cherryh, C.J. Rusalka / C.J. Cherryh. - London: A Mandarin Paperback, 1991.- 374p.
124. Christie, A. The ABC Murders / Selected Detective Prose/ A. Christie. - М.: Raduga Publishers, 1989. - 400p.
125. Gorki, M. Childhood / M. Gorki. Moscow, 1968. – 288p.
126. Guin, U. le. Planet of Exile / U. Guin. - New York: Ace Science Fiction Books, 1983, 124p.

127. King, S. The Bachman Books (four early novels)/ S. King. - London: The Pinguine Group, 1985. - 923p.
128. Lewis, C. S. The Screwtape Letters/ C.S. Lewis. - New York: MacMillan, 1982. - 172p.
129. Science Fiction. English and American Short Stories. M.: Progress Publishers, 1979. - 348p.
130. Stevenson, R. The Treasure Island/ R. Stevenson. Moscow, 1958. – 256p.
131. Sheldon, S. Nothing Lasts Forever/ S. Sheldon. - New York: Warner Books 1994. - 384p.
132. Twain, M. The Adventure of Tom Sawyer/ M. Twain. New York, United States: STERLING, 2012. - 224p.
133. Vonnegut, K. Cat's Cradle / K. Vonnegut. - London: Penguin Books, 1973.- 179p.
134. Vonnegut, K. Welcome to the Monkey House/ K. Vonnegut. - New York: Dell, 1988. - 308p.
135. Wilson, C. The Mind of Parasites / C. Wilson. - M.: Raduga, 1986. - 331p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

136. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова – 2-е изб. стереотип. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – 608с.
137. Большой словарь медицинских терминов / под ред. Янцевой Л.И. – М.:Центрполиграф, 2007. – 959с.
138. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
139. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4т. / В.И. Даль. – М.: РИПОЛ классик, 2006. – т.2. – 784с.
140. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685с.

141. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 2 / под общ.ред. Ю. Д. Апресяна. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.

142. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное, – М.: ООО «А Темп», 2006. – 944 с.

143. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбаха 2-е изд. - СПб.: 2006. - 1096 с.

144. Таджикско – русский словарь /под ред. Л. Успенской и М. Рахими. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1954. – 789с.

145. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2./ М. Фасмер. - М.: Астрель, 2004. – 671с.

146. Философская энциклопедия / под ред. Ф.В. Константинова. – М.: Издательство Советская энциклопедия, 1970. -740с.

147. Философский словарь / под.ред. И.Т. Фролова. – М.: Изд-во полит лит-ры. – 1980. – 444 с.

148. Чамшедов, П. Фарҳанги тоҷикӣ ба англисӣ / П. Чамшедов. - Душанбе: Эҷод, 2008. – 978.

149. Энциклопедия «Русский язык». (Под ред. В.Н. Ярцевой). М., 2003. – С. 268-269.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ

150. Day, S. Synaesthesia and Synaesthetic Metaphors // Psyche./ S. Day. - 1996. - No. 2. // URL: <http://journalpsyche.Org/ojs-2.2/index.php/psyche/article/viewFile/2429/2358>.

151. Крылова, Т. В. Прилагательные со значением высокой и низкой температуры и наивно-языковая оценка температуры [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dialog21.ru/digests/dialog2009/materials/html/39.htm>
152. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>
153. Cambridge Advanced Learner's Dictionary [электронный ресурс] / Cambridge University Press: [2012]. – URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/>.
154. Collins English Dictionary / HarperCollins Publishers: [2012]. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/>.
155. <http://www.multitran.ru/>
156. Longman Dictionary of Contemporary English [электронный ресурс] / Pearson Education Limited: [2012]. – URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary>.
157. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English/ A.S. Hornby (ed. by Sally Wehmeier). – Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. – 1539
158. Princenthal, N. Paint by Numbers Suzanne McClelland / N/ Princenthal // Art in America, 2015.

Приложение 1

Модели формирования межчувственных переносов

слух-осязание (42.6 %),

слух-вкус (11.7 %),

зрение-осязание (10.6 %),

слух-температура (6.8 %),

слух-зрение (6.3 %),

запах-вкус (4.7 %),

зрение-температура (3.3 %),

зрение-вкус (3.0 %),

запах-осязание (2.7 %),

зрение-слух (2.0 %),

температура-вкус (1.5 %),

запах-зрение (1.1 %).